IV а
Т. 63
IV
№ 2413

Библіотека «Революція и Культура».

Проф. В. Ѳ. ТОТОМІАНЦЪ и проф. В. М. УСТИНОВЪ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

„УТОПІИ".

(Соціальный рай на землѣ).

Библиотека Ленингр. Инсти...

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА».
Москва — 1917.

1-ый Ленинградский Юридический Институт
БИБЛИОТЕКА

Типографія т./д. «МЫСЛЬ», Москва, Петровка, 17.

„УТОПІИ“.

(СОЦІАЛЬНЫЙ РАЙ НА ЗЕМЛѢ).

Проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ.

I.

Вступленіе.

Нашъ планъ изложенія утопій будетъ нѣсколько отличаться отъ обычнаго изложенія. Всѣ историки утопій начинаютъ изложеніе таковыхъ съ сочиненій древне-греческаго философа Платона. Всѣ они причисляютъ къ утопистамъ С. Симона, Р. Оуэна и Фурье. Нѣкоторые изъ историковъ идутъ логически такъ далеко, что причисляютъ къ утопическимъ системамъ и такъ называемый научный соціализмъ (Свентоховскій) и ученіе о націонализаціи земли Генри Джорджа, какъ это дѣлаетъ нѣмецкій профессоръ А. Фойгтъ.

Ради краткости мы рѣшили начать ознакомленіе съ утопіями съ сочиненія Т. Мора, который далъ начало самому слову утопія и книга котораго не является подобно сочиненіямъ Платона философскимъ рецептомъ улучшенія существующаго, а фантастическимъ изображеніемъ несуществующаго государства.

Такъ называемыхъ соціалистовъ - утопистовъ, С. Симона, Ш. Фурье и Р. Оуэна мы вслѣдъ за извѣстнымъ французскимъ экономистомъ Ш. Жидомъ не считаемъ вполнѣ утопистами, ибо большинство изъ предсказаній и проектовъ уже осуществилось, хотя бы въ формѣ кооперативныхъ учрежденій, а элементъ фантазіи изобилуетъ только у Фурье, но эта фантазія мало вліяетъ на его положительные проекты.

Далѣе такъ называемый научный соціализмъ или марксизмъ не можетъ быть причисленъ къ утопіямъ, какъ это дѣлаетъ авторъ замѣчательной «Исторіи утопіи» А. Свентоховскій. Правда, многое въ марксизмѣ оказалось не вѣрнымъ, но онъ всегда отрицательно относился къ построеніямъ будущаго, составляющимъ характерную черту утопій.

Наконецъ, мы не можемъ причислить къ утопистамъ Г. Джорджа и земельныхъ реформаторовъ вообще, какъ это дѣлаетъ проф. Фойгтъ, ибо идеи Г. Джорджа уже нашли отчасти осуществленіе въ Австраліи.

При составленіи этой книги авторъ пользовался главнымъ образомъ сочиненіями Каутскаго, Свентоховскаго, Кирхенгейма и Брума.

Исключивъ многое, что принято считать утопическимъ, мы съ другой стороны расширяемъ рамки нашего сочиненія, включая въ него не только неосуществленныя утопіи, но и осуществленныя, хотя и окончившіяся крахомъ. Въ то время какъ, напримѣръ, Т. Морь или Кампанелла никогда и не думали осуществлять своей утопіи и не нашли послѣдователей для ея осуществленія, въ новѣйшее время наблюдалось нѣсколько осуществленныхъ на практикѣ утопій. Но тѣмъ не менѣе это пока утопіи, ибо практическія попытки ихъ осуществленія окончились неудачей.

Такимъ образомъ, мы подошли къ необходимости болѣе точно опредѣлить понятіе утопій. Что такое утопіи? Утопіи это идеальныя построенія другихъ міровъ, существованіе и возможность которыхъ не можетъ быть доказана научно, а въ которыя можно только вѣрить. Таково опредѣленіе утопіи, даваемое профессоромъ Фойгтомъ. Однако это опредѣленіе нуждается съ нашей точки зрѣнія въ нѣкоторомъ дополненіи. Утопіей можно назвать всѣ тѣ построенія лучшаго соціальнаго будущаго, которыя не нашли практическаго осуществленія или же осуществленіе коихъ терпѣло крушеніе вслѣдствіе того, что они шли очень далеко.

Утопистъ—это человѣкъ, охваченный великими недостатками современнаго ему общественнаго строя, питающій недовольство, а иногда и ненависть къ нимъ, въ добавокъ еще полный состраданія къ людямъ, страдающимъ отъ этихъ недостатковъ. Обычно, не вѣря въ моральное перерожденіе человѣчества, но тѣмъ не менѣе страстно желая ему помочь, утопистъ создаетъ планъ полнаго общественнаго и государственнаго переустройства на новыхъ экономическихъ и правовыхъ началахъ, часто входя въ мелкія детали и фантастически изображая будущій строй.

ТОМАСЪ МОРЪ.

II.

ТОМАСЪ МОРЪ.

Познакомимся теперь съ ученіемъ величайшаго утописта Томаса Мора, впервые придумавшаго слово «утопія», что означаетъ несуществующую страну. Т. Моръ родился въ 1478 году въ Лондонѣ въ аристократической семьѣ и получилъ блестящее образованіе. Онъ былъ министромъ, но за протестъ противъ дурного поведенія короля кончилъ жизнь на эшафотѣ въ 1535 году, оставивъ замѣчательное сочиненіе, полное заглавіе котораго гласитъ: «О совершенномъ республиканскомъ строѣ и о новомъ островѣ Утопія».

Описаніе своего идеальнаго государства Моръ начинаетъ съ дѣйствительности и незамѣтно переходитъ въ область фантазій. Онъ начинаетъ съ разсказа о посольствѣ въ Фландрію въ 1515 году. Перерывомъ въ переговорахъ онъ воспользовался, чтобы посѣтить Антверпенъ. И вотъ тамъ онъ однажды встрѣтилъ на улицѣ своего знакомаго Петра Джайльса, который ходилъ въ сопровожденіи незнакомца, моряка по виду. Это и былъ Рафаэль Гитлодей, родомъ португалецъ, спутникъ Америго Веспуччи въ его первыхъ поѣздкахъ въ Америку. Рафаэль разстался со своими товарищами у береговъ Бразиліи и посѣтилъ много невѣдомыхъ странъ, въ томъ числѣ и островъ Утопію.

Моръ заинтересовался изъѣздившимъ столько странъ путешественникомъ и приглашаетъ его вмѣстѣ съ Джайльсомъ къ себѣ въ домъ. Тамъ они продолжаютъ начатый разговоръ, Моръ высказываетъ удивленіе по поводу того, что Рафаэль не пользуется своими многосторонними знаніями, чтобы поступить на службу къ какому нибудь государю. Это даетъ поводъ Рафаэлю представить критику тогдашняго политическаго и экономическаго положенія.

Какъ же помочь всей бѣдѣ, какимъ образомъ устранить всѣ неурядицы?—возникаетъ вопросъ послѣ критики существующаго.

«Откровенно говоря, дорогой Моръ», высказывается Гитлодей, «для меня нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что тамъ, гдѣ господствуетъ частная собственность, гдѣ деньги являются мѣриломъ всего, справедливое управленіе и благосостояніе государства является дѣломъ очень труднымъ, почти даже невозможнымъ».

«Гораздо болѣе мудрыми и возвышенными кажутся мнѣ учрежденія Утопійцевъ, у которыхъ немногими законами достигается хорошее управленіе, заслуги надлежащимъ образомъ вознаграждаются, и всякій имѣетъ всего вдоволь, хотя ни у кого нѣтъ больше, чѣмъ у другого. Стоитъ сравнить съ этимъ устройствомъ жизнь другихъ народовъ, у которыхъ безпрерывно фабрикуются новые законы и все таки нѣтъ хорошихъ законовъ, гдѣ каждый воображаетъ, что онъ владѣетъ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ, а на самомъ дѣлѣ безчисленные ежедневно появляющіеся законы не въ состояніи обезпечить за каждымъ спокойное владѣніе его имуществомъ, какъ это видно изъ многихъ процессовъ, которые ежедневно возникаютъ и никогда не оканчиваются. Когда я думаю обо всемъ этомъ, то долженъ признать, что правъ былъ Платонъ, и я нисколько не удивляюсь, что онъ не хотѣлъ писать законовъ для народовъ—отвергавшихъ общность имущества».

«Я придерживаюсь противоположнаго мнѣнія въ этомъ вопросѣ», возражаетъ Моръ, «я думаю, что при общности имуществъ люди никогда себя хорошо не будутъ чувствовать. Откуда возьмется избытокъ, когда каждый будетъ думать о томъ, какъ бы ему увильнуть отъ работы? Перспектива заработка не будетъ заставлять человѣка работать, возможность положиться на чужой трудъ вызываетъ лѣность. И вотъ, когда появится нужда, а законъ не будетъ охранять за каждымъ его благопріобрѣтеннаго достоянія, развѣ не начнутся безпрестанныя возстанія и кровопролитія? Всякое уваженіе и власть должны вѣдь исчезнуть, да я вообще себѣ не представляю, какова будетъ ихъ роль тамъ, гдѣ всѣ люди будутъ равны».

«Меня нисколько не удивляютъ такія воззрѣнія», отвѣтилъ Рафаэль, «потому что ты или совершенно не представляешь себѣ подобнаго общества или имѣешь о немъ смутное представленіе. Вотъ если бы ты былъ со мной въ Утопіи и познакомился бы съ тамошними нравами и законами, какъ я, тогда и ты призналъ бы, что никогда не видѣлъ лучшаго общественнаго устройства».

Такимъ образомъ, разсказъ приводитъ къ описанію идеальнаго общества.

«На островѣ Утопіи, разсказываетъ Рафаэль, находится 24 большихъ роскошныхъ города, которые по языку, обычаямъ, учрежденіямъ и законамъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются. Они всѣ одинаково расположены и построены по одному плану, посколько этому не мѣшали различія мѣстоположенія.

«Внѣ города, на поляхъ всюду имѣются хорошо расположенные дома, снабженные всѣми сельскохозяйственными орудіями? Они

предназначены для горожанъ, которые по очереди выселяются за городъ. Сельскія семьи насчитываютъ каждая не меньше 40 членовъ, мужчинъ и женщинъ, къ каждому двору приписаны также два раба. Представителемъ семьи являются отецъ и мать дома, почтенные и опытные люди, а во главѣ каждыхъ тридцати семействъ стоитъ филархъ.

«Ежегодно двадцать членовъ изъ каждой семьи возвращаются въ городъ, послѣ того какъ они въ теченіе двухъ лѣтъ вели земледѣльческую жизнь, а на ихъ мѣсто назначаются двадцать другихъ изъ города; тѣ, которые уже проработали годъ въ деревнѣ и освоились съ сельскимъ хозяйствомъ, обучаютъ новичковъ, а въ слѣдующемъ году эти новички уже руководятъ другими. Такого рода порядки введены съ тѣмъ, чтобы не случилось недостатка въ съѣстныхъ припасахъ изъ за того, что земледѣліемъ будутъ заниматься исключительно люди неопытные. Смѣна земледѣльцевъ устроена еще для того, чтобы никому не приходилось противъ собственнаго желанія слишкомъ долго заниматься утомительной и тяжелой сельской работой. Но есть и такіе, которымъ особенно нравится деревенская жизнь, и имъ разрѣшается оставаться дольше при землѣ.

Сельскіе жители обрабатываютъ поля, смотрятъ за скотомъ, рубятъ лѣсъ, и изготовленные припасы они или возятъ въ городъ или сплавляютъ водой, смотря по мѣстности. Куриныя яйца они высиживаютъ при помощи особыхъ аппаратовъ и т. д.

Хотя въ Утопіи точно опредѣлено, сколько пищевыхъ продуктовъ нужно каждому городу съ областью, тамъ сѣютъ хлѣба и разводятъ скота больше, чѣмъ требуется; излишекъ уступается сосѣдямъ. Все, что сельскимъ жителямъ нужно и чего они не могутъ сами себѣ добыть на полѣ, или въ лѣсу, они получаютъ изъ города, гдѣ власти имъ все нужное охотно и безвозмездно уступаютъ; ежемѣсячно, въ праздникъ, многіе изъ нихъ отправляются въ городъ. Когда приближается жатва, филархи земледѣльческихъ семей заявляютъ городскимъ властямъ, сколько имъ нужно рабочихъ рукъ изъ города. Въ назначенный день указанное количество рабочихъ приходитъ изъ города, и при благопріятной погодѣ уборка хлѣба съ ихъ помощью почти вся совершается въ теченіе одного дня.

«Всѣ жители Утопіи, мужчины и женщины, занимаются земледѣліемъ и всѣ они знаютъ это дѣло. Съ дѣтства ихъ пріучаютъ къ этому, отчасти теоретически посредствомъ преподаванія въ школахъ, отчасти практически упражненіемъ на поляхъ вблизи города, гдѣ занятія земледѣліемъ устраиваются въ видѣ развлеченія; они благодаря этому не только научаются земледѣлію, но и развиваются физически.

«Кромѣ сельскаго хозяйства, которымъ, какъ сказано, занимаются всѣ жители Утопіи, каждый изъ нихъ еще выбираетъ себѣ опредѣленное ремесло. Наиболѣе распространенными являются обработка шерсти или льна, ремесла каменьщика, кузнеца и плотника; другія ремесла встрѣчаются только въ видѣ исключенія.

«Дѣло въ томъ, что одежду всѣ на островѣ носятъ одинаковаго покроя, различаются только мужское платье и женское, платье женатыхъ и холостыхъ. Покрой этотъ остается всегда неизмѣннымъ, одежда удобна и красива, не стѣсняетъ нисколько движеній и одинаково пригодна въ холодную и теплую погоду. Платье каждое семейство приготовляетъ само для себя. Но кромѣ того каждый долженъ знать какое-нибудь ремесло, и обязательство это распространяется не только на мужчинъ, но и на женщинъ. Какъ болѣе слабымъ, имъ поручаютъ болѣе легкія работы, обыкновенно обработку шерсти и льна. Болѣе тяжелыя работы исполняются мужчинами.

«Высокой и почти единственной обязанностью филарховъ является наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ безъ дѣла, и чтобы всякій съ должнымъ рвеніемъ относился къ своему труду. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ выводить заключенія, что жители Утопіи съ ранняго утра до поздней ночи безпрерывно занимаются тяжелымъ трудомъ, какъ вьючныя животныя. Это было бы хуже самаго тяжелаго рабства, а все таки такова участь рабочихъ почти всюду, за исключеніемъ Утопіи. Сутки дѣлятся тамъ на 24 часа, и изъ нихъ только шесть назначаются для работы: три часа утромъ до обѣда; послѣ обѣда полагается два часа отдыха, затѣмъ идетъ работа въ теченіе трехъ часовъ и послѣ того ужинъ. Приблизительно въ восемь часовъ вечера жители Утопіи ложатся спать и спятъ восемь часовъ. Излишкомъ времени послѣ работы, сна и ѣды всякій распоряжается по своему усмотрѣнію... Чтобы не составить себѣ ложнаго представленія объ Утопіи, нужно не упускать изъ виду слѣдующее: изъ того, что работаютъ всего шесть часовъ, можно, пожалуй, заключить, что тамъ постоянно ощущается недостатокъ въ самомъ необходимомъ. На самомъ дѣлѣ наоборотъ: столь короткое рабочее время не только достаточно, его даже слишкомъ достаточно для того, чтобы въ избыткѣ выработать все необходимое и все, что служитъ для удовольствія жизни».

Въ подтвержденіе своихъ словъ Рафаэль указываетъ, что въ Утопіи трудъ не тратится напрасно, какъ въ существующемъ обществѣ, потому что тамъ все цѣлесообразно устроено и ведется надлежащимъ образомъ, а не безъ плана и смысла. Къ тому еще въ Утопіи нѣтъ той массы праздношатающихся или занимающихся ненужными производствами, какъ въ Европѣ.

Въ Утопіи существуетъ общая трудовая повинность. Отъ работы освобождены только главы общества, «но они однако не отказываются отъ работы, на что имъ по закону предоставлено право, чтобы личнымъ примѣромъ пріохотить гражданъ къ работѣ. Освобождаются отъ работы также лица, которыя по указанію священниковъ и по тайному избранію получили отъ народа черезъ филарховъ разрѣшеніе посвятить себя навсегда исключительно наукѣ. Кто однако не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, долженъ вернуться къ занятію ремесломъ.

Сельскіе жители вырабатываютъ продукты для себя и для горожанъ. Городскіе жители въ свою очередь занимаются ремеслами для города и окрестностей. Но наряду съ этимъ регулированіемъ производства для каждаго города съ областью Моръ предусматриваетъ—и это особенно замѣчательно—регулированіе производства для всей націи.

«Каждый городъ ежегодно посылаетъ въ столицу острова Амаурот въ качествѣ депутатовъ трехъ мудрѣйшихъ старцевъ, для обсужденія общихъ нуждъ острова. Они изслѣдуютъ, гдѣ чего не достаетъ и гдѣ чего находится въ избыткѣ, и избыткомъ однихъ удовлетворяютъ потребности другихъ. Это производится безъ всякаго возмѣщенія стоимости продуктовъ; одни города уступаютъ свой избытокъ другимъ, ничего за это отъ нихъ не требуя, и въ свою очередь безо всякаго покрытія получаютъ отъ нихъ то, что имъ нужно. Весь островъ представляетъ такимъ образомъ какъ бы одно семейство».

Денегъ въ Утопіи нѣтъ въ употребленіи. Въ этомъ государствѣ золото и серебро цѣнятся ниже желѣза. Для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ несчастія, бывающія на континентѣ послѣдствіемъ употребленія этихъ драгоцѣнныхъ металловъ, изъ нихъ изготовляютъ самые простые инструменты, или же выковываютъ ошейники и цѣпи для преступниковъ; изъ нихъ дѣлаютъ даже ночные горшки. Въ прежнія времена, посланники, незнакомые съ утопійскими обычаями, совершая свой торжественный въѣздъ въ столицу, думали обнаружить все свое великолѣпіе, украшая себя золотомъ и драгоцѣнными камнями. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что публика, раскланивается съ величайшимъ почтеніемъ только съ лакеями, находившимися въ ихъ свитѣ. Очень любопытно было наблюдать за поведеніемъ публики, толпившейся на томъ мѣстѣ, гдѣ проѣзжали послы. Дѣти толкали матерей, говоря: «смотри-ка на этого бездѣльника»;— «Молчи, вѣдь это одинъ изъ шутовъ посольства».—Дня черезъ два послѣ этого посланники разобрали въ чемъ дѣло, успокоились и, пристыженные, отказались отъ своей роскоши.

Утопійцы не понимаютъ, какимъ образомъ разумные люди могутъ испытывать удовольствіе отъ блеска жемчуга или какого-нибудь драгоцѣннаго камня, и удивляются тому обстоятельству, что у иноземцевъ богатый человѣкъ, безъ всякаго образованія, глупый, какъ пробка, и столь же ограниченный и безнравственный, можетъ властвовать надъ серьезными и добродѣтельными людьми только потому, что онъ случайно обладаетъ толстой мошной.

«Каждый городъ раздѣленъ на четыре равныхъ участка. Посерединѣ каждаго участка находится базарная площадь со складами всевозможныхъ продуктовъ. Туда всякое семейство доставляетъ всѣ свои издѣлія и тамъ все сортируется и складывается въ опредѣленныя помѣщенія. Оттуда же каждый отецъ или представитель семейства беретъ все, что нужно для семейнаго употребленія, безъ уплаты денегъ, вообще, безъ всякаго вознагражденія. Почему въ самомъ дѣлѣ ему не давать того, чего онъ хочетъ? Всего имѣется въ изобиліи, и нѣтъ основаній опасаться, чтобы кто либо потребовалъ себѣ больше, чѣмъ сколько ему нужно. Зачѣмъ онъ станетъ требовать лишняго, когда онъ увѣренъ, что никогда ни въ чемъ не будетъ испытывать недостатка? Алчность и хищническіе инстинкты развиваются у всѣхъ живыхъ существъ только изъ за боязни нужды, а въ человѣкѣ къ тому еще изъ за гордости: люди испытываютъ особое удовольствіе, когда имъ удается превзойти другихъ расточительностью и тщеславной роскошью. Въ Утопіи немыслимы такіе пороки».

Рядомъ съ базарными площадями расположены рынки съѣстныхъ припасовъ, куда привозятся уже готовыя туши мяса. Убой скота производится внѣ города у рѣки, чтобы городъ не загрязнялся и воздухъ въ немъ не портился продуктами разложенія, служащими источниками болѣзней.

На улицахъ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга находятся большіе дворцы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свое особое имя. Въ нихъ живутъ филархи (представители 30 семей) и къ каждому дворцу приписаны 30 семействъ, живущихъ по обѣ стороны его. Завѣдующіе хозяйствомъ этихъ дворцовъ въ опредѣленные часы приходятъ на рынокъ, и каждый изъ нихъ забираетъ тамъ сколько ему нужно продуктовъ, сообразно съ числомъ семействъ, примыкающихъ къ его дворцу.

«Въ опредѣленные часы, въ полдень и вечеромъ, вся филархія или софогрантія по данному трубному сигналу направляется въ свой дворецъ; исключеніе дѣлается для больныхъ, которые находятся въ больницахъ или лежатъ дома. Послѣ того какъ дворцы получили

1-й Ленинградский Юридический Библиотека

все нужное, никому не возбраняется уносить съ рынка провизію, такъ какъ извѣстно, что никто не станетъ этого дѣлать безъ вѣскихъ основаній. Никто однако по своей волѣ не готовитъ себѣ пищи дома, потому что это считается неприличнымъ, да и въ самомъ дѣлѣ, въ высшей степени глупо было бы трудиться дома надъ изготовленіемъ плохой пищи, когда въ ближайшемъ дворцѣ можно получить готовую хорошую пищу.

«Во всякомъ дворцѣ вся непріятная, тяжелая, черная работа исполняется рабами. Изготовленіемъ пищи занимаются по очереди женщины каждаго семейства.

«Такъ живутъ въ городахъ Утопіи. За предѣлами городовъ семьи живутъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга, поэтому они ведутъ отдѣльныя хозяйства, но нужды они ни въ чемъ не испытываютъ, потому что имъ всѣ съѣстные припасы доставляются городскими жителями».

Таковъ домашній бытъ утопійцевъ. Переходимъ теперь къ вопросу о бракѣ, который по какому то курьезу разсматривается въ главѣ о рабствѣ: «Дѣвушки вступаютъ въ бракъ не моложе 18-ти, а юноши не моложе 22 лѣтъ. Мужчины или женщины, которые до брака были изобличены въ прелюбодѣяніи, строго наказываются, и имъ запрещается вступленіе въ бракъ, развѣ только князь помилуетъ ихъ. Но такого рода проступокъ является тяжкимъ укоромъ и для старшаго или старшей въ семействѣ, которому принадлежитъ провинившійся, потому что въ этомъ усматриваютъ признакъ того, что они небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ. Этого рода проступки въ Утопіи сурово наказываются изъ опасенія, что очень немногіе захотятъ вступать въ брачный союзъ, который ихъ на всю жизнь связываетъ съ опредѣленнымъ человѣкомъ и налагаетъ извѣстныя обязанности.

«При выборѣ супруга у нихъ соблюдается обычай, который намъ (Гитлодею съ товарищами) показался очень смѣшнымъ. Но они къ нему серьезно относятся и въ точности его выполняютъ. Передъ заключеніемъ брака почтенная матрона показываетъ жениху его невѣсту, безразлично дѣвица она или вдова, совершенно нагую, а затѣмъ почтенный мужчина показываетъ невѣстѣ жениха—тоже нагого. Мы смѣялись надъ этимъ и осуждали этотъ обычай, какъ неприличный. Они же, напротивъ, дивились глупости всѣхъ другихъ народовъ. Когда покупаютъ себѣ лошадь, говорятъ они, и дѣло идетъ о небольшой суммѣ денегъ, то соблюдаютъ всевозможныя осторожности, покупатель внимательно осматриваетъ лошадь, снимаетъ сѣдло и упряжь,

Библиотека Ленингр. Института

чтобы посмотрѣть, не скрыта ли гдѣ нибудь язва. А при выборѣ супруги, отъ которой зависитъ счастье или несчастье всей жизни, люди поступаютъ наобумъ и связываютъ себя съ человѣкомъ, видѣвши только лицо его. Не всѣ мужчины настолько умны, чтобы при выборѣ супруги руководиться только ея духовными качествами, и даже мудрецы находятъ, что красивое тѣло усиливаетъ привлекательность души. Платье несомнѣнно можетъ прикрывать нѣчто безобразное, что будетъ отталкивать мужа отъ жены тогда, когда имъ уже нельзя будетъ разлучиться. Если мужъ обнаружитъ этотъ недостатокъ только послѣ свадьбы, то ему не остается ничего другого, какъ терпѣливо сносить свой жребій. Они поэтому считаютъ весьма благоразумнымъ устранить возможность такого обмана.

«Это установленіе въ Утопіи тѣмъ болѣе имѣетъ смыслъ, что это въ тѣхъ краяхъ единственная страна, гдѣ совершенно нѣтъ многоженства, а разводъ допускается только въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, или невыносимаго поведенія одного изъ супруговъ: въ такого рода случаяхъ сенатъ объявляетъ бракъ расторгнутымъ и разрѣшаетъ невиновной сторонѣ вторично вступить въ бракъ.

По своему государственному устройству Утопія является демократическимъ союзнымъ государствомъ, въ которомъ каждый городъ съ областью образуетъ самостоятельный кантонъ.

Каждыя тридцать семей ежегодно выбираютъ изъ своей среды должностное лицо, которое на ихъ прежнемъ языкѣ называлось сифогрантъ, а теперь называется филархъ. Надъ каждыми десятью сифогрантами и имъ подчиненными семьями стоитъ высшее должностное лицо, траниборъ, или по новому, протофилархъ. Всѣ 200 сифогрантовъ избираютъ князя; послѣ того какъ они поклялись подавать голоса за достойнѣйшаго, они тайнымъ голосованіемъ избираютъ его изъ числа четырехъ кандидатовъ, избранныхъ народомъ, по одному въ каждомъ участкѣ. Князь пожизненно занимаетъ свою должность, если только онъ не подвергается подозрѣнію въ стремленіи къ единовластію. Траниборы избираются ежегодно, но не смѣщаются безъ вѣскихъ основаній. Всѣ остальныя должности замѣщаются только на годъ.

Каждый городъ ежегодно посылаетъ трехъ мудрѣйшихъ старцевъ въ столицу острова Амауротъ для обсужденія общихъ дѣлъ. Этотъ сенатъ острова составляетъ, какъ мы уже знаемъ, статистику потребленія и производства каждаго города, и излишкомъ однихъ покрываетъ нужды другихъ.

Что касается функцій отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, то мы

уже знаемъ, что «высокой и почти единственной обязанностью сифогрантовъ является наблюденіе за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ работы и чтобы всякій съ должнымъ усердіемъ относился къ своему дѣлу».

«Кто обнаруживаетъ особенно страстное желаніе получить должность» сказано въ другомъ мѣстѣ, «можетъ быть увѣренъ, что онъ ее никогда не получитъ. Они живутъ мирно, ихъ должностныя лица не притязательны и не суровы. Ихъ называютъ отцами и они обходятся съ гражданами по отечески. Имъ добровольно оказываются знаки уваженія, но ни отъ кого это не требуется. Наравнѣ съ прочими должностными лицами народъ выбираетъ и священниковъ. Они наблюдаютъ за нравами населенія и занимаются воспитаніемъ юношества. Религія считается частнымъ дѣломъ каждаго.

«Законовъ у нихъ очень мало, такъ какъ при ихъ устройствѣ они не нуждаются во многихъ законахъ. Они рѣзко осуждаютъ безконечное множество кодексовъ и комментаріевъ, которые существуютъ у другихъ народовъ и все-таки не достигаютъ цѣли».

Простотѣ внутренней политики въ Утопіи соотвѣтствуетъ простота ея внѣшней политики. Они не заключаютъ договоровъ съ чужими народами, такъ какъ знаютъ, что эти договоры соблюдаются только до тѣхъ поръ, пока это выгодно. Они полагаются на самихъ себя и на экономическую зависимость сосѣдей отъ нихъ.

«Къ войнѣ они относятся съ отвращеніемъ, какъ къ звѣрству, которое однако ни у какой породы звѣрей такъ не распространено, какъ у людей. Въ противоположность обычаямъ почти всѣхъ народовъ, ничто у нихъ, такъ не безславно, какъ военная слава. Въ употребленіи оружія ежедневно упражняются у нихъ не только мужчины, но въ опредѣленные дни и женщины, чтобы въ случаѣ необходимости жители острова были въ полной боевой готовности, но сами они никогда не предпринимаютъ войнъ, за исключеніемъ случаевъ защиты собственной страны или друзей отъ несправедливаго нападенія, или же для освобожденія угнетеннаго народа отъ тиранніи...

«Такимъ вотъ образомъ», заканчиваетъ Рафаэль Гитлодей свой разсказъ, «я Вамъ по возможности точно описалъ общественное устройство, которое по моему разумѣнію является не только наилучшимъ, но и единетвенно достойнымъ этого имени. И въ другихъ странахъ толкуютъ, правда, о всеобщемъ благѣ, но заботятся на самомъ дѣлѣ только о собственномъ благѣ, въ Утопіи же, гдѣ не существуетъ частной собственности, каждый дѣйствительно работаетъ только для общества; существуютъ вѣскія основанія, почему здѣсь человѣкъ поступа-

етъ такъ, а тамъ иначе. Въ другомъ мѣстѣ всякій вѣдь знаетъ, что онъ умретъ съ голоду, даже во время расцвѣта государства, если онъ самъ о себѣ не будетъ заботиться; онъ вынужденъ поэтому предпочесть свое благо общественному. Въ Утопіи же, гдѣ существуетъ общность всего, всякій можетъ быть увѣренъ, что онъ не будетъ терпѣть никакой нужды, если только будутъ заботиться о наполненіи общественныхъ складовъ. Ибо все у нихъ дѣлится поровну, такъ что среди нихъ нѣтъ бѣдныхъ; они всѣ богаты, хотя никто изъ нихъ въ отдѣльности ничѣмъ не владѣетъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть лучшее богатство, чѣмъ беззаботная, радостная жизнь?»

Когда Рафаэль окончилъ свой разсказъ, Моръ прибавилъ къ нему въ видѣ заключенія, приблизительно слѣдующее: «Многія учрежденія утопійцевъ кажутся мнѣ нелѣпыми, но что особенно противорѣчитъ моимъ воззрѣніямъ, такъ это основаніе, на которомъ покоится государство: я говорю объ общности имущества и всей жизни вообще. Я однако не сдѣлалъ никакихъ возраженій, потому что Рафаэль былъ утомленъ своимъ разсказомъ; я его повелъ ужинать, отложивъ болѣе серьезный разговоръ объ этомъ вопросѣ до другого раза. И въ самомъ дѣлѣ, хотя и не могу согласиться со всѣмъ тѣмъ, что намъ разсказалъ этотъ многоопытный человѣкъ, однако долженъ признать, что многое у утопійцевъ заслуживало бы, по моему мнѣнію, подражанія со стороны нашихъ государствъ. Но я больше желаю этого, чѣмъ вѣрю въ возможность достиженія.

III.

ТОМАСЪ КАМПАНЕЛЛА.

Послѣ «Утопіи» Т. Мора въ теченіе столѣтія не появлялось ни одного произведенія, которое имѣло бы такое же большое значеніе. Религіозные вопросы гораздо больше занимали въ то время умы, чѣмъ вопросы политическіе и соціальные. Кромѣ того, можетъ быть, ужасы и безумства анабаптистовъ оттолкнули наиболѣе смѣлые умы отъ мысли предаваться мечтаніямъ о фантастическихъ государствахъ.

Сочиненіе, которое въ исторіи утопіи слѣдуетъ поставить вслѣдъ за книгой Т. Мора, появилось въ 1623 году подъ названіемъ «Государство Солнца» и принадлежало перу итальянскаго монаха Томаса Кампанеллы.

«Государство Солнца» написано, какъ и «Утопія» Мора, въ формѣ діалога. Разговоръ происходитъ между начальникомъ ордена, посвятившаго себя уходу за нищими, и генуэзцемъ, капитаномъ корабля, который какъ то во время морского путешествія высадился на берегъ неизвѣстнаго острова и познакомился съ удивительнымъ государствомъ.

Посреди равнины на взгорьѣ лежитъ городъ, состоящій изъ семи круговъ, отвѣчающихъ семи планетамъ. Каждый кругъ обведенъ стѣнами, за которыми возвышаются большіе дома. Проникнуть въ городъ можно посредствомъ четырехъ желѣзныхъ воротъ, прорѣзанныхъ въ стѣнахъ, сообразно съ четырьмя странами свѣта.

Во главѣ государства стоитъ священникъ, называющійся на ихъ языкѣ Солнцемъ (Sol), а въ обыкновенной рѣчи Метафизикомъ. Онъ рѣшаетъ всѣ духовныя и мірскія дѣла, имѣетъ трехъ помощниковъ, тоже священниковъ, которые называются: Сила (Vis), Мудрость (Sapientia) и Любовь (Amor). Первый является министромъ войны, второй министромъ искусства и наукъ, третій министромъ брачныхъ союзовъ (любви). Въ качествѣ особыхъ чиновниковъ состоятъ: астрологъ, космографъ, геометръ, историкъ, поэтъ, логикъ, риторъ, грамматикъ, лѣкарь, физикъ, политикъ и моралистъ.

Министръ любви долженъ наблюдать, чтобы отъ подбирающихся паръ получалось самое лучшее потомство. Подъ его опекой находятся также младенцы; онъ долженъ пѣчить и наблюдать за разведеніемъ животныхъ, за земледѣліемъ и огородничествомъ; вообще подъ его вѣдѣніемъ находится все, что относится къ рожденію, выкармливанію и гигіенѣ.

Вся общественная жизнь находится такимъ образомъ подъ управленіемъ совѣта четырехъ съ преобладаніемъ однако воли Метафизика.

Они вмѣстѣ съ учителями выбираютъ низшихъ чиновниковъ, сообразно со способностями каждаго, изъ числа представленныхъ имъ кандидатовъ. Каждая добродѣтель имѣетъ своихъ спеціальныхъ чиновниковъ: цѣломудріе, трезвенность, мужество, веселье и т. д. Метафизикомъ можетъ стать только тотъ, кто имѣетъ не менѣе пятидесяти лѣтъ, основательно знаетъ исторію и строй жизни народовъ, имена законодателей и изобрѣтателей, причину и исторію всего, что происходитъ на небѣ и на землѣ, ремесла, математику и физику, но, главнымъ образомъ, метафизику и теологію. Народъ обыкновенно знаетъ заранѣе, еще задолго передъ выборами, кого онъ призоветъ на этотъ постъ, который является пожизненнымъ, поскольку не явится неожиданно другой лучшій кандидатъ. Три его помощника должны обладать очень глубокими знаніями только въ той области, которой они завѣдуютъ.

Всякая собственность тамъ общая, и начальники производятъ дѣлежъ ея и каждые шесть мѣсяцевъ назначаютъ квартиры; даже кровати, постель и другіе предметы находятся въ общемъ владѣніи. Каждый кругъ города имѣетъ свои кухни и склады провіанта, которыми завѣдуютъ старый мужчина или женщина. Въ столовыхъ мужчины сидятъ по одну сторону стола, женщины по другую; во время ѣды царитъ, какъ въ монастырѣ, всеобщее молчаніе; одинъ юноша громко читаетъ какую нибудь книжку, и только начальники прерываютъ чтеніе, вставляя свои замѣчанія. Доктора составляютъ ежедневно расписаніе блюдъ, принимая во вниманіе стариковъ, дѣтей и больныхъ. Начальники получаютъ большія и лучшія порціи. Часть этого они отдаютъ дѣтямъ, которыя отличались во время уроковъ и преній. Въ праздники за столомъ устраивается пѣніе подъ аккомпаниментъ лиры и цитры. Всюду царятъ непорочность и цѣломудріе.

Занятіе военнымъ дѣломъ, земледѣліемъ и скотоводствомъ обязательны для всѣхъ. Каждый долженъ быть знакомымъ съ этими обязанностями гражданина, считающимися у нихъ самыми благородными профессіями. Поэтому человѣкъ, знакомый съ нѣсколькими

ТОМАСЪ КАМПАНЕЛА.

спеціальностями, считается заслуженнѣе другихъ, а кто сумѣетъ добиться лучшаго совершенствованія въ какой либо области, тотъ признается учителемъ въ ней. Въ глазахъ жителей «Государства Солнца», т. е. соляріевъ, самыя тяжелыя работы,—самыя почетныя, напр., кузнечное дѣло и строительное. Зато никто не откажется посвятить себя такому дѣлу, такъ какъ съ дѣтства считаются съ ихъ влеченіемъ къ различнымъ спеціальностямъ и работамъ, которыхъ они требуютъ. Кромѣ того работы такъ умно и справедливо распредѣлены, что онѣ нисколько не вредятъ здоровью, а, наоборотъ, въ значительной степени укрѣпляютъ его. Менѣе утомительныя работы производятся женщинами.

Всѣ соляріи должны умѣть плавать. Потому водные бассейны устроены внутри города и недалеко за его окрестностями у фонтановъ.

Соляріи ведутъ мало торговли, хотя и знаютъ цѣну деньгамъ и снабжаютъ ими посланниковъ и развѣдчиковъ, чтобы они могли покупать себѣ, что имъ нужно.

Изо всѣхъ частей свѣта къ городу Солнца стекаются купцы, скупающіе у соляріевъ избытки ихъ товаровъ. Они же не беруть за это денегъ, но мѣняютъ свои товары на другіе, въ которыхъ нуждаются.

Дѣти соляріевъ смѣются во весь ротъ, когда видятъ, сколько товаровъ отдается за горсть монетъ, но старые надъ этимъ не смѣются; они не желаютъ, чтобы добрые нравы гражданъ были испорчены худыми привычками рабовъ и чужестранцевъ и потому совершаютъ торговыя сдѣлки за городомъ, въ порту. Тамъ они продаютъ также и военноплѣнныхъ, если они не нужны имъ для земляныхъ и другихъ тяжелыхъ работъ, производимыхъ за городомъ.

Четыре отряда солдатъ постоянно караулятъ поля и присматриваютъ за работающими на нихъ людьми. Послѣдніе выходятъ на работу изъ города черезъ четверо воротъ и идутъ по дорогамъ, вымощеннымъ кирпичами. Дороги эти ведутъ къ морю, для того чтобы облегчить путь и перевозку товаровъ иностранцамъ, по отношенію къ которымъ соляріи всегда предупредительны и гостепріимны.

Первые три дня чужестранцы кормятся на общественный счетъ. Начинаютъ съ того, что имъ омываютъ ноги. Затѣмъ имъ показываютъ городъ и всѣ его учрежденія, приглашаютъ въ засѣданіе великаго совѣта и къ общественному столу, гдѣ имъ прислуживаютъ спеціально назначенные для этого люди. За ихъ безопасность также отвѣчаютъ особые приставленные къ нимъ спутники. Если иностранецъ пожелаетъ сдѣлаться гражданиномъ «Государства Солнца», то ему приходится подвергнуться мѣсячному испытанію за городомъ, и затѣмъ

такому же въ городѣ, тогда только рѣшаютъ, можно ли его принять въ число гражданъ, причемъ принятіе отъ него присяги обставляется извѣстными церемоніями.

Земледѣліе пользуется у нихъ высшимъ почетомъ; каждая пядь земли утилизируется. За вѣтрами и теченіемъ свѣтилъ слѣдятъ весьма внимательно. Въ надлежащій моментъ всѣ граждане, оставивъ въ городѣ лишь необходимую стражу, въ полномъ вооруженіи съ трубами, барабанами и знаменами впереди, отправляются пахать, сѣять, копать, жать или собирать плоды и виноградъ. Вся работа исполняется въ нѣсколько часовъ, такъ какъ методы у нихъ выработаны превосходно.

Они изобрѣли родъ повозокъ съ парусами, при помощи которыхъ могутъ, посредствомъ особаго механизма изъ зубчатыхъ колесъ, двигаться даже противъ вѣтра. Если вѣтра вовсе нѣтъ, то одно животное въ состояніи тянуть огромную телѣгу, что представляетъ необычайное зрѣлище.

Вооруженная стража разставлена по всѣмъ полямъ и постоянно смѣняется.

Удобренія они не употребляютъ и даже не кладутъ на поля навоза, такъ какъ полагаютъ, что и то и другое сильно вредитъ посѣвамъ, сокращая жизнеспособность плода. Они въ этомъ отношеніи сравниваютъ землю съ такой женщиной, которая украшаетъ себя, накладывая на лицо бѣлила, а не старается развить красоту тѣла физическими упражненіями. Она и сама будетъ слабой, и потомство отъ нея пойдетъ слабое. Потому и землю слѣдуетъ не только какъ бы покрывать бѣлилами лишь сверху, надо хорошенько обработать и засѣять хорошими сѣменами, что соляріи дѣлаютъ съ большимъ искусствомъ, такъ какъ имъ извѣстны тайныя средства увеличивать всхожесть сѣмянъ, ихъ продуктивность и жизнеспособность.

Для этой цѣли у нихъ имѣется книга, по имени Георгика.

Обрабатываютъ только такой участокъ земли, какой необходимъ для ихъ потребностей, остальное служитъ пастбищемъ для скота.

Искусство воспитывать лошадей, воловъ, овецъ, собакъ и вообще всякаго рода домашній скотъ у нихъ стоитъ такъ высоко, какъ во времена Авраама. Особи спариваются такимъ образомъ, чтобы потомство было возможно лучше.

IV.

ТЕОДОРЪ ГЕРЦКА.

Познакомимся теперь съ одной новой утопіей, выпущенной подъ названіемъ «Страна Свободы», написанной австрійскимъ публицистомъ и экономистомъ Т. Герцкой въ 1889 году.

Въ «Странѣ Свободы» описывается по виду серьезная и правдоподобная экспедиція въ центральную Африку, предпринятая съ цѣлью основать тамъ европейскую колонію. Содержаніе вкратцѣ слѣдующее: Нѣсколько благородно мыслящихъ людей печатаютъ въ половинѣ іюля 181... года въ извѣстнѣйшихъ газетахъ Европы и Америки воззваніе для основанія «Международнаго свободнаго общества» ставящаго себѣ задачей возстановить въ прекрасныхъ, здоровыхъ, гористыхъ частяхъ центральной Африки общежитіе, основанное на истинныхъ началахъ народнаго хозяйства. Воззваніе находитъ сочувствіе, многочисленные члены стекаются со всѣхъ странъ земли, и отовсюду присылаются значительныя денежныя средства въ распоряженіе иниціаторовъ предпріятія.

Общество составляется и выбираетъ руководящихъ депутатовъ, которые сейчасъ принимаются за дѣло. Они снаряжаютъ экспедицію, поручая ей пройти отъ Момбаса по восточному берегу Африки возвышенность Конга. Составъ экспедиціи научаютъ всему нужному, доставляютъ въ Момбасъ, и послѣ восьминедѣльнаго странствованія, несмотря на многія опасности, предназначенная цѣль достигается. Съ туземными племенами, убѣжденными въ превосходствѣ бѣлыхъ нѣсколькими невинными стычками почти безъ кровопролитія, заключается миръ, такъ что земли колоніи и дорога отъ Момбаса до «Страны Свободы» становятся безопасными, и тогда только члены экспедиціи принимаются за основаніе собственной колоніи: строятъ зданія для жительства и для мастерскихъ, начинаютъ обрабатывать поля и заниматься приготовленіемъ необходимыхъ предметовъ. Въ то же время оставшіеся въ Европѣ члены экспедиціи получаютъ извѣстіе объ удачномъ исходѣ дѣла, и вотъ [illegible]ется ◇ ильно организованная эмиграція изъ Европы, Азіи и Амер[illegible] дебри теперь уже счастливой Африки.

Маленькая колонія организуется сначала на основаніи строго коммунистическихъ принциповъ. Это значитъ, что избранные членами начальники заправляютъ всею хозяйственной жизнью, но конечно въ строго демократическомъ духѣ, не позволяя себѣ деспотическихъ поступковъ и произвольныхъ распоряженій, не одобренныхъ остальными колонистами. Все производится сообща, и продовольствіе всѣхъ членовъ общее. Но потомъ, когда колонисты преодолѣли затрудненія, когда общество окрѣпло, увеличилось, вслѣдствіе постоянно прибывающихъ переселенцевъ, вводится—ниже подробно разсматриваемый,—свободный хозяйственный порядокъ.

Благодаря этому порядку, а также постоянному приросту населенія—юное государство развивается изумительно быстро: открываются и заселяются все новыя и новыя пространства. Нападеніе Іоанна Абиссинскаго на Массай впутываетъ и «Страну Свободы» въ войну, которая, понятно, оканчивается къ чести свободныхъ народныхъ войскъ полною и блестящею ихъ побѣдою.

Вслѣдствіе этого страна свободы признается, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ за первоклассную державу. Она созываетъ въ своей столицѣ Эденталь всемірный конгресъ, въ немъ принимаютъ участіе депутаты со всѣхъ концовъ свѣта; цѣль конгресса состоитъ въ оцѣнкѣ и всестороннемъ разсмотрѣніи свободныхъ нововведеній, а въ результатѣ всѣ одобряютъ и принимаютъ хозяйственный порядокъ стран свободы.

Основныя мысли, которыя приводятъ Герцка къ его реформаторскимъ планамъ, слѣдующія. Пока человѣкъ не изучилъ искусства создавать необходимыя для своего существованія вещи и долженъ былъ довольствоваться собираніемъ добровольныхъ даровъ природы или охотою, каждый видѣлъ въ другомъ соревнователѣ, добивающемся тѣхъ же благъ, своего смертельнаго врага, и согласно съ этимъ борьба за существованіе прежде всего направлена была на уничтоженіе противника. А такъ какъ убитый врагъ можетъ еще быть полезнымъ, только, развѣ когда его съѣдятъ, то и на людоѣдство можно смотрѣть, какъ на природную необходимость для человѣчества, стоящаго на низшей степени развитія. Но какъ скоро открыли искусство производить самостоятельно средства къ пропитанію,—разведеніемъ ли домашнихъ животныхъ, или воздѣлываніемъ питательныхъ растеній,—становится невыгоднымъ убивать побѣжденнаго противника, чтобы разъ полакомиться его мясомъ, потому что имъ можно лучше и дольше пользоваться, употребивъ его какъ рабочее животное. Такъ людоѣдство было вытѣснено рабствомъ. Въ хозяйственномъ отношеніи суть

рабства состоитъ въ томъ, что рабъ получаетъ не больше необходимѣйшаго для поддержанія жизни, и что вся выгода его работы достается его «господину».

Это даетъ средства и возможность нѣкоторымъ—хотя и немногимъ—членамъ человѣчества заботиться о началѣ культуры (наука и искусство), ибо пока человѣкъ вынужденъ употреблять всю свою силу, чтобы поддерживать жалкое существованіе, у него не останется ни возможности, ни охоты къ какимъ бы-то ни было, даже самымъ примитивнымъ изслѣдованіямъ.

Постепенно рабство принимаетъ болѣе мягкія формы, оно переходитъ въ крѣпостничество и личную зависимость, пока, наконецъ, не замѣняется такъ называемой «свободной» работой за наемную плату. Сущность дѣла отъ этого не много измѣняется, потому что такъ называемый «свободный» рабочій остается, какъ и былъ, рабомъ, хотя и оплачиваемымъ рабомъ. Онъ такъ же эксплоатируется работодателемъ, какъ прежній рабъ своимъ «господиномъ»,ибо и такъ называемый «свободный» рабочій получаетъ въ видѣ заработка не болѣе безусловно необходимаго для существованія; вся же прибыль отъ его труда уходитъ въ карманъ работодателя, и разница состоитъ только въ томъ, что принудительное начало къ работѣ, т. е. бичъ рабовладѣльца, замѣнено голодомъ. Даже эта эксплоатація остается, какъ прежде, естественной необходимостью, такъ какъ совокупность производствъ,—большинство которыхъ и въ настоящее время все еще рукодѣльныя—даетъ самую незначительную выгоду сверхъ необходимаго для жизни; стало быть относительно небольшое число можетъ жить богато, т. е. беззаботно, посвящая себя наукамъ и искусствамъ.

Но съ колоссальнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ и техники послѣднихъ десятилѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ удалось заставить силы природы служить людямъ, является возможность расширять область производства настолько, что не одно меньшинство, но и всѣ люди могутъ жить въ избыткѣ, такъ какъ вмѣсто незначительной силы нашихъ мускуловъ мы въ состояніи употреблять въ дѣло безграничныя силы природы. И если мы до сихъ поръ не осуществили еще этой возможности, т. е. если мы до сихъ поръ еще не расширили настолько нашу производительность, чтобы обезпечить всѣхъ людей всѣми необходимыми въ жизни благами, то въ этомъ виновато только оплачиваемое рабство, котораго мы придерживаемся по привычкѣ. Рабство, бывшее когда то двигателемъ развитія культуры, является нынѣ тормазомъ ея, ибо оно препятствуетъ полной эксплоатаціи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи культурныхъ средствъ.

Безвыходный злополучный кругъ, въ которомъ мы вращаемся, зиждется на томъ основаніи, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ, такъ называемый капиталъ есть ни что иное, какъ средство пріобрѣтенія. Вслѣдствіе этого всякій принужденъ стремиться къ скопленію состоянія, чего онъ достигаетъ путемъ уменьшенія личныхъ расходовъ и сбереженіемъ большей части доходовъ. Это ограниченіе потребленія принимаетъ довольно значительные размѣры, тѣмъ болѣе, что у большинства людей, т. е. у рабочаго класса, оно прямо таки вызывается обстоятельствами. Дѣло въ томъ, что предприниматель, какъ и всякій другой, стремится нажить состояніе и всѣми силами старается, чтобы между запродажной цѣнностью его издѣлій и стоимостью ихъ производства образовалась наибольшая разница; вслѣдствіе же существующей конкуренціи, онъ не можетъ возвысить до желаемой цифры цѣны на свои издѣлія, а потому ему остается только одно средство,—понизить до минимума стоимость производства, иными словами, это значитъ, наживаться елико возможно на счетъ заработной платы рабочихъ. Отсюда неизбѣжно вытекаетъ тотъ результатъ, что рабочій классъ при его нищенскомъ вознагражденіи долженъ ограничить свои потребности самымъ необходимымъ, лишь бы не умереть съ голоду. Съ другой стороны, эти сбереженія нуждаются въ капитализаціи, а это можетъ быть достигнуто лишь въ томъ случаѣ, когда они, т. е. сбереженія, пойдутъ на производство новыхъ продуктовъ. Такимъ образомъ, мы переживаемъ нелѣпую и грустную комедію: съ одной стороны, увеличивается количество фабрикъ съ самыми усовершенствованными аппаратами и машинами, а фабричные склады все болѣе и болѣе переполняются готовыми издѣліями, съ другой же—эти превосходные продукты не находятъ сбыта, такъ какъ большинство населенія голодаетъ и мерзнетъ, не имѣя средствъ ничего купить. Мы можемъ производить такъ много, что всѣ люди жили бы въ довольствѣ, но должны, вслѣдствіе безпорядочности нашего экономическаго быта, который искусственно понижаетъ спросъ большинства, ограничиться производствомъ только того, что составляетъ предметы первой необходимости для массы населенія и нѣкоторыхъ предметовъ роскоши, находящихъ потребителей среди сравнительно меньшаго класса богатыхъ или состоятельныхъ.

Этому ненормальному состоянію можно положить предѣлъ, уничтоживъ денежную зависимость; это станетъ вполнѣ возможнымъ, разъ средства производства будутъ предоставлены безвозмездно каждому; тогда то, что нынѣ подъ названіемъ доходовъ съ недвижимости, съ капитала и съ предпріятія вычитается изъ прибыли и расходится по

чужимъ карманамъ, пошло бы въ пользу рабочихъ. Это дало бы имъ возможность увеличить свои потребности; спросъ на издѣлія возвысился бы, производства расширились, а съ тѣмъ вмѣстѣ поднялась бы и заработная плата рабочаго и т. д., словомъ, общая производительность и богатство постепенно достигли бы такой высоты, о которой мы нынѣ едва ли имѣемъ самое слабое представленіе.

«Мы въ «Странѣ Свободы»,—говоритъ одинъ свободный гражданинъ—впервые разрѣшили задачу, какъ слѣдуетъ соединяться для общественной производительности, дисциплинироваться и устраиваться такъ, чтобы доходъ все таки принадлежалъ намъ, и замѣтьте именно намъ, рабочимъ, а не капиталистамъ; и такъ, если задача, предпринятая интеллигентными и не совсѣмъ безденежными людьми удалась, то въ работодателѣ мы уже не нуждаемся». Такимъ же способомъ, по мнѣнію Герцки, возможно устранить доходъ съ недвижимости. Въ «Странѣ Свободы» нѣтъ ни частной, ни государственной, ни иной какой земельной собственности. «Если бы мы нуждались, говоритъ вышеупомянутый свободный гражданинъ, для производительной работы въ работодателяхъ, то ничто не спасло бы насъ отъ отдачи имъ того, что имъ принадлежитъ какъ хозяевамъ предпріятія, а намъ пришлось бы довольствоваться самымъ ничтожнымъ».

«Я хотѣлъ прибавить, говоритъ тотъ же гражданинъ, что мы земледѣльцу должны были бы отдавать должную дань за пользованіе землею, если бы нуждались въ землевладѣльцѣ для воздѣлыванія почвы, такъ какъ право земельной собственности всегда было основано лишь на томъ, что свободная земля не можетъ быть воздѣлываема.

«Люди не понимали, какъ можно пахать, сѣять и собирать жатву, если съ этимъ не связано право запретить всякому другому пахать, сѣять и собирать жатву на той же землѣ. Безразлично, кому бы ни принадлежало исключительное право владѣть землей, отдѣльной личности, обществу, или націи, но это право обязательно должно было существовать, иначе люди не знали, что дѣлать съ землей. Между-прочимъ, было замѣчено, что въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ одинъ владѣлецъ, хозяйство идетъ успѣшнѣе, нежели въ тѣхъ, гдѣ ихъ нѣсколько. Вотъ почему, съ теченіемъ времени, общественныя земли стали все-болѣе и болѣе дробиться и переходить въ собственность отдѣльныхъ лицъ. Но это обстоятельство нисколько не рѣшаетъ дѣла и при нашемъ устройствѣ имѣетъ мало значенія.—У насъ земля—разъ она служитъ не для заселенія, а для обработки—никому не принадлежитъ и свободна, какъ воздухъ.

«Она не принадлежитъ ни единичнымъ хозяевамъ, ни обществамъ.

Каждому желающему воздѣлывать землю предоставляется возможность воздѣлывать ее, гдѣ бы онь ни пожелалъ, и получать свою долю съ дохода. Этимъ способомъ естественно уничтожается всякая поземельная рента, которая въ сущности не что иное, какъ «оброкъ» владѣльцу за пользованіе его землею. Чудодѣйственный способъ освобожденія отъ зависимости работодателю, давшій намъ возможность безъ ссоръ и драки воздѣлывать свободную землю, есть «свободная ассоціація».

Дома составляютъ личную собственность, при чемъ эта собственность распространяется только на строеніе и никоимъ образомъ не на землю, такъ какъ въ «Странѣ Свободы» землею никто владѣть не можетъ. Земля подъ строеніемъ до тѣхъ поръ принадлежитъ домовладѣльцу, пока на ней стоитъ его домъ, подобно тому —говоритъ Герцка, какъ путешественнику принадлежитъ его мѣсто въ желѣзнодорожномъ купе. Зданіе можетъ переходить по наслѣдству или быть передаваемо, но это право подлежитъ слѣдующимъ ограниченіямъ: во-первыхъ, домь не можетъ быть раздѣленъ, во-вторыхъ, домовладѣлецъ не можетъ отдавать его въ наймы. Въ случаѣ нарушенія одного изъ этихъ условій онъ утрачиваетъ свое исключительное право на землю. Въ оправданіе этихъ ограниченій Герцка опять таки ссылается на путешественника, который не имѣетъ права раздѣлить своего мѣста въ вагонѣ съ другимъ пассажиромъ, котораго онъ пожелалъ бы взять съ собой. Наконецъ, третье ограниченіе имѣетъ цѣлью устранить капитализацію доходовъ съ земли при домахъ. Какъ извѣстно, цѣна на дома значительно повышается въ благопріятныхъ мѣстностяхъ и въ центрахъ большихъ городовъ. Это вздорожаніе есть, такъ сказать, послѣдствіе совокупности внѣшнихъ благопріятныхъ условій и удобствъ (такъ, напримѣръ, близости театровъ, школъ, музеевъ, красивыхъ памятниковъ и т. д.), которыя имѣются въ большихъ городахъ, въ особенности въ центрахъ ихъ; но это ничуть не зависитъ отъ домовладѣльца, и если онъ продаетъ такой домъ дороже, чѣмъ онъ ему стоилъ самому, то этимъ заставляетъ платить себѣ за нѣчто, сооруженное не имъ, а всѣми. Въ «Странѣ Свободы» это не разрѣшается, и въ такихъ случаяхъ правительство оставляетъ за собой право получать всю прибыль отъ перепродажи домовъ, а въ крайнемъ случаѣ пріобрѣтать ихъ въ свою собственность и сдавать отъ себя. Впрочемъ, такіе случаи въ «Странѣ Свободы» пока не встрѣчались, такъ какъ свободные граждане не любятъ жить тѣсно и предпочитаютъ дачныя жилища городскимъ квартирамъ.

Устраненіе доходовъ съ капитала представляетъ у Герцка наименьшія затрудненія. Правительство выдаетъ товариществамъ оборот-

ный капиталъ заимообразно безъ процентовъ, но подъ обязательство выплачивать его по частямъ.

Всѣ эти такъ часто упоминаемыя «свободныя ассоціаціи» устраиваются въ «Странѣ Свободы» для веденія различныхъ сельскохозяйственныхъ или промышленныхъ предпріятій. Уставы ихъ въ главныхъ чертахъ основаны на слѣдующихъ началахъ.

1) Вступленіе въ каждое товарищество разрѣшается всякому и во всякое время, независимо отъ того, состоитъ онъ членомъ другихъ ассоціацій или нѣтъ. Точно такъ же всякій свободенъ выйти изъ числа членовъ товарищества, когда бы ему ни заблагоразсудилось.

2) Вся прибыль этихъ товарищескихъ предпріятій принадлежитъ, само собой разумѣется, заинтересованнымъ въ предпріятіи лицамъ, и каждый членъ имѣетъ право на долю, соразмѣрно его труду, изъ чистой прибыли отъ предпріятія.

3) Норма вознагражденія каждому члену опредѣляется по количеству затраченнаго на работу времени; сверхъ того, вознагражденіе старшихъ членовъ ежегодно увеличивается извѣстнымъ процентомъ. Качественная сторона работы оцѣнивается также путемъ свободнаго соглашенія.

4) Вознагражденіе распорядителей или директоровъ опредѣляется числомъ часовъ, затраченныхъ ежедневно на работу.

5) Итогъ общей прибыли подводится къ концу года, и за вычетомъ суммъ, слѣдуемыхъ къ уплатѣ въ погашеніе заемнаго капитала, а также налоговъ, остатокъ ея дѣлится между членами товарищества. Въ теченіе же года члены получаютъ ссуды или по мѣрѣ ихъ заработка, или по состоявшемуся соглашенію. Размѣры этихъ ссудъ опредѣляются приблизительно по прибыли предыдущаго года.

6) Необходимый оборотный капиталъ правительство выдаетъ товариществамъ безпроцентно,—и хотя Герцка увѣряетъ, что на самыхъ льготныхъ и либеральныхъ условіяхъ,—но онъ долженъ быть уплоченъ въ извѣстное число лѣтъ. Это обязательное возвращеніе направлено къ тому, чтобы товарищества пріучались разумно употреблять свои деньги. Машина,—по вѣрному замѣчанію Герцки,—тогда только экономически выгодна, когда сберегаетъ больше труда, нежели потрачено на ея устройство. Если бы правительство дарило товариществамъ оборотные капиталы, то они, пожалуй, стали бы пріобрѣтать самыя дорогія машины, а это, само собой разумѣется, въ высшей степени непроизводительная трата. За правительственные ссуды, въ случаѣ распаденія товарищества или ликвидаціи, всѣ члены отвѣтственны въ равной степени; отвѣтственность распространяется не только на настоящихъ членовъ, но и на бывшихъ.

7) Всякая такого рода ассоціація рѣшаетъ свои дѣла вполнѣ самостоятельно, на общихъ собраніяхъ, причемъ каждый членъ, чья рабочая сила не ниже половины средней рабочей силы остальныхъ сочленовъ, имѣетъ право (активно или пассивно) подачи голосовъ.

Такія профессіи, какъ, напримѣръ: врача, писателя, художника и т. д., которыя по самому своему существу не соотвѣтствуютъ духу ассоціаціи, а требуютъ обособленности, остаются индивидуальными, вотъ почему положеніе врача въ «Странѣ Свободы» ничѣмъ не отличается отъ положенія ихъ во всемъ остальномъ мірѣ.

Купля-продажа всѣхъ продуктовъ происходитъ въ общественныхъ магазинахъ, хотя никого къ этому не принуждаютъ. Но эти магазины представляютъ слишкомъ много выгоды, чтобы ихъ можно было обойти.

Каждому лицу и каждому товариществу открытъ счетъ въ центральномъ банкѣ, который производитъ всѣ операціи внутри и внѣ страны. Никто не платитъ наличными, а все лишь чеками. Доступныя для всѣхъ торговыя книги этого учрежденія даютъ вѣрную и ясную картину всей промышленной жизни. Онѣ даютъ возможность опредѣлить съ точностью доходъ каждаго гражданина и нормировать его налогъ на общія издержки. Налогъ этотъ довольно значителенъ: въ первомъ году онъ составлялъ 35% и никогда не падалъ ниже 30% чистаго дохода. На него покупали средства производства, оплачивали руководителей, покрывали расходы по двѣнадцати отдѣламъ жизни и управленія. Одинъ изъ важнѣйшихъ расходовъ составляетъ содержаніе лицъ, неспособныхъ къ труду—дѣтей, женщинъ, стариковъ и калѣкъ. Жалованье ихъ соразмѣрно не только съ насущными потребностями, но и съ потребностями высшаго порядка и при томъ не опредѣлено въ постоянной суммѣ, но въ процентахъ со средняго общественнаго дохода.

Суды, полиція, войско, управленіе финансами не стоятъ ничего, такъ какъ они излишни. Нѣтъ убійцъ и воровъ, нѣтъ недоимокъ, нѣтъ даже уголовнаго и гражданскаго свода законовъ. Всѣ споры улаживаетъ третейскій судъ, преступники же считаются нравственно больными, и ихъ помѣщаютъ въ лечебныхъ заведеніяхъ.

Правленіе товарищества позаботилось о томъ, чтобы въ колоніи приготовили необходимыя строенія. Каждая семья получила особый домъ съ садомъ, холостые жили въ многочисленныхъ гостинницахъ.

Мужчины работали обыкновенно отъ 5 до 10 часовъ утра и отъ 4 до 6 пополудни; женщины занимались дѣтьми и домашнимъ хозяйствомъ. Но занятія также не были подчинены обязательному расписанію, и время ихъ разныя общества и артели опредѣляли по желанію.

V.

ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

Въ заключеніе познакомиться подробнѣе съ одной осуществленной было, но затѣмъ потерпѣвшей крушеніе утопіей, которой американскій профессоръ И. Брумъ посвятилъ въ 1902 году цѣлую книжку подъ названіемъ: «послѣдніе дни Рескинской кооперативной ассоціаціи». Мы въ дальнѣйшемъ точно будемъ слѣдовать изложенію участника колоніи проф. Брума, но замѣтимъ, во-первыхъ, что эта «ассоціація» не была кооперативной, а скорѣе коммунистической, и, во-вторыхъ, что Брумъ является, какъ умѣренный соціалистъ, противникомъ коммунизма и анархизма.

Два дня ѣзды по желѣзной дорогѣ привели насъ—разсказываетъ проф. Брумъ—въ мѣстность, гдѣ была расположена извѣстная Рескинская колонія, на западъ отъ Нешвиля-Тенесси. Эта сама по себѣ бѣдная мѣстность съ жалкими фермами при полномъ отсутствіи благосостоянія отличающаго районы Сѣвера, представляется здѣсь въ еще болѣе безотрадномъ видѣ. Громкое названіе «Тенесси-Сити»—станціи, гдѣ мы покинули поѣздъ, дано спекулянтами кучкѣ домовъ, изъ которыхъ они хотѣли сдѣлать городъ на подобіе Парижа или Вѣны. На нашъ вопросъ: «гдѣ же Рескинская колонія»? намъ указали длинный баракъ, расположенный въ нѣкоторомъ разстояніи, съ надписью «Грядущій Народъ», оказавшійся типографіей, гдѣ печаталась газета подъ этимъ названіемъ. Отсюда телѣга доставила насъ чрезъ первобытную дубовую рощу въ знаменитый Рескинъ, который со своими 32-мя разбросанными вдоль оврага и на обрывистыхъ холмахъ домами еще усугубилъ невыгодное впечатлѣніе, произведенное вначалѣ. На склонѣ одного изъ холмовъ высилась двухэтажная гостиница съ 12 номерами, общей столовой и кухней. Было какъ разъ время ужина, и мы вошли въ шумную столовую, гдѣ впервые покушали въ соціалистической колоніи въ мартѣ 1896 года.

По первому же впечатлѣнію можно было видѣть, что колонія состояла изъ людей, не привыкшихъ къ удобствамъ и довольствовавшихся примитивной обстановкой. Условія культурной жизни ими не

соблюдались, и даже простой привѣтъ: «здравствуйте», вызвалъ недоумѣніе.

Уборка и чистка производились разъ въ недѣлю, наканунѣ воскресенья. Въ грязномъ помѣщеніи мужчины сидѣли на чемъ попало, куря и жуя табакъ. На улицахъ бродили свиньи, и общій видъ колоніи былъ далекъ отъ идеала и даже не напоминалъ высокаго соціальнаго развитія.

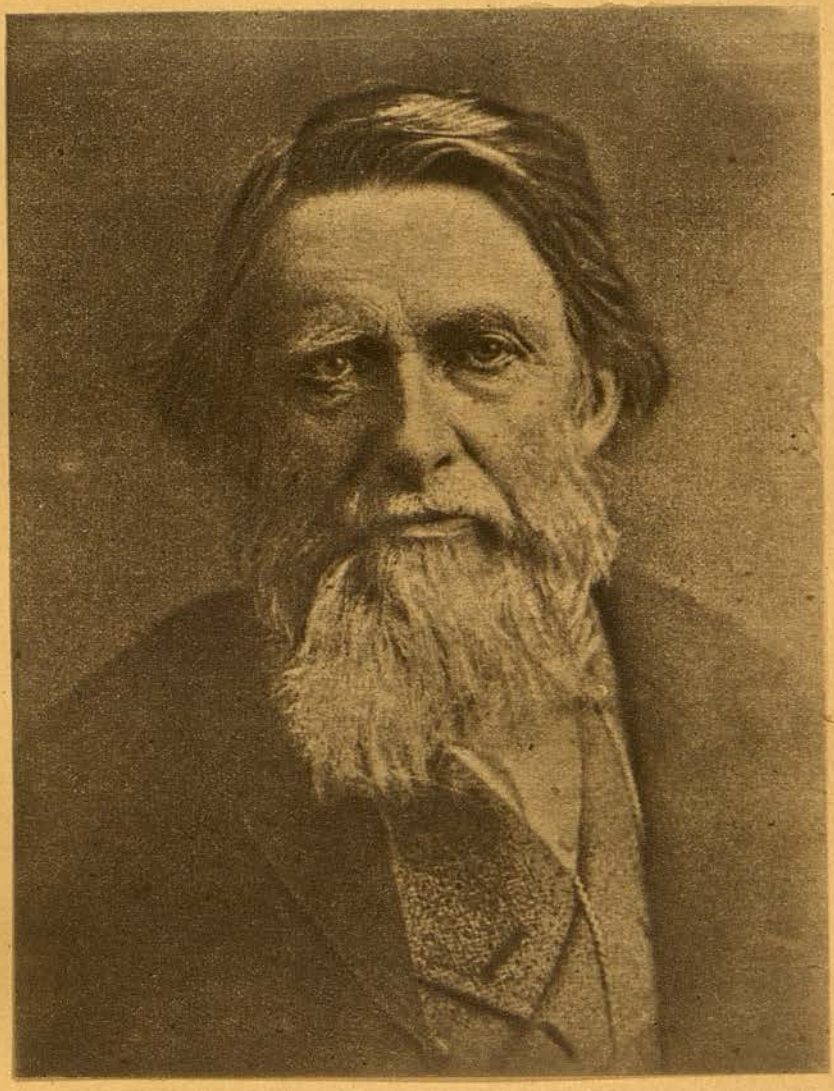
Неплодородность почвы (1000 акровъ), на которой стоялъ Рескинъ, происходила отъ твердаго подпочвеннаго пласта, гдѣ даже дубы не могли пускать корней.

Это малообѣщающее обстоятельство заставило колонистовъ, послѣ двадцатимѣсячныхъ тщетныхъ попытокъ приспособить почву къ культурѣ, пріискать новую мѣстность, расположенную въ шести миляхъ къ Сѣверу, переименованную впослѣдствіи въ «Новый Рескинъ».

Первоначальная мысль объ учрежденій этой колоніи возникла въ 1893 году у Уэйленда, — вскорѣ послѣ того какъ онъ въ Гринсбергѣ—Индіанѣ—основалъ газету «Грядущій Народъ». Эта мысль представлялась ему въ видѣ кооперативнаго поселка и усиленно распространялась газетой. А такъ какъ это отвѣчало интересамъ соціалистовъ, то благодаря ихъ стараніямъ газета въ скоромъ времени достигла тиража до 60,000 экз., что дало Уэйленду возможность заарендовать вышеозначенную мѣстность въ Тенесси. Но въ теченіе первыхъ-же 20 мѣсяцевъ между колонистами и Уэйтлендомъ произошли тренія, что заставило послѣдняго отказаться отъ этого предпріятія, отъ газеты и отъ всего, и предоставить все колонистамъ, которые уплатили ему 2000 долларовъ за четыре пая основного капитала, принадлежавшаго ему лично. Вслѣдъ за нимъ ушло еще нѣсколько колонистовъ, и распря на нѣкоторое время затихла, чтобы позднѣе вновь возгорѣться вслѣдствіе плохого управленія, которое и повело къ окончательному краху.

Спустя мѣсяцъ послѣ нашего прибытія началось переселеніе въ новую мѣстность. Сначала перенесли лѣсопильный заводъ, чтобы приготовить лѣсной матеріалъ для новаго зданія типографіи, которое было возведено въ іюлѣ мѣсяцѣ въ большемъ масштабѣ, трехэтажное, при чемъ верхній этажъ предназначался для столовой, бальнаго зала гимназіи и театра. Дома колонистовъ были разобраны и вновь собраны въ новомъ Рескинѣ, такъ что къ Рождеству уже весь народъ перебрался въ новую мѣстность, оказавшеюся во всѣхъ отношеніяхъ прелестною.

Въ трехъ миляхъ отъ печальнаго мѣста, гдѣ былъ расположенъ



ДЖОНЪ РЕСКИНЪ.

старый Рескинъ, сразу открывается красивый видъ на богатую растительностью долину съ обильно орошенною плодоносною почвою. Перейдя чрезъ желтую рѣку мы видимъ передъ собою огромное зданіе новой типографіи на живописномъ фонѣ перпендикулярныхъ известковыхъ скалъ; поднявшись на 30—40 футовъ выше, мы стоимъ передъ большой пещерой уходящей далеко во внутрь скалъ и содержащей въ себѣ обширное озеро чистѣйшей воды и большой глубины. Изъ этой пещеры, изъ подъ скалъ вырывается кристаллическій потокъ, приводящій въ движеніе колесо, наполняющее водою резервуаръ. За этой пещерой тянется еще цѣлый рядъ огромныхъ пещеръ безъ конца—служившихъ когда-то логовищемъ допотопныхъ звѣрей и превращенныхъ колонистами въ складочныя мѣста для провизіи. Надъ исполинскими скалами растилается богатый покровъ растительности, а въ скалистомъ берегу желтой рѣки, въ противуположномъ концѣ колоніи, раскрывается еще другая пещера, внутри которой красуются дивные сталактиты. По эту сторону Новаго Рескина на разстояніи около мили къ Сѣверу протекаетъ другая извилистая рѣка, подъ названіемъ Серебряной рѣки. Справа высоко надъ долиной господствующее мѣсто занимала надежда Новаго Рескина: «Коллегія или Училище Новой экономіи». Къ нему прилегала мѣстность предназначенная для будущаго города, тогда какъ бараки, построенные около типографіи, имѣли характеръ временныхъ жилищъ. Тамъ-же, въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ были выстроены: паровая прачечная, пекарня, каретныя и кузнечныя мастерскія, зернохранилища и домъ для холостяковъ.

Кромѣ прелестной мѣстности и благодатнаго климата, были еще другія благопріятныя обстоятельства для процвѣтанія колоніи, но люди испортили это дѣло.

Позорный провалъ Рескинской колоніи естественно вызываетъ въ публикѣ мнѣніе о нецѣлесообразности такихъ ассоціацій вообще и служитъ поводомъ для насмѣшекъ среди широкихъ круговъ, враждебныхъ всякому улучшенію соціальныхъ условій трудящихся классовъ. Между тѣмъ, неудача Рескина имѣетъ болѣе поучительное значеніе для кооперативныхъ попытокъ, чѣмъ могло бы имѣть удачное веденіе этого предпріятія. По мнѣнію автора, изложеніе фактовъ, условій и характеровъ, встрѣчающихся въ этой организаціи, которая сама по себѣ и благодаря личному составу, оказалась неудачной—должно послужить назиданіемъ для подобнаго рода кооперативныхъ начинаній.

Похвальное стремленіе людей соединяться для того, чтобы со-

здавать идеальные образцы соціальнаго и экономическаго устройства заслуживаетъ полнаго одобренія. То, что пока еще не можетъ быть осуществлено въ большемъ масштабѣ, является возможнымъ въ тѣсномъ кругу и было бы странно утверждать, что человѣкъ не можетъ достичь такимъ способомъ счастливаго соціальнаго положенія. Но исторія неудачъ и распада Рескинской колоніи ясно указываетъ на недостатки подобныхъ предпріятій въ настоящемъ и будущемъ.

Толпа неподготовленнаго и непріученнаго народа не можетъ осуществить надежды на соціальное и экономическое перерожденіе. Нашей цѣлью является —указать качества, необходимыя для правильныхъ соціальныхъ отношеній, и недостатки, которыхъ слѣдуетъ избѣгать. Люди не сразу мѣняются отъ перемѣны условій жизни, и перерожденіе ихъ можетъ совершиться лишь путемъ всесторонняго посвященія въ высшую науку. Иначе люди будутъ только выказывать свои несовершенства, какъ это случилось въ Рескинской колоніи.

По словамъ проф. Брума, все это происходитъ отъ того, что человѣкъ еще не достигъ того сердечнаго и умственнаго совершенства, котораго онъ лишился въ Раю. Практическія попытки, подобно Рескинскимъ, имѣютъ больше значенія, чѣмъ всякія теоріи. Достоинству современнаго движенія къ созданію промышленныхъ ассоціацій нанесено оскорбленіе преступными дѣйствіями Рескинскихъ колонистовъ и лучше ихъ раскрыть, чѣмъ стараться ихъ загладить. Упрямые правители Рескина и обманутое ими большинство темнаго народа потеряли всякое право на деликатное обращеніе. Хорошее воспитаніе дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы развить въ нихъ довѣріе къ самимъ себѣ и самобытность, но, къ сожалѣнію, мы видимъ, какъ цѣлыя поколѣнія людей воспитываются съ полнымъ пренебреженіемъ этихъ правилъ и къ нимъ принадлежатъ также учредители Рескинской колоніи, пришедшіе съ Уэйлендомъ. Вначалѣ казалось, что это сантиментальные реформаторы, но при болѣе внимательномъ изученіи событій оказывается, что ихъ реформаторскія начинанія служили лишь предлогомъ для нищенскихъ поползновеній.

Колонисты, получившіе въ наслѣдство отъ своего основателя Уэйленда типографію и газету «Грядущій Народъ», пріучились и къ его нищенскимъ пріемамъ, которыми онъ раньше увеличивалъ тиражъ этой газеты, и стали примѣнять ихъ къ увеличенію земельнаго фонда. Эти нищенскіе пріемы вскорѣ вошли въ привычку тѣмъ болѣе, что выпрашиваніе земли имѣло успѣхъ. Къ тому-же, была пущена въ ходъ широковѣщательная реклама, которая привлекала новыхъ пайщиковъ; но большинство быстро разочаровывалось и снова уходило. Въ концѣ

пятаго года послѣ основанія колоніи изъ первоначально вошедшихъ въ нее 26 членовъ осталось лишь трое. Въ общемъ же, изъ поступившихъ въ теченіе этого времени, т. е. съ августа 1894 года по іюнь 1899 г 222-хъ членовъ—къ 22 іюня 1899, т. е. ко времени ликвидаціи колоніи, оказалось на лицо всего 85 членовъ. Въ среднемъ ежегодно покидали колонію 19% ея состава, умерло же за это время четверо.

Несмотря на то, дѣла колоніи казались одно время блестящими. Пайщики прибывали, и денегъ было много, при чемъ они попадали въ руки людей не привычныхъ съ ними обращаться. На каждаго вновь прибывавшаго пайщика смотрѣли, какъ на олицетворенный пай въ 500 долл.

Въ теченіе 5 лѣтъ новые пайщики внесли 66.530 долл., что въ добавокъ къ 17.040 долл., составлявшимъ основной капиталъ, вложенный въ предпріятіе еще при Уэйлендѣ, представляло сумму въ 83.570 долл. Изъ нихъ 15.350 долл. были возвращены покинувшимъ колонію пайщикамъ, такъ что остатокъ капитала составлялъ 68.220 долл. вложенныхъ въ постройки, въ нѣсколько машинъ, въ обстановку фермъ и въ небольшой инвентарь, состоявшій изъ 22 лошадей, 24 коровъ, 21 телятъ, а также изъ небольшихъ запасовъ. Кромѣ того, земля была заложена въ 6000 дол. Помимо этихъ капиталовъ, колонія имѣла довольно значительный доходъ, получаемый отъ продажи изготовляемыхъ продуктовъ, а также отъ продажи паевъ. Такъ въ 1898 г. первая изъ этихъ статей дала валовой доходъ въ 27 724 долл., а вторая—продажа паевъ—17.011 долл. Несмотря на это, 1898 годъ закончился дефицитомъ въ 3824 долл., и въ числѣ расходовъ за этотъ годъ только 2396 долл. были уплачены за покупку земли.

Соціалистическій характеръ колоній привлекъ вниманіе широкихъ круговъ, и пожертвованія, какъ деньгами, такъ и орудіями и разными другими вещами, посыпались со всѣхъ сторонъ. Проф. Брумъ считаетъ это однимъ изъ роковыхъ обстоятельствъ, нанесшихъ колоніи большой вредъ, такъ какъ эти подачки усыпляли самодѣятельность колонистовъ и укрѣпляли у правителей колоніи мнѣніе, что можно обойтись безъ серьезной работы, продолжая дѣйствовать въ духѣ Уэйленда и газеты «Грядущій Народъ».

Единственными источниками дохода въ Рескинской колоніи были: типографія, кофейные бобы и изготовляемые колонистами подтяжки—и за нихъ добродушные покупатели, желавшіе помочь колоніи, переплачивали вдвое противъ дѣйствительной стоимости, такъ что это являлось тоже своего рода подачкой. Когда въ 1899 году пришлось ликвидировать дѣла колоніи—не хватило на то наличныхъ денегъ

и пришлось снова обратиться къ общественной благотворительности. Но самъ президентъ колоніи, ставленникъ Уэйленда, не счелъ сначала удобнымъ сдѣлать это чрезъ посредство газеты. Поэтому было рѣшено написать частнымъ образомъ просительныя письма политическимъ друзьямъ и доброжелателямъ. Однако эти письма не имѣли успѣха, и оставались или вовсе безъ отвѣта или же вызывали только вѣжливый отказъ. Тогда президентъ и «закупщикъ» все-таки рѣшили напечатать эти просительныя письма въ газетѣ, а такъ какъ это заранѣе стало извѣстно проф. Бруму и его друзьямъ, то онъ, отъ имени многихъ, обратился къ директорамъ Рескинской кооперативной ассоціаціи съ письмомъ отъ 10 мая 1899 года въ которомъ излагаетъ вкратцѣ слѣдующее:

«Въ нашей колоніи, къ сожалѣнію, не могутъ быть проведены принципы здоровой кооперації—за недостаткомъ въ ней здраваго смысла и умѣнія. Въ дѣйствительности всѣ дѣла колоніи рѣшаются по усмотрѣнію одного человѣка или немногихъ людей. Такимъ образомъ, ассоціація становится деспотизмомъ. Одинъ человѣкъ придумалъ выпрашивать деньги черезъ посредство газеты «Грядущій Народъ». Это удалось предупредить, но за то просительныя письма были разосланы извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ. Какъ и слѣдовало, ожидать—эти письма не имѣли успѣха. Теперь снова появился проектъ оповѣстить публику чрезъ «Грядущій Народъ» о печальномъ положеніи знаменитой Рескинской ассоціаціи. Эта публикація появится черезъ нѣсколько дней, и весь свѣтъ узнаетъ о нищетѣ колоніи. Изъ этого выйдетъ для насъ одинъ только вредъ, и поэтому мы протестуемъ противъ публикаціи въ «Гр. Нар.» Подобныя дѣйствія противорѣчатъ правильнымъ дѣловымъ пріемамъ, и серьезные люди не должны этимъ заниматься, они приводятъ насъ на край гибели. Весь этотъ проектъ выдвинутъ однимъ человѣкомъ, который даже не посовѣтовался съ членами колоніи и посвятилъ въ него лишь исполнительный комитетъ. Этотъ исполнительный комитетъ является одной изъ главныхъ причинъ распада Рескинской колоніи, т. к. онъ способствуетъ проведенію личныхъ и кружковскихъ взглядовъ. Онъ же виновенъ въ неудачѣ всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ Рескинѣ, изъ коихъ лишь сталактитовая пещера и «Коллегія Новой экономіи» оказались доходными. Онъ разорилъ и газету «Гр. Нар.», т. к. лишилъ типографію ея лучшихъ машинъ, и возъимѣлъ неудачную мысль разводить свиней въ оградѣ при коллегіи, причемъ каждый фунтъ свинины обошелся колонистамъ по одному доллару. Благодаря Исп. Комитету расходъ превысилъ въ прошломъ году доходъ на 1430 долл., и онъ расходовалъ

зъ теченіе 5 лѣтъ не менѣе 175,000 дол. Все это—результатъ безотвѣтственнаго хозяйничанія, а теперь насъ хотятъ оскандалить публикаціей просительныхъ писемъ. Исполнительный комитетъ причастенъ къ тому, что агентъ-закупщикъ оказался неспособнымъ и былъ заподозрѣнъ въ покупкѣ плохаго товара, что нанесло колоніи ущербъ до 1700 долл. въ годъ. Онъ же виноватъ въ провалѣ проекта коллегіи и растратѣ ея фонда и въ томъ, что благодаря управленію Мак-Кея аренда понизилась до 850 долл. Исполнительный комитетъ дѣлаетъ въ колоніи все, что хочетъ, не совѣтуясь ни съ кѣмъ. Онъ отказалъ въ выдачѣ паевъ женщинамъ, не соблюдалъ срочныхъ платежей и навлекъ на насъ судебнаго пристава, не зная даже о томъ, что на прошлой недѣлѣ слѣдовало уплатить за землю 900 долл. Поэтому институтъ Исполнительнаго Комитета долженъ быть упраздненъ, чтобы спасти насъ отъ гибели. Мы всѣ надѣялись, что ассоціація можетъ быть заново организована и такимъ образомъ можетъ избѣжать дальнѣйшихъ бѣдствій, вызванныхъ дѣйствіемъ старыхъ членовъ правленія, которые оказались неспособными и пренебрегали интересами остальныхъ. Но если они насъ разорятъ, публикуя въ газетѣ о томъ, что богатая и знаменитая колонія Рескина представляетъ изъ себя собраніе нищихъ, то мы откажемся отъ новой организаціи и отъ надежды на лучшую будущность. Въ виду этого мы просимъ дирекцію воздержаться отъ публикацій просительныхъ писемъ и изобрѣсти другой способъ, чтобы улучшить наши финансы».

Это выступленіе вызвало цѣлую бурю, что и имѣлось ввиду его иниціаторомъ, и хотя дирекція рѣшила не отвѣчать на письмо Брума, но все же редакція просительныхъ писемъ была нѣсколько измѣнена. Тѣмъ не менѣе ихъ публикація произвела весьма плохое впечатлѣніе на широкіе круги, какъ это предсказывалъ проф. Брумъ, и, обнаруживъ банкротство колоніи, навлекла на нее много насмѣшекъ. Поступили, правда нѣкоторыя предложенія помощи, но они не имѣли значенія. Такъ,—одинъ старикъ обѣщалъ завѣщать Рескинской колоніи свое имущество, стоящее 10,000 долл. Дирекція пыталась занять подъ это имущество деньги, но комбинація не удалась. За то письмо Брума вызвало противодѣйствіе партіи, преданной дирекціи, которая подала 11 мая 1899 года петицію, за подписью 46 членовъ колоніи, направленную противъ Брума. Въ этой петиціи выставлялось требованіе, чтобы всѣ заявленія, подаваемыя проф. Брумомъ, до ихъ обсужденія дирекціей или общимъ собраніемъ колонистовъ, поступали на разсмотрѣніе особой комиссіи. Авторъ усматриваетъ въ этой петиціи, которая впрочемъ была отклонена на общемъ собраніи, дока-

зательства присутствія въ колоніи многихъ полуинтеллигентныхъ лицъ, не уяснившихъ себѣ значеніе кооперативной ассоціаціи, такъ какъ подобнаго рода требованія противорѣчатъ свободной иниціативѣ отдѣльныхъ членовъ и создаютъ безотвѣтственность правленія. По мнѣнію автора, причина подобныхъ выходокъ крылась въ первоначальномъ устройствѣ колоніи Уэйлендомъ и его сподвижниками, старавшимися заглушить у колонистовъ независимость и положившими начало попрошайничеству.

Единственнымъ мѣстомъ для общихъ собраній пайщиковъ былъ «Лицей», и всякія другія собранія были запрещены. На происходившемъ разъ въ годъ общемъ собраніи въ Лицеѣ производились также выборы должностныхъ лицъ. При этомъ все было заранѣе условлено дирекціей и ея приспѣшниками, а намъ предоставлялось выразить лишь наше согласіе или несогласіе, проставляя на печатныхъ ярлычкахъ: «да» или «нѣтъ». Никакихъ преній не допускалось, и это называлось» «свободою». По этому поводу Брумъ сдѣлалъ попытку указать на недостатки системы, при чемъ имѣлъ въ виду порядки, существующіе въ масонскихъ ложахъ, гдѣ, по его мнѣнію, принципъ ассоціаціи соблюдался гораздо лучше. Въ 1898 году онъ подалъ дирекціи заявленіе, суть коего состояла въ слѣдующемъ: «Мы дошли въ исторіи развитія Рескинской колоніи до такого момента, когда необходимо выяснить, будемъ ли мы придерживаться старой системы или выступимъ на новый путь. Наше стремленіе къ образцовой демократіи встрѣчаетъ препятствія, и мы далеки отъ совершенства.

Главный недостатокъ системы законодательнаго представительства вообще состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ возможность дѣйствовать вопреки интересамъ народа и проводить мѣры личнаго и эгоистическаго характера. Хотя подобныя мѣры встрѣчаютъ нѣкоторый противовѣсъ въ законѣ «о правахъ гражданъ», но тѣмъ не менѣе законодательное представительство можетъ быть помѣхой для органическаго цѣлаго ассоціаціи, такъ какъ его мѣропріятія являются результатомъ воли немногихъ лицъ, изъ коихъ нерѣдко одно лицо, преслѣдуя преступныя замыслы, можетъ вредить интересу всей общины.

Такимъ образомъ, законъ «о правахъ» можетъ оказаться безсильнымъ противъ личныхъ и честолюбивыхъ замысловъ правителей. Съ другой стороны, представительство должно стараться угождать массѣ и снискивать себѣ популярность, а это автоматически тоже ведетъ къ обструкціи общаго прогресса. Далѣе оно, желая обезпечить за собою власть, начинаетъ окружать себя шпіонами и сыщиками, создаетъ армію и флотъ, тюрьмы и преслѣдованіе истинныхъ патріотовъ, какъ мы видѣли на примѣрахъ Сэра Чарльса Дайлька и Чарльса Парнелля.

Что же касается законодательной власти въ Рескинѣ, то она еще отличается отъ другихъ подобныхъ учрежденій отсутствіемъ опытныхъ и ловкихъ представителей, а поэтому стоитъ еще ниже другихъ, и образецъ этой кооперативной общины значительно уступаетъ общей системѣ законодательнаго представительства, само по себѣ устарѣвшаго, феодальнаго и обструктивнаго. Причины недостатковъ этой системы кроются въ томъ, что вся органическая община уступаетъ свои права и функціи небольшому числу лицъ, составляющихъ лишь часть ея; но въ нихъ олицетворена лишь малая доля ума и воли всей общины, и въ концѣ концовъ внутренній распорядокъ законодательнаго представительства ведетъ къ тому, что власть сосредоточивается въ рукахъ одного лица. Между тѣмъ при участіи въ управленіи всѣхъ членовъ общины, безъ законодательнаго представительства, препятствующаго ея дѣйствіямъ, имѣется возможность привлечь къ общему дѣлу управленія наиболѣе умныхъ людей, которые будутъ руководить волей общины. При этомъ, конечно, честолюбивые и хитрые элементы тоже получаютъ возможность высказываться, но это не болѣе какъ справедливо при общемъ равноправіи, и мнѣніе умныхъ не можетъ заглушаться преступными мѣрами представителей. Община отвѣтственна только передъ собою и располагаетъ всѣми средствами къ исправленію собственныхъ ошибокъ, возможныхъ въ ея законодательствѣ.

При законодательной системѣ, существующей въ Соединенныхъ Штатахъ, недостатки законодательства находятъ противовѣсъ въ основныхъ законахъ, допускающихъ контроль со стороны гражданъ, какъ-то: въ законѣ о правахъ, въ правѣ петицій и пр. Всякой петиціи долженъ быть данъ ходъ, и только личный арестъ можетъ препятствовать гражданину высказать свое мнѣніе.

Дальнѣйшими гарантіями правъ гражданъ являются: право иниціативы и референдумъ, которые можно назвать поправками къ законодательной системѣ, и хотя эти права для законодательсвта нѣсколько громоздки, но они все-таки являются при законодательномъ представительствѣ гарантіей. Тѣмъ не менѣе и при существованіи ея общая воля менѣе обезпечена, чѣмъ въ трудовыхъ союзахъ и товариществахъ Соединенныхъ Штатовъ и Европы, гдѣ всѣ дѣла рѣшаются съ общаго согласія, и всѣ мѣропріятія могутъ быть измѣняемы согласно волѣ ассоціаціи, безъ обструкціи со стороны законодательнаго представительства. Съ этой точки зрѣнія слѣдовало бы измѣнить и управленіе Рескинской колоніи. Принятіе дополнительныхъ законовъ 8 Мая 1897 г. подвергло опасности органическую дѣятельность колоніи, упразднивъ собраніи пайщиковъ, что повело къ преобладанію демаго-

говъ и къ обструктивной дѣятельности дирекціи. Все законодательство остановилось, а также всякія предпріятія, строительная дѣятельность и закупка полезныхъ товаровъ. Пострадали воспитаніе дѣтей, производительность типографій и вообще всѣ части управленія. Все это не могло бы случиться при свободѣ слова, и Рескинская колонія могла бы служить примѣромъ для другихъ ассоціацій, если бы она упразднила законодательное представительство. Дирекція должна состоять изъ представителей всѣхъ пайщиковъ».

Это заявленіе проф. Брума было оставлено дирекціей безъ движенія. Изъ состава директоровъ, бывшаго въ 1898 г., двое перешли въ дирекцію 1899 г., и авторъ по этому поводу замѣчаетъ, что люди какъ будто перерождаются, когда они изъ простыхъ смертныхъ превращаются въ правителей. Они теряютъ благородство чувствъ и мужество, становятся неспособными къ серьезной работѣ, боятся нарушить свои интересы и интересы своихъ друзей и стараются во что бы ни стало охранять систему. Такимъ образомъ, эта система рождаетъ только моральныхъ трусовъ и негодяевъ. Большая ошибка думать, что при экономическомъ равенствѣ не можетъ существовать мошенниковъ, и проф. Брумъ находитъ, что низость человѣческой натуры нигдѣ не проявлялась въ такой степени, какъ въ Рескинѣ, доходя до «полнаго разврата», какъ выражается Гемфри Нойсъ въ своемъ описаніи «Общины Онеиды». Деньги можно было нажить въ Рескинской колоніи только занимая какую-нибудь общественную должность, и дѣло можно было вести только черезъ посредство дирекціи, но послѣдняя чуждалась всякаго прогресса, и вслѣдствіе этого въ колоніи распространялись безпечность и расточительность, ведущія къ разоренію. Ясно, что во всемъ была виновата система, устранявшая народъ отъ всякихъ дѣлъ, которыя сосредоточивались въ рукахъ дирекціи. Пока существовали открытыя собранія пайщиковъ—допускались откровенныя пренія, народъ былъ въ курсѣ дѣлъ, и у политиковъ было мало шансовъ проводить свои козни. Но какъ это ни странно, а собранія пайщиковъ были упразднены по настоянію анархистовъ, которые считаютъ себя поборниками индивидуальной свободы. Они старались также, хотя безъ успѣха, сократить число директоровъ,—которыхъ было 15,— до семи.

Проф. Брумъ останавливается на общихъ разсужденіяхъ о цѣляхъ демократіи, которыя не были осуществлены въ Рескинской колоніи, но на этомъ основаніи не должны считаться неосуществимыми. Переходную стадію онъ видитъ въ франсъ-масонскихъ организаціяхъ, испытанныхъ и освященныхъ временемъ. Ложи устроены такимъ образомъ, что мнѣнія благоразумныхъ должны торжествовать надъ

глупыми. Рѣшеніе ложъ восходятъ до великой ложи, а исполнительный органъ облеченъ царскою властью, при чемъ однако вся система управляется точными законами. Сначала законъ, потомъ демократическій принципъ, послѣ этого—представительство—и наконецъ исполнительная власть. Въ этомъ же смыслѣ развиваются рабочіе союзы и кооперативныя товарищества, въ которыхъ преобладаетъ демократическій принципъ и со временемъ всѣ они сольются во всемірную ассоціацію, гдѣ экономическіе и соціальные интересы будутъ также прочно связаны, какъ въ франкъ-масонскихъ ложахъ. Однажды въ Рескинѣ во время преній, одинъ изъ директоровъ сталъ защищать идею чистой демократіи, какъ ее понималъ Джефферсонъ. Онъ указалъ на собранія горожанъ въ Новой Англіи, какъ на примѣръ свободнаго народа, устраивающаго свои дѣла, эта система породила замѣчательные характеры и была школой для наиболѣе даровитыхъ государственныхъ дѣятелей. Далѣе онъ возражалъ тѣмъ, кто утверждалъ, что народъ не можетъ самъ заниматься дѣлами и что упраздненіе собраній пайщиковъ было необходимостью. «Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ онъ, все наше движеніе является ошибкой, и если у народа хватило ума избрать 13 директоровъ съ тѣмъ, чтобы они занимались его дѣлами, то отчего же у него не хватило бы ума вести эти дѣла безъ посредниковъ?» На это его оппоненты могли только отвѣтить: «Потому, что народъ не можетъ этого дѣлать».

Но какое же развитіе ума требуется, чтобы народъ могъ участвовать въ кооперації? На это нельзя отвѣтить одними словами, и подобно тому, какъ Христосъ могъ установить свое ученіе только своей жизнью и своими дѣяніями, кооперативный принципъ можетъ быть проведенъ только на жизненныхъ примѣрахъ. Исторія Рескинской колоніи указываетъ на крайности невѣжества, котораго слѣдуетъ при этомъ избѣгать, и на уровень умственнаго развитія, который необходимъ для подобныхъ организацій.

Въ этомъ описаніи встрѣчается часто фигура «закупщика». Отъ него исходятъ всѣ бухгалтерскія и торговыя операціи въ колоніи и онъ, начавъ свою дѣятельность еще при Уэйлендѣ, способствовалъ общему безпорядку и былъ причиной, что всегда чего нибудь недоставало, и несмотря на то, что «финансистъ» колоніи постоянно бѣгалъ и занималъ деньги, на складахъ никогда не было того, въ чемъ ощущалась надобность.

Тѣ люди, которые прибывали въ колонію на основаніи статей газеты «Грядущій Народъ» и расчитывали встрѣтить тамъ идеальную культуру и идеальныя манеры—были крайне разочарованы въ своихъ

ожиданіяхъ. До прибытія въ Рескинъ всѣ были идеалистами, но когда они ближе знакомились съ порядками колоніи, они начинали ее сравнивать съ тюрьмой, въ которой господствуютъ деспотизмъ и невѣжество, гдѣ исполнительная власть правитъ безъ законовъ и гдѣ имъ приходилось или подчиниться или подвергнуться недостойному обращенію.

Проф. Брумъ подчеркиваетъ, что это вовсе не его единоличное мнѣніе и что оно раздѣлялось большимъ числомъ колонистовъ, изъ коихъ весьма многіе высказывались въ томъ же смыслѣ. Всѣ они находятъ, что Рескинъ, несмотря на прелестное мѣстоположеніе, здоровую мѣстность, плодородную землю и благодатный климатъ, представляетъ собой настоящій адъ деспотизма. Но кто не хотѣлъ этому подчиниться, тому оставалось только махнуть рукой на свой пай въ 500 долл. и покинуть колонію.

Колонисты, которые работали въ огородахъ, нерѣдко жаловались на недостойное обращеніе со стороны заправилъ, при этомъ въ колоніи никогда не было свѣжихъ овощей, и работы оставались безъ результата вслѣдствіе плохой организаціи.

И такъ Рескинъ является адомъ во всѣхъ отношеніяхъ—адомъ шпіонства, пустой болтовни, разобщенія съ остальнымъ міромъ, невѣжества, ненависти къ интеллигенціи и, наконецъ, вовлеченія въ обманъ довѣрчивыхъ людей, вносившихъ въ этотъ адъ свои сбереженія. Деньги растрачивались направо и налѣво безъ смысла, общія собранія были упразднены. Людямъ не давали возможности сходиться и обсуждать свои дѣла и критиковать мѣропріятія учредителей, удержавшихъ власть въ своихъ рукахъ. Собранія по воскресеньямъ въ Лицеѣ,—единственномъ мѣстѣ, гдѣ еще можно было обсуждать дѣла—также были воспрещены, и съ тѣхъ поръ одни лишь демагоги обрабатывали умы простолюдиновъ, составлявшихъ большинство въ колоніи и собиравшихся безъ всякаго порядка около типографіи.

Изъ чувства приличія слѣдуетъ упоминать поменьше «патріархахъ», довольно многочисленныхъ въ Рескинѣ. Авторъ останавливается лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ, эпохи Уэйленда, при самомъ возникновеніи колоніи внесъ въ нее пару типографскихъ прессовъ небольшихъ размѣровъ и относящійся къ нимъ шрифтъ. Это имущество дало ему первое мѣсто послѣ учредителя и было оцѣнено въ 1000 долл. Онъ считался наиболѣе богатымъ пайщикомъ и чуть ли не благодѣтелемъ всей колоніи. Благодаря этому онъ быстро повышался въ должностяхъ, сдѣлавшись секретаремъ, потомъ казначеемъ и наконецъ директоромъ. Позднѣе

онъ сталъ вице-президентомъ и чуть было не прошелъ въ президенты. Голосъ его имѣлъ первостатейное значеніе, и не одно дѣло не проходило безъ его участія. Онъ держалъ себя скромно, утверждалъ, что живетъ только для колоніи, преданъ идеѣ и не заботится о своемъ личномъ интересѣ, что однако не мѣшало ему забрать въ руки все, что было можно. Когда учредитель колоніи Уэйлендъ былъ устраненъ и все его предпріятіе, со включеніемъ газеты, у него было отнято, нашъ «патріархъ» хвастался, что онъ его убралъ, что впрочемъ подтвердили и другіе. Ко времени прибытія въ колонію автора «патріархъ» жилъ въ типографіи, въ Тенесси-сити; онъ управлялъ всѣми дѣлами колоніи, будучи секретаремъ, казначеемъ и попечителемъ всего имущества колоніи, онъ зналъ всѣхъ у кого водились деньжонки и занималъ ихъ по мѣрѣ надобности. Его жена руководила кухней въ типографіи, гдѣ столовались типографскіе рабочіе, вынужденные жить въ Старомъ Рескинѣ. Въ это время авторъ былъ слишкомъ занятъ общими заботами, сопряженными съ переѣздомъ колоніи на новыя мѣста, въ Пещерные Мельницы, чтобы обратить вниманіе на «патріарха», но впослѣдствіи онъ понялъ его значеніе; онъ былъ поистинѣ королемъ колоніи и властвовалъ даже надъ президентомъ. Онъ устроилъ также продажу Стараго Рескина одному спекулянту, который предложилъ за это мѣсто 5000 долл. Противъ этой продажи высказалось 8 пайщиковъ, но она все-таки состоялась, и деньги быстро улетучились. Вскорѣ послѣ этого въ Рескинъ пріѣхалъ популярный проповѣдникъ, пріобрѣвшій большое вліяніе особенно на молодежь. Его прозвали «епископомъ», и «патріархи» вскорѣ стали опасаться его воспитательнаго воздѣйствія, не входящаго въ ихъ планы. Еще за 3 года до этого училищное движеніе было ими пріостановлено, т. к. по ихъ мнѣнію трудовая система Рескина основывалась на невѣжествѣ и строгости, и имъ вовсе не было желательно заводить школы, учителей и пр., чтобы просвѣщать народъ. «Епископа» скоро сумѣли обработать, и онъ черезъ три недѣли написалъ статью въ томъ смыслѣ, что «Училище Новой Экономіи» является непрактичной мечтой. Около того же времени въ Рескинъ пріѣхала группа участниковъ Народнаго Университета въ Чикаго. Они предложили колонистамъ свое воздѣйствіе въ училищномъ вопросѣ, хотѣли вложить въ это дѣло 12,000 долл., уплатить ипотечный долгъ, построить училище и пустить его въ ходъ. Однако »финансистъ» и «епископъ» высказались противъ этого проекта и провалили его на референдумѣ, устроенномъ для этой цѣли. Это обстоятельство еще укрѣпило «епископа»», и ему было поручено издательство «Грядущаго Народа». Вслѣдъ за тѣмъ представители народнаго университета сдѣлали еще

вторую попытку основать учебное заведеніе по сосѣдству съ Рескинымъ, въ одномъ покинутомъ селѣ, и эту попытку поддержалъ самъ президентъ, расчитывавшій также на поддержку «закупщика» и «пастуха», какъ прозвали одного изъ вліятельныхъ членовъ колоніи, бывшаго овцевода. Но они выступили противъ этого проекта и вмѣстѣ съ «епископомъ и «финансистомъ» настояли на его отклоненіи. По ихъ мнѣнію не было никакой надобности создавать по сосѣдству воспитательную колонію. Хорошъ предлогъ! Соціализмъ изъ этого можетъ вынести болѣе поучительный урокъ, чѣмъ если бы въ Рескинѣ все шло какъ по маслу. Тѣмъ не менѣе небо было не совсѣмъ безоблачнымъ для «патріарховъ», предстояли годичные выборы и ихъ исходъ не былъ вполнѣ обезпеченъ, т. к. въ теченіе послѣдняго года въ колонію прибыло много новаго народа. Старый элементъ рѣшилъ созвать за нѣсколько дней до выборовъ информаціонное собраніе пайщиковъ, чтобы предварительно обсудить будущій составъ должностныхъ лицъ. Первымъ выступилъ на этомъ собраніи «закупщикъ», нарисовавшій широкій планъ реорганизаціи и улучшенія формъ правленія въ Рескинѣ. Ему отвѣтилъ проф. Брумъ. Привѣтствуя его предложеніе, онъ однако указалъ на то, что Раскинская колонія фактически не существуетъ, т. к. всѣ ея земли заложены и долгъ достигаетъ 9000 долл. Въ теченіе послѣдняго года колонія расходовала до 50,000 долл., изъ коихъ лишь 2000 долл. были уплачены за землю. Это, по мнѣнію Брума, представляло большую опасность для колоніи и будущее существованіе ея, благодаря этому становилось сомнительнымъ. Всѣ продукты продовольствія получались съ фермы Смита, которая была заложена зятю «финансиста» и могла легко за неуплату процентовъ попасть въ его руки, а тогда колонія рисковала остаться безъ продуктовъ. Остальныя финансовыя мѣропріятія за послѣднія годы 1896—1898, по мнѣнію Брума, тоже не выдерживали критики: накоплялись новые долги, а старые не платили. Информаціонное собраніе имѣвшее скрытою цѣлью избраніе вновь «финансиста» приняло неожиданный оборотъ для «патріарховъ», ибо было доказано, что онъ безалаберно велъ хозяйство, и его провалили. За нимъ послѣдовалъ «епископъ», у котораго вышло недоразумѣніе съ дирекціей по поводу отчетности за лекціи, читанныя имъ во время одной поѣздки. Ему пришлось отказаться отъ издательства «Грядущаго Народа» и покинуть колонію, послѣ того какъ онъ отпраздновалъ свадьбу съ особой, которая работала съ нимъ въ издательской конторѣ.

Проф. Брумъ наблюдалъ и описанное далѣе разрушеніе въ Рескинской колоніи. Такъ, стѣнки резервуара, ремонтированныя въ пре-

дыдущемъ году—осыпались, потому что работа была плохо исполнена, и цементъ никуда не годился. Фруктовый садъ, посаженный два года назадъ, такъ заросъ дикими сливами, что посаженныхъ деревьевъ не было видно. Сорная трава оставалась неполотой, ограда полуразрушена. Никто не смотрѣлъ за садомъ. Коровы объѣдали молодые ростки, и деревья гибли. Не лучше обстояло съ пчельникомъ, на который незадолго передъ тѣмъ было затрачено 150 долл. Никто не заботился зимой о пчелахъ, большинство которыхъ погибло. На птичьемъ дворѣ, который обошелся колоніи въ 2000 долл.—тоже отсутствіе раціональнаго хозяйства: птица черезчуръ откармливалась зерномъ, отпускаемымъ безъ всякаго контроля съ мельницы, ожирѣла и перестала нестись. Большой скотный дворъ, помѣщавшійся у подножія холма, составилъ бы богатство для каждаго фермера, но давалъ колоніи лишь минимальную пользу. Кормъ для скота приходилось покупать внѣ колоніи, а молока иногда не хватало даже для маленькихъ дѣтей. Между тѣмъ много молока портилось вслѣдствіе небрежности лицъ, имѣвшихъ уходъ за скотомъ и грязнаго содержанія посуды. Въ теченіи 1899 г. члены Рескинской ассоціаціи, не исключая должностныхъ лицъ, также не мало страдали отъ плохого содержанія кухни и небрежности поваровъ, готовившихъ непереваримую пищу.

Столовая въ Рескинѣ была общая. Отъ голосовъ болѣе 200 человѣкъ обѣдающихъ, двиганія стульевъ, стука посуды, криковъ дѣтей,—въ помѣщеніи стоялъ невообразимый гулъ. Въ этомъ не находили ничего дурного. Никто не заботился о тишинѣ и благопристойности, потому что никто къ этому не привыкъ. За столомъ приходилось сидѣть съ людьми, приходившими изъ грязныхъ закоулковъ европейскихъ и американскихъ городовъ. Попадались тоже люди съ сомнительнымъ прошлымъ. Кушанья подавались на общихъ блюдахъ, и каждый старался своей вилкой захватить, сколько могъ. Для тѣхъ, кто запаздывалъ при передачѣ блюда вокругъ стола, оставались одни кости и жиръ: это называлось свободой, равенствомъ, братствомъ. Конечно—отдавать все ближнему,—христіанскій долгъ, но если это повторяется изо дня въ день, то становится невыносимымъ. Изъ общаго правила были впрочемъ исключенія, и за однимъ изъ сосѣднихъ столовъ была установлена очередь, такъ что кости и жиръ каждый день доставались другому. Проф. Брумъ вообще не одобряетъ эту систему общихъ столовъ и считаетъ болѣе раціональнымъ ресторанную систему, гдѣ каждый обѣдаетъ и платитъ за свой обѣдъ отдѣльно. Къ тому же, по его мнѣнію, общность кухни обходится весьма дорого. Одного сахару выходитъ втрое больше, чѣмъ при ресторанной системѣ, ибо каждый,

а особенно дѣти, кладутъ безъ счету сахаръ въ чай и кофе—все равно вѣдь община платитъ за всѣхъ! Въ 1898 г. за обѣдомъ стала играть музыка, но отъ этого только увеличился общій шумъ. Женщины, служившія за столомъ, приходили за пять минутъ до начала обѣда и становились въ рядъ для полученія блюдъ, которыя онѣ потомъ ставили въ концѣ столовъ. Послѣ обѣда онѣ подавали кофе. Всѣ эти служительницы были свободныя соціалистки и не были обязаны службой. Проф. Брумъ вообще не одобряетъ порядка заведеннаго въ Рескинѣ за обѣдомъ и сравниваетъ его съ тѣмъ, какъ подаютъ обѣдъ въ каютахъ второго класса на пароходахъ, перевозящихъ эмигрантовъ изъ Европы въ Америку, гдѣ каждый старается всѣми мѣрами захватить лучшій кусокъ изъ подаваемыхъ за столомъ блюдъ. Проф. Брумъ находитъ, что этотъ способъ общей ѣды особенно вреденъ для дѣтей, которые отъ этого грубѣютъ и становятся непослушными. Распущенность манеръ и грубость поведенія за столомъ авторъ приписываетъ низкому культурному уровню большинства колонистовъ, которые никогда не видали ничего лучшаго. Надо обладать большою дозою соціализма, чтобы садиться три раза въ день за столъ при такихъ порядкахъ, какіе преобладали въ Рескинѣ и при манерахъ, которые низводятъ людей до звѣринаго состоянія. Для культурнаго человѣка это, по мнѣнію автора, невыносимо, и онъ предпочелъ бы смерть продолженію такого состоянія. Единственное спасеніе отъ такихъ явленій онъ видитъ въ воспитаніи.

«Когда въ обществѣ царитъ невѣжество, а въ умахъ людей разстройство, является необходимость издавать много законовъ, причемъ новые законы все же не достигаютъ цѣли, такъ какъ люди требуютъ отъ нихъ того, что они должны находить въ своемъ собственномъ воспитаніи и въ своей нравственности»—говоритъ американецъ Далкой. $3^1/_2$ года назадъ соціалистамъ представлялся хорошій случай открыть промышленную школу и мастерскія на кооперативныхъ началахъ въ широкомъ масштабѣ въ Огайо, но случай былъ упущенъ ради насажденія промышленныхъ и художественныхъ знаній подъ вывѣской Рескинской кооперативной системы. Какое разочарованіе! Всѣ пожертвованія, сдѣланныя для устройства въ Рескинѣ воспитательнаго промышленнаго заведенія были растрачены, и изъ всѣхъ надеждъ не вышло ничего. Сдѣлана первая попытка устроить училище въ старомъ Рескинѣ, но обученіе въ немъ не было обязательно и зависѣло отъ доброй воли родителей и дѣтей. Эти дѣти однако мало отличались отъ своихъ полудикихъ родителей и походили на поросятъ, сновавшихъ по улицамъ Рескина. Отсутствіе дисциплины и порядка среди нихъ достигало крайней степени, и единственный учитель, ко-

торый долженъ былъ преподавать имъ всѣ премудрости, не могъ съ ними справиться. Впослѣдствіи училище было переведено во временное помѣщеніе въ Новомъ Рескинѣ, и въ вакаціонное время тамъ стали преподавать ткацкое искусство, а также живопись и ваяніе подъ наблюденіемъ проф. Брума, но успѣхъ оставлялъ желать лучшаго. Первоначальный учитель вскорѣ долженъ былъ уступить мѣсто новому, избранному болѣе сильной партіей. Послѣдній—политическій дѣятель, бывшій редакторъ газеты и городской голова въ Вайомингѣ и наконецъ дважды избранный президентомъ въ Рескинѣ, но не удержавшійся на этомъ посту,—сталъ въ качествѣ учителя вводить новые порядки, не обращалъ вниманія на школьную дисциплину и предоставлялъ каждому ученику учиться чему онъ хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Изъ этого конечно ничего не вышло, и бывшій президентъ долженъ былъ отказаться отъ преподаванія, но его анархическая система принесла плоды и совершенно дезорганизовала школу: ученики совсѣмъ перестали учиться, и воспитаніе юношества въ Рескинѣ почти что прекратилось. Проф. Брумъ во всемъ винитъ не культурныхъ и невѣжественныхъ родителей, которые, несмотря на кооперативную систему, или именно благодаря ей, даже не могли за шесть лѣтъ соорудить приличное школьное зданіе. Попытки устроить въ Рескинѣ промышленную школу тоже остались безъ результатовъ и то, что имѣло блестящій успѣхъ повсюду въ Европѣ и въ Америкѣ—осталось гласомъ вопіющаго въ описываемой общинѣ!

Еще хуже обстояло въ Рескинѣ съ воспитаніемъ дѣвочекъ. Для нихъ община ничего не сдѣлала и, если нѣкоторыя изъ нихъ чему нибудь учились—то лишь благодаря стараніямъ единичныхъ лицъ; но большинство росло въ невѣжествѣ.

Изъ всего этого выходитъ, что невѣжество не можетъ организовать и управлять такой колоніей, какъ Рескинъ. Большинство населенія колоніи состояло изъ рабочихъ семей промышленныхъ раіоновъ или изъ фермеровъ, отдаленныхъ отъ культурныхъ центровъ мѣстностей; эти люди обращаютъ мало вниманія на домашнее воспитаніе юношества, что, въ свою очередь, особенно отражается на нравственности дѣвушекъ, для которыхъ не существуетъ какихъ-либо умственныхъ интересовъ. Онѣ легко подвергаются чувственнымъ воздѣйствіямъ и нравственному паденію, чему способствуетъ разнузданность юношей. Все это наблюдалось въ Рескинѣ, гдѣ безцеремонность обращенія между молодыми людьми и дѣвушками доходило до крайности. Отсутствіе воспитанія выражалось и въ другомъ видѣ,—такъ, въ произнесеніи ругательныхъ словъ даже среди дѣтей, грубости при-

вычекъ и манеръ и отсутствіе всякаго интереса къ умственнымъ занятіямъ. Между прочимъ въ Рескинѣ, благодаря богатымъ пожертвованіямъ, образовалась прекрасная библіотека, но ею пользовались мало и приходили туда больше для болтовни и куренія.

Въ 1896 году въ Рескинѣ, несмотря на сильную оппозицію враждебной партіи, былъ устроенъ дѣтскій садъ, для чего былъ приглашенъ инструкторъ при содѣйствіи двухъ женщинъ изъ колоніи, а также учитель. Послѣдній удержался недолго, а женщины вызвали зависть со стороны другихъ женщинъ колоніи, которыя находили, что это легкая и пріятная работа. Впослѣдствіи онѣ разубѣдились въ этомъ, нашелся другой учитель, и дѣло наладилось. Пока дѣти находились въ дѣтскомъ саду, они подчинялись дисциплинѣ, проводили время пріятно и полезно и какъ будто перерождались, но какъ только они выходили за порогъ сада и подпадали опять подъ вліяніе домашней атмосферы, они забывали все хорошее и впадали снова въ грубыя привычки—по примѣру родителей. Все же хорошее сѣмя, вложенное въ душу дѣтей, не совсѣмъ пропадало и учрежденіе дѣтскаго сада принесло свою долю пользы.

При переѣздѣ изъ стараго Рескина въ новый, дѣтскій садъ на первое время оказался безъ подходящаго помѣщенія, и дѣятельность его пришлось прервать на нѣсколько мѣсяцевъ. Тогдашній вице-президентъ, нашъ «пастухъ», былъ настроенъ противъ дѣтскаго сада и не торопился предоставить ему помѣщеніе, но президентъ и учитель вступились за интересы сада, и онъ вскорѣ сталъ опять функціонировать.

Газета «Грядущій Народъ», основанная Уэйлендомъ въ Гринсбергѣ (Индіана) и переведенная имъ въ Тенесси-сити, была основаніемъ и началомъ Рескинской колоніи. Но талантливый Уэйлендъ черезъ 11 мѣсяцевъ былъ устраненъ изъ этого предпріятія своими же товарищами учредителями. Нашъ «издатель», работавшій раньше съ Уэйлендомъ, но поссорившійся впослѣдствіи съ нимъ, сдѣлался его преемникомъ по изданію газеты; съ этихъ поръ газета стала падать главнымъ образомъ вслѣдствіе тяжелаго и торжественнаго стиля его статей. Съ переходомъ колоніи въ Новый Рескинъ и газета перешла туда, въ зданіе новой типографіи, гдѣ помѣстился и его издатель, но это не помогло газетѣ, которая продолжала падать.

Старый Уэйлендскій «элементъ» колоніи, такъ называли его учредителей, забралъ въ свои руки все управленіе колоніей. Эти лица устроились на всѣхъ доходныхъ мѣстахъ, подчинили себѣ газету и стали заниматься политикой. Одинъ изъ нихъ завѣдывалъ въ типогра-

фіи бумагой и книгами, и считаясь несравненнымъ спеціалистомъ по этой части, оставался въ должности «контролера» типографіи до 1899 г. Когда-же онъ въ началѣ этого года ушелъ, его преемникъ засталъ въ типографіи невообразимый безпорядокъ.

Годъ спустя послѣ прибытія проф. Брума въ Рескинъ, въ 1897 г. въ колоніи произошелъ расколъ. Нѣкто Коуэлль, работавшій въ типографіи въ теченіе года, не будучи даже членомъ колоніи, выставилъ въ столовой подписной листъ для организаціи защиты въ судахъ газеты «Подстрекатель», проповѣдывавшей анархію и свободную любовь; пересылка газеты по почтѣ была запрещена правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ. Лишь немногіе поняли характеръ запрещенной газеты, и листъ былъ возвращенъ Коуэллю. Но какъ ни странно, газета нашла приверженцевъ среди «стараго элемента» во главѣ съ «издателемъ», который открыто высказался въ пользу доктрины анархіи и свободной любви. Это не мало всполошило остальныхъ соціалистовъ, и въ колоніи произошелъ расколъ. Большинство директоровъ оказалось на сторонѣ анархистовъ, и лишь 6 старыхъ членовъ изъ Уэйлендскаго періода высказались противъ свободной любви, въ числѣ ихъ «закупщикъ». Послѣдній интересовался одними покупками и къ свободной любви относился индиферентно, не придавая значенія расколу. Такъ какъ приверженцы анархизма и свободной любви составляли оффиціальную власть колоніи, то противники этого направленія не могли ничего предпринять помимо нихъ. Тѣмъ не менѣе они начали борьбу противъ анархистовъ. Первымъ дѣломъ противники съ проф. Брумомъ во главѣ подали дирекціи петицію, въ которой высказались за соціализмъ и противъ анархизма. Подъ этой петиціей подписались 26 членовъ колоніи, т. е. около 25% всего состава ея. Но такъ какъ газета «Грядущій Народъ» и дирекція стояли за анархизмъ, то петицію положили подъ сукно и даже не напечатали ея въ газетѣ. Народъ къ этому отнесся довольно безразлично и не сталъ защищать «права петицій», какъ сдѣлалъ бы Американскій народъ, еслибы Конгрессъ такимъ образомъ отнесся къ его петиціямъ. Но соціалисты все же не успокоились и подали другую петицію, требуя референдума на вопросъ: вѣрите ли вы или ваша жена въ анархію и свободную любовь? Противники свободной любви желали, чтобы этотъ вопросъ былъ поставленъ всѣмъ присоединяющимся къ намъ новымъ членамъ на пріемныхъ бланкахъ, т. к. нашли основаніе подозрѣвать, что Коуэлль и его сторонники хотѣли пополнить колонію анархистскими элементами. Въ тоже время среди колонистовъ распространили контръ-петицію противъ постановки этого вопроса, поддержанную «закупщикомъ», «изда-

темъ» и четырьмя изъ членовъ-учредителей. На референдумѣ, однако, соціалистическая петиція получила большинство голосовъ и означенный вопросъ былъ включенъ въ бланки, заполняемые вновь вступающими членами. Къ петиціи было приложено заявленіе проф. Брума, заключающееся въ слѣдующемъ:

«Во всѣхъ соціалистическихъ движеніяхъ анархія являлась большимъ препятствіемъ, и всѣ соціалистическія организаціи, какъ національныя, такъ и интернаціональныя, были вынуждены, ради самосохраненія, искоренить въ своей средѣ анархизмъ. Обѣ системы діаметрально противуположны другъ другу: соціализмъ стремится къ эволюціи и совершенству законнымъ путемъ, анархизмъ старается упразднить всякій законъ. Соціализмъ всегда представлялъ изъ себя усовершенствованную философію, и основаніе его мы находимъ еще у Аристотеля. Всѣ общины и ассоціаціи, обратившіяся въ государства и націи, первоначально основывались на соціализмѣ, являющемся фундаментальнымъ принципомъ всякаго коллективнаго труда людей. Единственнымъ препятствіемъ къ тому является система конкуренціи, но мы стараемся ее избѣжать и для этого установили соціализмъ въ его совершенномъ видѣ. Анархисты же, не имѣя возможности открыто контролировать соціалистовъ, прибѣгаютъ къ секретнымъ способамъ, и, проникая подъ разными предлогами въ соціалистическія организаціи, стараются посѣять среди нихъ сѣмя своей доктрины. Эту попытку они сдѣлали также въ Рескинѣ и осторожный, терпѣливый Коуэлль удачно повелъ свое дѣло, т. к. въ теченіе одного года вся пропаганда ассоціаціи, со включеніемъ «Грядущаго Народа», оказалась въ рукахъ людей, открыто признавшихъ себя анархистами, приверженцами свободной любви и доктрины добровольной кооперація, въ различіе отъ соціализма, признающаго чистоту брака и полную кооперацію».

Проф. Брумъ указываетъ на то, что ко времени подачи петиціи группа анархистовъ фактически захватила въ свои руки всю пропаганду въ колоніи, а именно: что типографія вполнѣ очутилась въ ихъ рукахъ, что въ библіотекѣ появилась масса книгъ на тему объ анархизмѣ и свободной любви, которыя также попадали въ руки дѣтей, что газета «Грядущій Народъ» издается анархистомъ, который ввелъ въ ея пропаганду теорію добровольной кооперація вмѣсто полной и обязательной, и что эта газета обманнымъ образомъ замѣнила собой органъ анархіи и свободной любви, запрещенный правительствомъ. Дошло до того, что одинъ изъ директоровъ заявилъ, что добровольная кооперація—таже анархія и что въ помѣщеніи

типографіи открыто говорили о томъ что «вся суть въ анархизмѣ, а остальное не стоитъ разговора».

По мнѣнію Брума, весь вопросъ сводился къ различію между анархизмомъ и соціализмомъ и къ борьбѣ между этими двумя направленіями, причемъ Рескинская колонія должна была высказаться за соціализмъ и законность.

Это заявленіе Брума подняло цѣлую бурю, такъ какъ оно стало извѣстно, несмотря на то, что «пастухъ» постарался не давать ему хода, чего дирекціи не удалось сдѣлать съ петиціей о референдумѣ, какъ сказано выше.

Теорія свободной любви, распространявшаяся Коуэллемъ въ «Грядущемъ Народѣ», встрѣтила не мало сочувствія и внѣ Рескина, какъ можно было заключить изъ множества полученныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ, приводимомъ авторомъ, нѣкая Вальда Блумфильдъ изъ Небраски весьма откровенно признается, что она и мужъ ея не признаютъ вѣрности въ бракѣ и считаютъ, что въ половыхъ сношеніяхъ перемѣна также необходима, какъ въ ѣдѣ, одеждѣ и друзьяхъ. Вообще анархисты защищали свое положеніе въ Рескинѣ съ большимъ фанатизмомъ, который проф. Брумъ сравниваетъ съ религіознымъ фанатизмомъ, царившимъ въ Римѣ, во времена папы Пія IX. Коуэлль впрочемъ вскорѣ покинулъ Рескинъ и поселился въ другой мѣстности, гдѣ сталъ издавать газету «Свободное Общество», являвшуюся преемницей «Подстрекателя», въ которой онъ тоже съ большимъ фанатизмомъ выступалъ противъ законнаго брака. Свои взгляды онъ проводилъ и въ жизни, вступивъ въ 1898 году въ свободное сожительство съ русской, Анной Маркусъ, отъ которой имѣлъ ребенка. Въ то время онъ проживалъ въ Лэкъ-Бай (Штатъ Уашингтонъ), гдѣ издавалъ двѣ газеты и пользовался репутаціей яраго поборника анархизма и свободной любви.

Анархисты, говоритъ проф. Брумъ, признавая одну лишь свободу во всемъ, считаютъ соціалистовъ невѣждами, отжившими свой вѣкъ, слишкомъ суевѣрными и набожными, чтобы понять ихъ философію. Но проф. Брумъ радуется за соціалистовъ, что они не пожелали оцѣнить г-жу Блумфильдъ и Коуэлла. Они на слѣдующихъ выборахъ провалили анархистовъ.

Какимъ образомъ произошелъ развалъ типографіи? Послѣ ухода изъ правленія въ январѣ 1898 г. анархистовъ президентомъ былъ избранъ бывшій училищный инспекторъ изъ Вайоминга и еще два вице-президента. Дѣла сначала пошли на ладъ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Рескинѣ замѣтно развилась предпріимчивость. Казалось,

что настала новая эра. Президентъ обладалъ кипучимъ характеромъ, который однако вскорѣ оказался измѣнчивымъ. Онъ не любилъ постоянства и въ концѣ концовъ сблизился съ анархистами. Это подѣйствовало удручающимъ образомъ на другихъ колонистовъ и разстроило всѣ ихъ надежды. Въ маѣ президентъ затронулъ вопросъ о продажѣ большого печатнаго пресса подъ предлогомъ, что онъ испорченъ, и дирекція состоявшая тогда изъ 13 лицъ не привыкшихъ къ самостоятельному мышленію, передала этотъ вопросъ исполнительному комитету. Поддержанный «закупщикомъ», президентъ убѣдилъ своихъ коллегъ, обоихъ вице-президентовъ, въ необходимости продать прессъ, чтобы купить, вмѣсто него, другія машины, хотя въ этомъ, строго говоря, не было никакой надобности, ибо въ дѣйствительности прессъ былъ въ порядкѣ, какъ было засвидѣтельствовано старшимъ типографщикомъ и однимъ мастеромъ, пріѣхавшимъ съ юга. Тѣмъ не менѣе прессъ, благодаря безразличному отношенію къ этому вопросу дирекціи, былъ проданъ или вѣрнѣе обмѣненъ на машину для рѣзанія и пробиванія бумаги, стоившую всего 275 долл., тогда какъ прессъ въ свое время обошелся въ 1000 долл. Такимъ образомъ типографія была лишена возможности печатать книги и исполнять заказы. Дѣло это вызвало такое недовольство среди колонистовъ, что оба вице-президента предпочли уйти и даже совсѣмъ покинули колонію. Президентъ скоро послѣдовалъ за ними, хотя и остался въ колоніи, принявъ на себя завѣдываніе птичьимъ дворвомъ. Но при своемъ непостоянствѣ онъ и тамъ не долго выдержалъ и вернулся въ типографію, занявъ мѣсто «издателя». Въ то же время онъ вошелъ въ компромисъ съ анархистами. Вскорѣ затѣмъ Брумъ узналъ, что существуетъ конспирація, имѣющая цѣлью окончательно разграбить типографію и перевести другой большой прессъ въ Толедо. Дѣйствительно кто-то предложилъ всю типографію перевести въ Толедо и тамъ издавать «Грядущій Народъ» и еще одну соціалистическую газету. Но пока удалось отстоять ее въ Рескинѣ, хотя положеніе «Грядущаго Народа» дѣйствительно становилось критическимъ, ибо тиражъ газеты сократился до минимума. Реформа газетнаго дѣла и поднятіе газеты на ту высоту, на которой она стояла въ началѣ, должны были принести пользу всей колоніи. По этому поводу было приготовлено воззваніе къ колонистамъ, которое предполагалось напечатать въ типографіи. Но бывшій президентъ изъ Вайоминга, перешедшій на птичій дворъ, съумѣлъ воспрепятствовать этому проекту. Онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими единомышленниками, настаивалъ, чтобы по поводу воззванія былъ назначенъ референдумъ—подъ предлогомъ, что реформа газеты черезчуръ обреме-

нила бы секретаря, и хотя этотъ референдумъ не состоялся, но воззваніе все же не было напечатано, и газетную реформу провести не удалось.

Приблизительно въ то же время была избрана комиссія для ревизіи бухгалтерскихъ книгъ, которая нашла разные недочеты въ кассовой книгѣ. Казначей кое-какъ оправдался, но уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (декабрь 1898 г.) перерасходъ по книгамъ достигъ 5000 долл., и казначей не могъ на всю эту сумму предъявить оправдательныхъ документовъ. Несмотря на то, казначей былъ снова избранъ на 1899 годъ. Въ теченіе нѣкотораго времени, пока въ колонію прибывали новые члены, вносившіе каждый по 500 долл. за пай, дѣла шли хорошо, но потомъ перерасходъ принялъ хроническій характеръ и въ маѣ того же года колонистамъ, послѣ осмотра бухгалтерскихъ книгъ, стало ясно, что они стоятъ передъ катастрофой. Было рѣшено, что комиссія директоровъ возьметъ въ свои руки казначейскую часть и, хотя директора отказывались отъ этого порученія, но референдумъ заставилъ ихъ подписаться и они вели это дѣло до тѣхъ поръ, пока судебный приставъ не наложилъ на него свою руку. А когда предпріятіе было продано съ публичнаго торга, его замѣнила новая организація подъ названіемъ «Рескинской Республики», въ которой принялъ дѣятельное участіе врачъ. Но такъ какъ большинство ея членовъ состояло изъ тѣхъ же старыхъ элементовъ, то они скоро между собою перессорились. Новая организація покинувъ Рескинъ послѣ его продажи устроилась въ Дюкѣ (штатъ Джорджіа), но тоже не долго просуществовала. Такъ какъ продажа Рескина затянулась на цѣлый мѣсяцъ, и всякая покупка и продажа продуктовъ въ колоніи прекратилась со дня появленія судебнаго пристава, то прокормленіе населенія около 3000 лицъ въ теченіе всего этого времени встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. Тѣмъ временемъ всякій старался получить изъ движимаго имущества и товаровъ, накопленныхъ въ складахъ колоніи, все, что могъ. Между прочимъ, проф. Брумъ встрѣтился при этомъ дѣлежѣ съ однимъ изъ членовъ колоніи, поступившимъ въ нее всего 6 мѣсяцевъ назадъ. На его долю выпалъ кусокъ сукна для костюма. Онъ посмотрѣлъ серьезно на Брума и сказалъ: «Мнѣ теперь опять придется работать у капиталистовъ, и я потерялъ всякую надежду устроиться. Вотъ уже третья колонія обманувшая мои надежды: Педеретъ-Соунтъ, Кэвъ и Рескинъ— и взамѣнъ моего взноса въ 600 долларовъ я получаю этотъ кусокъ матеріи. Это приводитъ меня къ заключенію, что человѣчество еще не созрѣло для кооперативной идеи, и я вновь сдѣлаю эту попытку лишь въ томъ случаѣ, если мнѣ удастся вторично родиться черезъ 1000 лѣтъ».

По поводу предстоящей продажи Рескина среди колонистовъ было много толковъ о томъ, какимъ образомъ можно было избѣжать эту крайность, и всѣ сходились въ томъ, что, если бы не безалаберное управленіе, въ колоніи можно было бы устроить какіе-нибудь доходные промыслы и легко было даже разбогатѣть.

Въ концѣ концовъ проф. Брумъ приходитъ къ заключенію, что неудачи, испытываемыя необразованнымъ и неспособнымъ пролетаріатомъ при устройствѣ собственныхъ соціальныхъ организацій приносятъ ему мало пользы въ смыслѣ урока,—потому что пролетаріатъ не обладаетъ достаточнымъ развитіемъ, чтобы понять серьезность урока, и при всякой новой попыткѣ обнаруживаются тѣ же дефекты. Это оправдалось и на новой организаціи рескинскихъ колонистовъ, въ штатѣ Джоржіа. Черезъ два года она потерпѣла крушеніе.

Къ этому краткому объясненію причинъ гибели колоніи имени Рескина мы прибавимъ еще слѣдующее. Послѣ общей неподготовленности членовъ колоніи къ такому сложному соціальному эксперименту главной причиной распада является стремленіе осуществить коммунизмъ. Курьезно, что не только члены, но и руководители колоніи, не исключая и проф. Брума, называютъ колонію кооперативной, обнаруживая весьма малое знакомство съ кооперацією и смѣшивая ее съ соціализмомъ и анархизмомъ. Причиной гибели колоніи является также внесеніе въ нее политики, т. е. споровъ и раздоровъ между соціалистами и анархистами.

VI.

КОММУНИСТИЧЕСКІЯ КОЛОНІИ.

Послѣднюю главу нашего очерка посвятимъ коммунистическимъ колоніямъ вообще, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, приближаясь къ кооперации, являются жизнеспособными и такимъ образомъ перестаютъ быть утопіей.

Вопросъ о коммунистическихъ и кооперативныхъ колоніяхъ снова всплылъ въ послѣднее время въ западно-европейской литературѣ и жизни. Какъ извѣстно, почти всѣ коммунистическія колоніи потерпѣли крахъ и естественно вселили во многихъ людяхъ убѣжденіе въ безплодности такихъ попытокъ. Наука осудила ихъ, и пресса перестала ими заниматься. Марксизмъ же всегда относился къ нимъ отрицательно. Но успѣхъ кооперации въ сельскомъ хозяйствѣ снова обратилъ вниманіе на колоніи, хотя кооперативныя учрежденія и имѣютъ мало общаго съ коммунистическими попытками. Кооперація, требуя, чтобы каждый участвовалъ матеріально въ общемъ дѣлѣ, насколько можетъ воздаетъ ему не по потребностямъ, какъ коммунизмъ, а по заслугамъ, пропорціонально пользованію кооперацією, и по работѣ. Кромѣ того, частная собственность въ кооперации не устраняется, какъ въ коммунизмѣ.

Такъ или иначе, теперь кооперативныя и коммунистическія колоніи вновь обратили на себя вниманіе ученыхъ теоретиковъ и практиковъ. Извѣстный нѣмецкій экономистъ Ф. Оппенгеймеръ придаетъ огромное значеніе своей теоріи «поселенческой кооперации» и даже дѣлаетъ практическія попытки въ этомъ духѣ. Попытку учрежденія коммунистической колоніи сдѣлалъ недавно извѣстный голландскій беллетристъ Фанъ-Эеденъ. Итальянское правительство, по иниціативѣ министра земледѣлія Пантано, внесло въ 1906 году законопроектъ о внутренней колонизаціи на кооперативныхъ началахъ. Въ этомъ же году нѣмецкій публицистъ Л. Катчеръ написалъ книгу о коммунистическихъ и кооперативныхъ колоніяхъ. Наконецъ, проф. Р. Лифманъ помѣстилъ въ «Jahrbücher für Nationalökonomie» отъ 1908 года изслѣдованіе о коммунистическихъ колоніяхъ въ Сѣверной Америкѣ, часть которыхъ онъ самъ посѣтилъ. Въ этой статьѣ мы пере-

дадимъ результаты обслѣдованія проф. Лифмана и Л. Катчера тѣмъ охотнѣе, что оба они, не смотря на свое отрицательное отношеніе къ коммунизму, очень объективны въ передачѣ фактовъ.

Вотъ уже болѣе 100 лѣтъ, какъ Сѣверная Америка служитъ мѣстомъ для земледѣльческихъ поселеній или колоній на коммунистическихъ началахъ. Коммунизмъ вводится, какъ по религіознымъ, такъ и по соціалистическимъ мотивамъ. Коммунистическія колоніи, учрежденныя глубоко религіозными людьми, предшествовали соціалистическимъ. Изъ нихъ одна была основана женщиной, принадлежавшей къ сектѣ квакеровъ. Позже, а именно съ 1824 года, началось учрежденіе коммунистическихъ колоній сначала подъ вліяніемъ Р. Оуэна, а затѣмъ Ш. Фурье, Кабе и другихъ менѣе извѣстныхъ людей.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія въ дѣлѣ учрежденія коммунистическихъ колоній наступило затишье, вслѣдствіе прекращенія гоненія на сектантовъ въ Европѣ и вслѣдствіе того, что соціалисты подъ вліяніемъ К. Маркса были поглощены политикой. И только въ 90-хъ годахъ стали возникать колоніи, но уже не по религіознымъ мотивамъ. Но что еще важнѣе, въ нихъ уже нѣтъ полнаго коммунизма, и они напоминаютъ скорѣе кооперативныя учрежденія. Капиталъ ихъ составляется путемъ акцій, пріобрѣтеніе которыхъ обязательно для членовъ. Только земля составляетъ общую собственность. Что же касается до обработки ея, то на ряду съ совмѣстной обработкой встрѣчается и обработка каждымъ въ отдѣльности. Инициатива ихъ учрежденія исходила изъ соціалистическихъ круговъ, и самая извѣстная изъ нихъ, описанная нами, носила имя англійскаго философа и реформатора Д. Рескина. Другія колоніи, напримѣръ, основанная въ 1894 году въ Колорадо и насчитывающая 400 членовъ, избѣгаютъ даже слова коммунизмъ, называясь Coopertion Company или Cooperative Brorherhood.

Принимая во вниманіе ту роль, которую религія и вообще вопросы духа играютъ въ жизни американскаго народа, не удивительно, что въ послѣднее время стали возникать колоніи, учреждаемыя разными сектами, но уже не европейскими, а американскими. Самой выдающейся изъ нихъ является Homstead въ Пойнтъ-Ломѣ, въ чудномъ уголкѣ южной Калифорніи. Она учреждена въ 1900 году теософами съ г-жей Блаватской (русская) во главѣ, на деньги капиталистовъ, членовъ теософскаго общества. Лица, не имѣющія средствъ, могутъ жить въ колоніи безвозмездно, а богачи сохраняютъ свои капиталы. Но многіе вполнѣ оплачиваютъ свое содержаніе трудомъ, а имущіе пожертвованіями. Цѣна недвижимости колоніи равняется 1 милліону

долларовъ. Такимъ образомъ, колонію можно считать коммунистической только съ экономической, а не съ правовой точки зрѣнія. Всѣ члены занимаются безвозмездно сельскимъ хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и т. д. При посѣщеніи этой колоніи проф. Лифманомъ, обязанности сторожа несъ извѣстный въ Соединенныхъ Штатахъ скрипачъ. Въ колоніи живутъ нѣсколько литераторовъ и художниковъ, одинъ милліонеръ изъ Питсбурга съ дочерью, генералъ со своей семьей.

Изъ старыхъ религіозно-коммунистическихъ колоній сохранились таковыя секты Шекеровъ. Въ 1904 году вся секта, вслѣдствіе обѣта безбрачія и другихъ причинъ, сократилась до 688 душъ, жившихъ въ 18 коммунистическихъ колоніяхъ. Но эти колоніи едва ли долго просуществуютъ, и потому изъ старыхъ коммунистическихъ колоній мы остановимся на самой большой, извѣстной подъ именемъ Амана.

Колонія Амана была учреждена въ 1855 году одной покинувшей, вслѣдствіе преслѣдованія,—Германію, религіозной сектой, не исповѣдовавшей въ Европѣ коммунизма, къ которой принадлежали и богатые люди. Въ Штатѣ Іовѣ было куплено 3,300 акровъ земли, на которой было построено 5 поселеній. Въ настоящее время аманиты владѣютъ уже площадью въ 20,000 акровъ, на которой живетъ около 1,800 членовъ общины и 200 не входящихъ въ нее наемныхъ рабочихъ. Имущество аманитовъ оцѣнивалось въ 1901 году въ 1.646,000 долларовъ. Колонія почти не даетъ чистой прибыли.

Общественная жизнь аманитовъ протекаетъ слѣдующимъ образомъ. Каждая семья живетъ на своей квартирѣ. Прежде безбрачіе считалось болѣе угоднымъ Богу, но теперь большинство женаты, хотя мужчины не имѣютъ права жениться раньше 25 лѣтъ. Такъ какъ каждая семья живетъ отдѣльно, то коммунистическій принципъ выражается только въ общихъ столовыхъ. Въ каждомъ поселеніи аманитовъ отъ 4 до 16 спеціальныхъ домовъ, гдѣ готовятся кушанья и гдѣ вмѣстѣ столуются. Аманиты принимаютъ пищу пять разъ въ день и ѣдятъ очень хорошо. Въ столовыхъ, какъ и въ церкви, и на собраніяхъ мужчины сидятъ отдѣльно отъ женщинъ. Кушанья приготовляются молодыми женщинами подъ присмотромъ старыхъ. При каждомъ домѣ съ кухней и столовой имѣется огородъ.

Всѣ другіе предметы потребленія члены берутъ безвозмездно въ общинныхъ лавкахъ на сумму максимумъ въ 40 долларовъ въ годъ. Лишь немногимъ интеллигентнымъ членамъ позволяется большее, чѣмъ обыкновеннымъ работникамъ. Нѣкоторымъ отпускаются средства на путешествія и на университетское образованіе.

Платье для женщинъ и дѣтей шьютъ женщины, а мужчинамъ

шьетъ портной. Одѣяніе вообще простое, ибо всякія украшенія воспрещены. Удовольствія и даже музыка въ общинахъ аманитовъ не допускаются.

Въ каждой изъ 7 деревень аманитовъ имѣется школа; съ гражданъ взимается школьный налогъ, а учителя получаютъ жалованье въ 30 долларовъ въ мѣсяцъ. Учатся въ школахъ съ 8 до 14 лѣтъ, и въ нихъ обучаютъ наукамъ, ремесламъ и сельскому хозяйству.

Главнымъ занятіемъ жителей является сельское хозяйство, которымъ занимаются не только члены общины, а и 200 постороннихъ рабочихъ. Хотя послѣдніе отлично оплачиваются, а именно по 15 долларовъ въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, но часто мѣняются, ибо изъ Аманы ихъ гонитъ полное отсутствіе удовольствій. Община больше всего производитъ пшеницы, затѣмъ слѣдуетъ овесъ, картофель, просо, рожь и овощи. Разнаго скота и птицы тоже довольно много. Почти всѣ сельскохозяйственные продукты потребляются внутри общины. А хлѣбъ прикупается со стороны для переработки на собственныхъ мельницахъ и для продажи чужимъ, что составляетъ главный источникъ дохода общины. Доходъ даютъ также ткацкая и коленкоровая фабрики, продукты которыхъ пользуются хорошей славой во всей странѣ. Рабочій день какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и въ промышленности, равняется 10 часамъ, но работаютъ не торопясь.

Вообще замѣчено, что производительность труда въ коммунистическихъ колоніяхъ не велика, но за то люди тамъ старятся позже.

Далеко не столь значительными, но болѣе старыми коммунистическими колоніями являются въ Южной Дакотѣ 12 колоній съ 1300 жителей изъ секты гутеровъ. Учредители этихъ колоній являются коммунистами уже болѣе 350 лѣтъ и тѣмъ не менѣе ихъ существованіе только недавно открыто учеными.

Коммунистическія мысли, подкрѣпляемыя Библіей, еще давно играли роль среди христіанъ. На этой почвѣ въ южной Германіи нѣкто Гутеръ основалъ въ 1533 году коммунистическую секту, которая впослѣдствіи получила его имя. Спасаясь отъ преслѣдованій, гутеры въ началѣ 17-го столѣтія совсѣмъ переселились въ Венгрію. Въ серединѣ 18 столѣтія ихъ стало преслѣдовать и венгерское правительство, насильственно обращая въ католицизмъ. Сперва они отказались отъ коммунизма, а затѣмъ перебрались въ Валахію, а оттуда обратились съ просьбой о гостепріимствѣ къ графу Румянцеву. Послѣдній позволилъ имъ поселиться въ его деревнѣ Вишенкѣ, въ Черниговской губерніи. Это было въ 1781 году. Послѣ смерти графа Румянцева ихъ матеріальное положеніе ухудшилось, вслѣдствіе преслѣдованій и переселеній изъ одного мѣста въ другое.

Съ 1818 и до 1857 года гутеры отказались отъ коммунизма, вслѣдствіе стѣсненій и обнищанія. Затѣмъ они немного оправились и опять ввели коммунизмъ, но въ 1874 году они покинули Россію, не желая исполнять воинскую повинность. Въ 1875 году въ Америкѣ, въ штатѣ Дакота, уже образовалось нѣсколько поселеній гутеровъ. Члены этихъ общинъ живутъ на тѣхъ же самыхъ коммунистическихъ основаніяхъ, какъ ихъ предки 350 лѣтъ тому назадъ. Ихъ образъ жизни болѣе походитъ на коммунизмъ, чѣмъ таковой аманитовъ. Въ отличіе отъ послѣднихъ, они не живутъ отдѣльно и не допускаютъ частной собственности на домашніе предметы, а вмѣстѣ въ большихъ помѣщеніяхъ. Всѣ комнаты, кромѣ спаленъ, общія. Беременныя женщины поселяются въ спеціальномъ домѣ, дѣти съ $2^1/_2$ лѣтъ отдаются въ дѣтскій садъ, гдѣ ѣдятъ и проводятъ цѣлый день подъ надзоромъ выборныхъ женщинъ. Съ 6 лѣтъ дѣтей переводятъ въ школу, гдѣ главнымъ предметомъ преподаванія является религія.

Почти единственнымъ занятіемъ 12 гутеровскихъ общинъ является сельское хозяйство, какъ болѣе угодное Богу. Каждая община владѣетъ приблизительно 4,800 акрами земли и насчитываетъ около 120 душъ. Во главѣ каждой общины стоитъ лицо, которое наблюдаетъ за равенствомъ въ пользованіи благами. Гутеры одѣваются и живутъ такъ просто, что коренные американцы называютъ ихъ въ насмѣшку русскими. Общины гутеровъ замѣчательны тѣмъ, что даютъ единственный въ исторіи примѣръ отмѣны и введенія коммунизма. Впрочемъ, часть ихъ, оставшаяся въ Россіи и основавшая Сарепту въ Саратовской губерніи, не придерживается коммунизма.

Вотъ коммунистическія колоніи, которыя не подаютъ признаковъ упадка. Проф. Лифманъ приписываетъ это ихъ религіозности и простому христіанскому образу жизни.

Но въ Америкѣ есть еще другія колоніи, съ которыми мы познакомимъ читателей, пользуясь книгой Л. Катчера и статьей Ф. Оппенгеймера въ журналѣ «Zukunft», отъ 5 мая 1900 года.

Общество подъ названіемъ «Кооперативное братство», имѣющее членовъ по всей Сѣверной Америкѣ, купило въ 1899 году въ штатѣ Вашингтонѣ на берегу моря 120 гектаровъ земли. Въ 1903 году 12 гектаровъ были уже засѣяны, были выстроены лѣсопильный заводъ, токарная мастерская и фабрика для изготовленія ручекъ для метелъ. Затѣмъ появились постепенно 25 жилыхъ построекъ, общая кухня, общая столовая и большая прачешная.

Наконецъ, колонисты стали издавать органъ «The Cooperator».

Колонія, учрежденная обществомъ «Кооперативное братство»,

носитъ названіе Берли. Общество имѣетъ двѣ категоріи членовъ: одни живутъ, а другіе не живутъ въ Берли. Послѣдніе обязаны въ теченіе 125 мѣсяцевъ платить по одному доллару и, кромѣ того, пять долларовъ вступительной платы. Тотъ, кто внесъ вступительную плату и 12 долларовъ, уже получаетъ, въ случаѣ болѣзни или увѣчья, право на безплатное помѣщеніе и пансіонъ въ Берли. Трудоспособные члены общества только черезъ десять лѣтъ получаютъ право жительства въ Берли. Исключеніе дѣлается для тѣхъ, чья профессія нужна въ Берли. По прибытіи въ колонію всякіе взносы прекращаются, и съ поселенцевъ требуется только добросовѣстная работа.

Въ Берли въ 1903 году жило около 130 душъ. Тамъ нѣтъ ни кабаковъ, ни церкви, ни денегъ, ни торговой конкуренціи, ни заработной платы. Земля, скотъ, орудія, машины, продукты сельскаго хозяйства и индустріи принадлежатъ всѣмъ. Домами же пользуются ихъ обитатели все время своего пребыванія. Лавка, ресторанъ, ферма снабжаютъ колонистовъ всѣмъ по своей цѣнѣ. Литръ молока обходится фермѣ въ 2 копѣйки, обѣдъ въ 10 копѣекъ.

Управленіе находится въ рукахъ 12 выборныхъ лицъ. Они ежемѣсячно устраиваютъ засѣданія, на которыхъ рѣшается, какой процентъ мѣсячнаго чистаго дохода дѣлить между колонистами пропорціонально числу рабочихъ часовъ каждаго. По опредѣленіи процента, его записываютъ на то и другое лицо, и это даетъ право на пользованіе товарами, обѣдомъ, услугами ремесленниковъ и т. п.

Такимъ образомъ, люди различныхъ національностей и религій идиллически живутъ въ Берли, очень напоминающей «Новую Гармонію» Р. Оуэна.

Примѣры «осуществленныхъ утопій», приведенные нами, напоминаютъ больше коммунизмъ, чѣмъ кооперацію. Теперь мы познакомимся съ болѣе или менѣе кооперативными земледѣльческими колоніями. Самой интересной изъ нихъ является колонія Грили въ штатѣ Колорадо, въ Сѣверной Америкѣ. Основателемъ ея былъ фурьеристъ Микеръ, который разочаровался въ коммунизѣ, ибо въ погибшей коммунистической фермѣ Брукъ, участникомъ которой онъ состоялъ, было больше бонтуновъ, чѣмъ работниковъ, и лѣнивые жили за счетъ трудолюбивыхъ. Поэтому онъ и его единомышленники купили въ 1870 году въ одной изъ долинъ Колорадо 12,000 акровъ земли не съ цѣлью введенія полнаго коммунизма, а только кооперативныхъ началъ.

На первыхъ порахъ колонистовъ постигла неудача: водопроводъ, являющійся необходимостью въ этой сухой мѣстности, обошелся гораздо дороже предположеннаго и поглотилъ почти весь паевой капи-

талъ. Затѣмъ почва оказалась пригородной не для садоводства, а для разведенія картофеля, но за то послѣдній оказался превосходнаго качества и получилъ извѣстность въ западныхъ штатахъ. Каждый колонистъ обрабатываетъ свой участокъ земли, занимаясь огородничествомъ, которое, благодаря качеству картофеля и другихъ овощей, даетъ хорошій доходъ. Кооперативный водопроводъ отпускаетъ колонистамъ воду для орошенія въ $3^1/_2$ раза дешевле, чѣмъ частный водопроводъ сосѣдней деревни.

Участки земли сдаются колоніей членамъ въ аренду, причемъ въ договорѣ есть пунктъ, воспрещающій производство и продажу спиртныхъ напитковъ.

Въ колоніи господствуетъ здоровая и честная конкурренція. Люди, которые погибли бы въ большихъ городахъ, безпрепятственно проявляютъ въ ней свой трудъ, умѣнье и вообще индивидуальность.

Въ другой колоніи, называющейся Риверзаидъ и находящейся въ долинѣ Бернардино въ Калифорніи, благодаря кооперативному орошенію и водоснабженію, сухая и посредственная почва даетъ теперь хорошіе урожаи апельсиновъ. Колонія поражаетъ посѣтителей массой зелени, красотой и удобствомъ своихъ домовъ. Въ каждомъ домѣ есть электричество, зода и ванна.

Хотя въ этой и предыдущей колоніи каждый членъ производитъ отдѣльно для себя, но сбытъ продуктовъ совершается кооперативнымъ путемъ. Члены содержатъ склады и вояжеровъ. Кооперативные склады даютъ членамъ ссуды подъ залогъ продуктовъ.

По свидѣтельству многихъ, введеніе кооперативнаго орошенія въ сухихъ мѣстахъ имѣло весьма благотворное вліяніе въ смыслѣ заселенія и культуры областей, дотолѣ считавшимися пустынными. Организація сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства на кооперативныхъ началахъ сдѣлало садоводство, огородничество и хлѣбопашество выгоднымъ, устранивъ хищныхъ посредниковъ. Производство оставлено индивидуальнымъ, что способствуетъ производительности труда и искорененію лѣни. Къ коммунизму въ производствѣ способны лишь очень немногіе люди, которыхъ глубокое религіозное и этическое чувство сдѣлало альтруистами.

УЧЕНІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ—УТОПИСТОВЪ.

Проф. В. М. Устиновъ.

I.

СЕН-СИМОНИЗМЪ.

Ни одна эпоха не была столь богата разнообразными соціальными теоріями, какъ іюльская монархія. Соціализмъ, мирный и революціонный, коммунизмъ, анархизмъ имѣли въ это время болѣе или менѣе крупныхъ сторонниковъ, ученія которыхъ подхватывались рядомъ брошюръ и распространялись среди народныхъ массъ. Іюльскій режимъ съ его откровенной эксплуатаціей немногочисленнымъ классомъ всего остального населенія являлся слишкомъ благодарной почвой для развитія этихъ ученій. Въ особенности, соціализмъ, какъ антитета либеральному индивидализму, оставлявшему безпомощными слабѣйшихъ, какъ протестъ противъ принципа laissez faire, звучавшему сигналомъ къ хищническому набѣгу буржуазіи, долженъ былъ пышно расцвѣсть на этой почвѣ. Ученіе о единствѣ интересовъ всего населенія, которымъ, какъ фиговымъ листкомъ, либералы желали прикрыть наготу аппетитовъ правящаго класса, только еще подчеркивало эту наготу и должно было послужить пунктомъ критики дѣйствовавшаго строя.

И дѣйствительно, въ это время все шире распространяется противуположное ученіе о борьбѣ классовъ, заполняющей всю государственную арену, ученіе, намѣченное уже въ знаменитой «Параболѣ» Сен-Симона и укрѣпленное практикою іюльской монархіи. Уже въ 1831 г. формулируетъ это ученіе Трела на процессѣ «Друзей народа», а въ слѣдующемъ году его энергично развиваетъ Бланки на новомъ политическомъ процессѣ «Пятнадцати». «Происходитъ война,—говорилъ онъ,—между богатыми и бѣдными. Богатые сами ее пожелали, ибо они первые напали; привилегированные живутъ жирно потомъ бѣдняковъ. Палата депутатовъ—безжалостная машина, высасывающая соки изъ 25 милліоновъ крестьянъ и 5 милліоновъ рабочихъ, чтобы впустить ихъ въ жилы привилегированныхъ».

Эта тема подхватывается рядомъ соціалистическихъ писателей и съ особеннымъ блескомъ и глубиной развивается въ статьяхъ Пьера Леру. Явно классовый характеръ іюльской государственности останавливалъ вниманіе и радикаловъ; но они обыкновенно

объясняли его злымъ умысломъ или заблужденіемъ буржуазіи и поэтому нѣкоторые изъ нихъ обращались даже къ буржуазіи съ увѣщаніемъ прекратить вражду къ народу. Тогда какъ соціалисты классовую борьбу считали неизбѣжнымъ слѣдствіемъ даннаго соціальнаго уклада и ожидали ея прекращенія только послѣ коренныхъ измѣненій въ немъ. Благодаря такой точкѣ зрѣнія ихъ критика іюльскаго режима отличалась особенной глубиной и значительностью. Они старались выяснить дѣйствіе общихъ экономическихъ законовъ, и поэтому нѣкоторые выводы ихъ могутъ имѣть и по сіе время значеніе для критики любого буржуазнаго строя.

Однако, какъ бы ни были цѣнны работы соціалистическихъ писателей того времени для экономической науки,—въ чисто политическомъ отношеніи онѣ сыграли только отрицательную роль. Такъ же, какъ радикалы и даже еще больше радикаловъ, соціалисты способствовали паденію іюльской монархіи и также, какъ радикалы, и еще больше радикаловъ, они оказались неспособными или неготовыми создать новый политическій строй на мѣсто павшаго. И если радикаловъ можно упрекнуть не только въ томъ, что они не предотвратили диктатуры Наполеона III, но даже и въ томъ, что они въ извѣстной степени облегчили ея наступленіе,—то этотъ упрекъ въ еще большей степени заслужили и соціалистическіе писатели.

Было даже теченіе въ соціализмѣ, прямо благосклонное къ диктатурѣ. Таковъ былъ сенсимонизмъ. Придавая гораздо большее значеніе соціальному укладу, чѣмъ формамъ правленія, заботясь болѣе о матеріальномъ благоденствіи народа, чѣмъ о его политической свободѣ, сенсимонизмъ стремился прежде всего къ твердой и сильной власти, которая была бы способна провести широкія соціальныя реформы. Такое направленіе было присуще самому Сен-Симону, а нѣкоторые послѣдователи Сен-Симона еще болѣе его усилили.

Проповѣдуя, что форма правленія не столь важна, какъ законы о собственности, и вѣруя, что любой законодатель, еслибы онъ захотѣлъ, могъ бы кореннымъ образомъ измѣнить режимъ собственности, Сенъ-Симонъ былъ всегда равнодушенъ къ вопросамъ конституціоннаго права и неоднократно мѣнялъ свои политическіе вкусы. Въ своей первоначальной работѣ—Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains (1803 г.)—онъ склонялся къ республикѣ подъ главенствомъ ученыхъ. Нѣсколько позднѣе онъ восхвалялъ Наполеона I и расчитывалъ, что онъ, побѣдивъ весь міръ и сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю власть, дастъ человѣчеству справедливѣйшіе законы. А въ періодъ 100 дней Сен-Симонъ уже упрекалъ Наполеона за 10 лѣтъ

военнаго деспотизма и утверждалъ, что каждый французъ долженъ желать, чтобы Франція была свободной подъ властью Бурбоновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ одобрялъ хартію 1814 г. Ея достоинство онъ усматривалъ въ томъ, что она установила порядокъ, обезпечивающій обсужденіе каждаго вопроса a priori и a posteriori, т. е. съ точки зрѣнія общихъ и частныхъ интересовъ. При этомъ характерно, что Сен-Симонъ палату депутатовъ считалъ призванной выражать лишь частные интересы; попеченіе же объ общихъ интересахъ онъ возлагалъ на короля, ибо одинъ, по его мнѣнію, правитъ лучше, чѣмъ многіе. Не менѣе характерно, что въ этотъ періодъ своей дѣятельности Сен-Симонъ одобрялъ и учрежденіе палаты пэровъ въ качествѣ умѣряющій власти, т. е. признавалъ политическую цѣнность той самой аристократіи, на которую онъ столь страстно обрушился немного времени спустя.

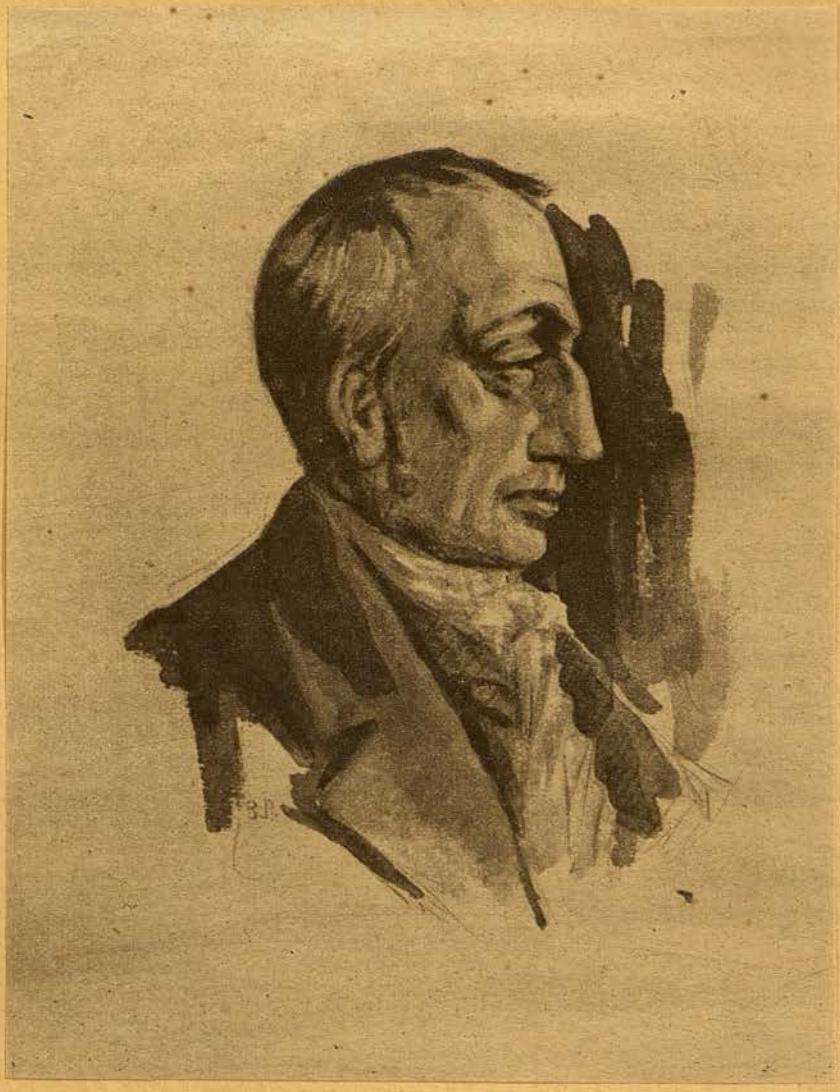
Уже въ «Параболѣ» онъ заявилъ, что погибель 30 тысячъ знатныхъ послужила бы только къ благоденствію Франціи. И разъясняя (въ письмахъ къ присяжнымъ засѣдателямъ по поводу привлеченія его къ отвѣтственности за «Параболу») развитую въ ней точку зрѣнія, онъ писалъ, что онъ—вѣренъ королю и стоитъ за династію Бурбоновъ, но считаетъ ошибкой короля, что онъ опирается на аристократію. Въ разрѣзъ съ своимъ недавнимъ воззрѣніемъ онъ осуждаетъ теперь хартію именно за то, что она предоставляетъ слишкомъ много власти знати и духовенству. Аристократія—главная помѣха къ установленію новаго соціальнаго строя, гдѣ господствующее положеніе вмѣсто привилегированной праздности долженъ занять производительный трудящійся классъ. «Цѣль всѣхъ народовъ,—пишетъ Сен-Симонъ,—одна и та же: это—прейти отъ режима правительственнаго, феодальнаго и военнаго къ режиму административному, промышленному и мирному, т. е. каждый народъ стремится освободиться отъ учрежденій, приносящихъ только косвенную пользу, чтобы установить учрежденія, прямо способствующія общественному благу и удовлетворяющія интересы большинства предпочтительно передъ частными интресами».

Этотъ новый соціальный строй, требованія къ которому Сен-Симонъ все повышалъ и который, въ его конечной концепціи, долженъ былъ явиться «золотымъ вѣкомъ», открывающимъ свѣтлую жизнь для класса «наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе бѣднаго», этотъ строй не можетъ быть достигнутъ путемъ насильственнаго переворота. Сен-Симонъ—противъ революціи. Онъ всѣ надежды возлагаетъ на короля. По его мнѣнію, королевской власти присущъ харак-

теръ универсальности, который отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ учрежденій и ставитъ выше ихъ. Будучи независимой отъ какихъ бы то ни было классовыхъ интересовъ, она не связана ни съ какой опредѣленной политической системой и можетъ соотвѣтствовать любой соціальной организаціи. Королевская власть есть органъ общественнаго мнѣнія. Ея наиболѣе почетная соціальная функція состоитъ въ провозглашеніи состоянія общественнаго мнѣнія большинства. Характерно при этомъ, что Сен-Симонъ парламентъ отнюдь не считаетъ органомъ общественнаго мнѣнія. Онъ высмѣиваетъ конституціонный режимъ, который создаетъ уродливую соціальную организацію, отдавая власть въ руки «фразеровъ и писакъ». Онъ стоитъ за старый способъ общенія народа съ королемъ путемъ челобитныхъ. Онъ рекомендуетъ даже обратиться къ королю съ петиціей о замѣнѣ конституціоннаго режима— «промышленной монархіей» и прежде всего объ образованіи комиссіи изъ наиболѣе видныхъ промышленниковъ для составленія бюджета.

Такимъ образомъ, Сен-Симонъ, повидимому, не считалъ короля связаннымъ конституціей и полагалъ, что онъ можетъ въ любой моментъ радикально измѣнить государственный строй. Онъ уже и ранѣе обращался къ королю съ ходатайствомъ объ изданіи цѣлаго ряда ордонансовъ, вводящихъ органическія реформы, въ томъ числѣ и реформу избирательнаго закона. А позднѣе въ своемъ «Новомъ христіанствѣ» онъ обращался къ монархамъ всего міра съ увѣщаніемъ приняться за пересозданіе общественнаго и моральнаго строя на новѣхъ началахъ, обезпечивающихъ соціальное счастіе бѣдныхъ.

Такимъ образомъ, Сен-Симонъ цѣнилъ въ монархіи силу, способную произвести соціальный переворотъ. Какъ Карлейль, какъ впослѣдствіи Родбертусъ и отчасти Лоренцъ Штейнъ, онъ мечталъ о соціальной монархіи: монархъ, по своему положенію чуждый всякимъ классовымъ интересамъ, могъ легко проникнуться требованіями соціальной справедливости и, разорвавъ старую традицію, связывающую его съ привилегированными классами, сдѣлаться вождемъ и благодѣтелемъ «всѣхъ нуждающихся и обремененныхъ». Готовый снабдить монарха для выполненія этой высокой соціальной задачи чуть ли не самодержавной властью Сен-Симонъ однако былъ далекъ отъ роялизма. Ему было въ сущности все равно, кто занимаетъ престолъ— Бурбонъ или Наполеонъ, король или цезарь, монархъ или диктаторъ. Ему важно было лишь, чтобы была твердая, сильная и непремѣнно единоличная власть. Ибо только единоличный властитель можетъ стать выше классовыхъ интересовъ и, вслѣдствіе этого, оказаться способнымъ осуществить глубокій соціальный переворотъ, нарушающій



СЕН-СИМОНЪ.

цѣлую серію классовыхъ интересовъ. Какъ нѣкогда Макіавелли желалъ спасти Италію, «хотя бы съ діяволомъ», такъ Сен-Симонъ готовъ былъ привѣтствовать чью угодно сильную власть, могущую водворить новый соціальный порядокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Сен-Симонъ не стоялъ за единоличную власть, какъ постоянное учрежденіе. Ему нуженъ былъ монархъ,—какъ опытный лоцманъ при проѣздѣ по опасному фарватеру,—только для труднаго дѣла водворенія новаго общественнаго строя. Въ спокойной же гавани новаго справедливаго соціальнаго уклада общество можетъ обойтись безъ всякой правительственной власти. Недаромъ Прудонъ, опираясь на выше цитированное мною утвержденіе Сен-Симона о неизбѣжной замѣнѣ въ будущемъ правительственнаго строя—промышленнымъ, видѣлъ въ немъ своего предшественника по проповѣди анархизма. Сен-Симонъ, дѣйствительно, считалъ власть (быть можетъ, поддаваясь вліянію тогдашняго либеральнаго ученія) лишь за необходимое въ извѣстный періодъ зло и утверждалъ, что громадное большинство общества желаетъ быть какъ можно менѣе управляемымъ. Въ своей знаменитой «Параболѣ» онъ изображалъ общество способнымъ обходиться и вовсе безъ «правящаго класса».

Однако, совпадая съ либералами въ желаніи довести дѣйствіе власти до возможнаго minimum'а, Сен-Симонъ глубоко отъ нихъ отличался въ томъ, что онъ осуществленіе этого желанія откладывалъ до преобразованія соціальнаго строя. Пока же это дѣло не совершенно, онъ стоялъ за сильную власть съ энергичнымъ починомъ и широкимъ размахомъ. Такимъ образомъ, въ его ученіи оригинально сочетались двѣ противуположныхъ идеи, которыя и породили два совершенно различныхъ направленія въ средѣ его учениковъ и послѣдователей: за власть и противъ власти.

Большинство однако примкнуло къ первому направленію; оно собственно и образовало теченіе, извѣстное подъ именемъ сенсимонизма. Ученіе этой школы было изложено вскорѣ послѣ смерти Сен-Симона его ближайшими учениками (особенно Базаромъ и Анфантеномъ) подъ названіемъ «Доктрина Сен-Симона». Здѣсь провозглашается новый общественный строй, гдѣ дѣйствуетъ новое право: каждому сообразно его способностямъ, каждой способности сообразно ея дѣламъ, гдѣ поэтому отмѣнено наслѣдственное право и всякія привилегіи, гдѣ нѣтъ болѣе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, гдѣ господствуетъ начало ассоціаціи, предоставляющей весь міръ въ распоряженіе человѣка. Тѣмъ не менѣе это совершенное общество сен-симонисты считаютъ необходимымъ подчинить строгой субординаціи: оно

должно быть іерархически организованно соотвѣтственно заслугамъ и способностямъ. И во главѣ ставится законодатель, который выдвигается на этотъ важнѣйшій постъ благодаря своей «законодательной способности», своему нравственному, умственному и дѣловому превосходству. Это—человѣкъ, «который любитъ и лучше всѣхъ знаетъ соціальный порядокъ и слѣдовательно—цѣль ассоціаціи; человѣкъ, который наиболѣе способенъ направлять общество къ выполненію его предназначенія». Вручая такимъ образомъ законодательную власть единому вождю, сен-симонисты вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно широко опредѣляютъ границы его законодательной власти. Мало того, что они противъ принципа laissez faire и слѣдовательно, за государственное вмѣшательство въ область экономическихъ отношеній, но они считаютъ законодательство призваннымъ поддерживать и моральныя правила и обучать имъ населеніе.

Въ ученіи сен-симонистовъ принципъ власти занимаетъ гораздо больше мѣста, чѣмъ у самого Сен-Симона. У нихъ власть является необходимымъ цементомъ даже и новаго, совершеннаго общества. Тогда, какъ Сен-Симонъ власть считалъ какъ бы лишь необходимымъ архитекторомъ воздвигаемаго новаго общественнаго строя, который затѣмъ держится уже собственными силами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ученики отклонились отъ своего учителя и въ опредѣленіи основы власти. Сен-Симонъ отдавалъ все же преимущество королевской власти, ибо наслѣдственнаго монарха онъ считалъ могущимъ легче всего занять положеніе внѣ классовыхъ интересовъ, столь необходимое для соціальныхъ реформъ. Сен-симонисты же оправданіемъ власти считали не внѣшнія ея условія—положеніе внѣ классовъ, а внутреннія качества властителя—его способность руководить обществомъ. И вслѣдствіе такой точки зрѣнія въ сен-симонизмѣ еще яснѣе опредѣлился уклонъ въ диктатурѣ.

Близость сен-симонистовъ къ диктатурѣ зависѣла также и отъ ихъ пониманія характера власти. Для нихъ власть была только силой. Ни о правовыхъ границахъ власти, ни о правовой сущности власти они не имѣли никакого представленія. Само право было лишь продуктомъ этой силы, лишь предписаніемъ власти. Въ этомъ отношеніи они шли по стопамъ Сен-Симона, который, кажется, все ученіе о правѣ готовъ былъ считать праздной выдумкой юристовъ и за это относился къ нимъ весьма неодобрительно. Какъ выше указано, онъ считалъ возможнымъ для конституціоннаго короля нарушать конституцію, разъ этого требовало благо населенія. Соображніе блага, пользы было для него рѣшающимъ: масштабъ права для него не существовалъ. На

этотъ путь встали и сен-симонисты и пошли еще дальше учителя. Для нихъ законы суть велѣнія мудрѣйшаго, и они готовы были раздѣлить соображенія Платона, развитыя въ книгѣ о государствѣ, о нецѣлесообразности связывать мудреца какими бы то ни было предписаніями.

Въ виду такого тяготѣнія къ диктатурѣ сен-симонистовъ, неудивительно, что Базаръ, когда вспыхнула іюльская революція, явился къ Лафайету убѣждать его въ необходимости диктатуры, какъ единственнаго средства водворить надлежащій порядокъ. Анфантенъ, повѣствуя объ этомъ, относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ «непоколебимому американцу», который оказался «совершенно глухъ на это ухо». По его словамъ, Базаръ быстро понялъ, что съ такими людьми, какъ Лафайетъ и его окружающіе, «столь чуждыми руководительству массами и политикѣ», было невозможно сдѣлать что-либо, имѣющее здравый смыслъ.

Между тѣмъ въ глазахъ сен-симонистовъ іюльская революція была удобнѣйшимъ моментомъ для того, чтобы съ помощью сильной власти установить новый соціальный порядокъ. Въ прокламаціи, развѣшанной на стѣнахъ Парижа 30 іюля 1830 г. и подписанной Базаромъ и Анфантеномъ, они привѣтствовали побѣду народа, свалившаго власть знатныхъ и поповъ, и увѣщали народъ заявить, что отнынѣ въ его средѣ не будетъ ни ранговъ, ни почестей, ни богатства для праздности, а только для труда, и что онъ будетъ повиноваться тѣмъ, которые его любятъ и просвѣщаютъ и ему помогаютъ, а не тѣмъ, которые его эксплуатируютъ и питаются его слезами.

А въ письмѣ къ сен-симонистамъ, жившимъ внѣ Парижа, напечатанномъ въ газетѣ «Organisateur» 1 авг., Анфантенъ ликовалъ по поводу іюльской революціи еще болѣе. Онъ прославлялъ ее, именно какъ побѣду бѣднаго класса, пролетаріевъ надъ богатыми, и предвѣщалъ, что отнынѣ праздные будутъ бѣдными и слабыми, а работники будутъ богатыми и могучими. Онъ расчитывалъ, что будетъ создана конституція, которая впервые поставитъ своей задачей улучшеніе нравственнаго, физическаго и интеллектуальнаго состоянія класса самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго и доподлинно осуществитъ народный суверенитетъ. Но его пониманіе народнаго суверенитета совершенно особенное. Соотвѣтственно тому мистическому характеру, который приняла школа сен-симонистовъ, Анфонтенъ считалъ народный суверенитетъ воплощеннымъ въ «народо-человѣкѣ» (l'homme-peuple) Сен-Симонѣ, а послѣ него во всѣхъ «папахъ новой церкви», т. е. вождяхъ сен-симонизма. «Они реализуютъ наконецъ этотъ народный

суверенитетъ, неосуществимую мечту для тѣхъ, которые видятъ въ народѣ только толпу безъ главы,—истину для сен-симонистскаго папы, ибо народъ—въ немъ, любящій, мудрый и мощный, стремящійся, какъ одинъ человѣкъ, къ будущему, уготованному ему Богомъ».

Чуть ли не еще болѣе пылкія надежды возлагалъ на іюльскую революцію Базаръ. По его мнѣнію, всѣ народы теперь соединятся вмѣстѣ и составятъ единый народъ. Общество будетъ организовано для прогресса религіи, науки и промышленности и будетъ имѣть своей цѣлью улучшеніе судьбы народа. «Начальниками общества будутъ тѣ, которые будутъ больше всего его любить, раскроютъ ему его предназначеніе и окажутся наиболѣе способными вести его къ нему. Народы отдадутся съ любовью ихъ руководительству и будутъ радоваться ихъ могуществу и ихъ самымъ горячимъ желаніемъ будетъ увеличеніе ихъ могущества. Ибо ростъ могущества ихъ вождей будетъ знакомъ достигнутаго прогресса для нихъ и залогомъ новаго прогресса, который они будутъ чувствовать себя призванными совершить».

Но въ осуществленіи всѣхъ этихъ надеждъ сен-симонисты отнюдь не расчитывали на аппаратъ, созданный хартіей 1830 г. Они съ презрѣніемъ относились къ парламенту, «этой старой машинѣ, которая уже трещитъ и вотъ-вотъ сломается» и съ большимъ презрѣніемъ къ преобладавшимъ въ немъ либераламъ, которые замкнулись въ «либеральной метафизикѣ», въ «конституціонномъ мистицизмѣ» воззвали ко всѣмъ божествамъ своего пантеона: свободѣ, безопасности, миру, единенію, порядку, а народу не давали ни на единую крошку болѣе хлѣба. Отъ такого парламента сен-симонисты не ждали ничего иного, какъ продолженія политики реставраціи лишь съ нѣсколько меньшимъ вниманіемъ къ дворянству и духовенству и большимъ къ буржуазіи. И въ доказательство, что все пойдетъ по старому, газета сенъ-симонистовъ «Globe» насмѣшливо предсказывала заранѣе содержаніе тронныхъ рѣчей.

Спасеніе сен-симонисты видѣли только въ диктатурѣ. «Франція, усталая отъ безпорядковъ и жаждущая благосостоянія, должна броситься въ объятія спасителя». Но путь къ этому спасенію не черезъ революцію: сен-симонисты были противъ насилія,—а черезъ мирное распространеніе идей школы.

Такимъ образомъ, политическимъ идеаломъ сен-симонизма былъ мирный деспотизмъ единаго вождя, «самаго любящаго и самаго любимаго», власть котораго покоится на добровольномъ подчиненіи народа, и который ведетъ народъ къ полному матеріальному благоденствію. Отъ такого идеала вѣяло какой-то почти намѣренной наивностью,

настроеніями давно пережитыхъ временъ съ ихъ патріархальнымъ отношеніемъ къ власти. Если Руссо звалъ назадъ къ первоначальной демократіи, то сен-симонисты видѣли спасеніе въ возстановленіи какой-то стародавней монархіи. Ихъ идеалъ былъ продуктомъ своеобразнаго политическаго примитивизма и, какъ всякій примитивизмъ, являлся реакціей на чрезмѣрную разсудочность современности. Въ отпоръ холодному либерализму съ его раціонализированнымъ строемъ, съ его сложными гарантіями индивидуальной свободы, которыя однако по прежнему оставляли слабѣйшихъ обездоленными и безпомощными,—сен-симонисты взывали къ любви, къ вѣрѣ, къ энтузіазму. Отсюда и религіозный характеръ ихъ школы и «опрощеніе» ихъ политики: для вѣры не надо гарантій, для любви не надо сдержекъ, а для преданности—свободы.

Однако на такой идейной высотѣ сен-симонизмъ держался недолго. По мѣрѣ желанія примѣнить свое ученіе къ практической жизни, сен-симонисты разлучались съ его религіознымъ и утопическимъ содержаніемъ, и во имя реальной политики, оставляли изъ него лишь наиболѣе осуществимыя части: преклоненіе передъ сильной властью, обезпечивающей порядокъ и соціальный прогрессъ, и предпочтеніе матеріальнаго благоденствія политической свободѣ.

Поэтому многіе изъ нихъ вскорѣ примирились и съ іюльской монархіей. Даже Анфонтенъ послѣ возвращенія во Францію написалъ Людовику-Филиппу письмо, въ которомъ убѣждалъ его сдѣлаться патрономъ промышленности и приняться за улучшеніе участи рабочихъ. Мишель Шевалье написалъ цѣлую книгу о королевской власти, какъ факторѣ промышленнаго прогресса. А Лешевалье во имя соціальнаго призванія монархіи требовалъ расширенія власти Людовика-Филиппа. По его утвержденію, общество того времени жаждало только порядка, мира и труда и потеряло всякую вѣру въ революціонные софизмы о свободѣ, братствѣ и народномъ суверенитетѣ. Большинство гражданъ стало совершенно равнодушнымъ и къ представительному правленію; и это вполнѣ понятно, ибо представительный режимъ аннулируетъ главную дѣятельную силу прогресса—власть, подчиняя ее контролю. Представительство мыслимо и безъ парламента и даже лучше можетъ быть выполнено безъ парламента. Слѣдуя мысли Анфонтена о «народо-человѣкѣ», Лешевалье заявлялъ, что король долженъ быть «націей, слѣлавшейся человѣкомъ», въ немъ должна быть олицетворена идея государства, какъ средоточія интересовъ общественныхъ и постоянныхъ въ противоположность личнымъ и временнымъ интересамъ отдѣльныхъ гражданъ. Король имѣетъ высокую миссію: за-

вершить французскую революцію; для этого онъ долженъ стать во главѣ движенія, а не итти на буксирѣ тѣхъ или иныхъ вліяній, и, слѣдовательно, долженъ обладать всею полнотою власти. И эту систему чуть ли не самодержавной монархіи Лешевалье называлъ «организаціоннымъ либерализмомъ», который, по его мнѣнію, долженъ смѣнить господствовавшій «революціонный либерализмъ».

При своемъ призрѣніи къ либерализму и парламентаризму и преклоненіи передъ твердой единоличной властью, сен-симонисты должны были привѣтствовать восшествіе Наполеона III. Въ сущности, 2 декабря было тріумфомъ ихъ идей: устанавливалась сильная власть, обезпечивающая порядокъ, споспѣшествующая развитію промышленности и благосклонная (по крайней мѣрѣ, въ первое время) къ рабочимъ. Недаромъ сен-симонистъ Лоранъ доказывалъ всю необходимость переворота 2 дек., а Анфонтенъ писалъ въ 1861 г.: «намъ болѣе всего нужна нынѣ вовсе не свобода, а интеллигентная, предвидящая будущее власть». Самъ Наполеонъ III, окружавшій себя нѣсколькими сен-симонистами и дѣйствовавшій въ духѣ ихъ ученія, былъ какъ-бы коронованнымъ сен-симонизмомъ.

Такимъ образомъ, сен-симонизмъ школы Анфонтена и Базара непосредственно влился во вторую имперію и завершился ею, какъ-бы достигнувъ въ ней своей цѣли. Разумѣется, въ своемъ долгомъ теченіи отъ смерти Сэн-Симона до 2 декабря и его послѣдствій сен-симонизмъ значительно измѣнился, такъ сказать, дестиллировался черезъ просачиваніе сквозь требованія практической жизни, оставивъ на пути, въ видѣ негоднаго осадка, не только свои прежнія чудачества, но и всю свою утопическую идеологію. Къ концу своего существованія онъ свелся къ ряду формулъ чисто практическаго содержанія. Эти формулы внушали негодованіе на бездѣятельную власть, стянутую тенетами либеральной доктрины, презрѣніе къ парламенту, мѣшающему энергичному проявленію власти, и пренебреженіе къ политической свободѣ не дающей насущнаго хлѣба. Въ части же положительной и конструктивной онѣ заключали, главнымъ образомъ, два правила: при сильной власти расцвѣтаетъ промышленность; при расцвѣтѣ промышленности улучшается положеніе рабочихъ.

Эти формулы заключали въ себѣ весьма поверхностное здравомысліе и были очень далеки отъ строя мыслей Сен-Симона. Но своею ясностью и опредѣленностью и въ особенности тѣмъ, что онѣ давали рецептъ леченія соціальныхъ золъ, весьма полезный для личнаго успѣха каждаго, онѣ легко могли импонировать среднимъ умамъ и мелкимъ душамъ. И если ученіе самого Сен-Симона и первоначальное

ученіе школы имѣли чрезвычайно ограниченное количество адептовъ, то упрощенный сен-симонизмъ эпигоновъ могъ легко находить довольно обширный спросъ. Инженеры, фабриканты и другіе дѣловые люди не прочь были, конечно, расширить свои обороты, опираясь на благосклонную къ промышленности, сильную государственную власть, а вмѣстѣ съ тѣмъ не прочь были и возвысить и облагородить въ собственныхъ глазахъ свою дѣятельность мыслью о томъ, что они тѣмъ самымъ споспѣшествуютъ благоденствію «самаго многочисленнаго и самаго бѣднаго класса».

Преподносимый въ такомъ видѣ сен-симонизмъ, несомнѣнно, немало содѣйствовалъ успѣху 2 декабря. Въ тѣхъ конденсированныхъ таблеткахъ обезвреженнаго соціализма, которыя онъ рекомендовалъ людямъ принимать для ихъ собственнаго дѣлового благополучія, заключался и ядъ диктатуры. И ядъ этотъ тѣмъ легче распространялся, что онъ попадалъ въ среду, уже подготовленную къ его воспріятію. Я уже писалъ, что рядъ другихъ идейныхъ теченій того времени расшатывалъ представительный строй и подготовлялъ умы къ необходимости единоличной власти. Въ частности ученіе сен-симонистовъ о воплощеніи въ одномъ человѣкѣ всего народа шло въ руслѣ господствовавшей тогда теоріи представительства, которая вполнѣ допускала возможность построить понятіе представительства всего народа однимъ лицомъ. Сен-симонисты облекали эту мысль лишь въ нѣкоторую мистическую оболочку. Но даже и въ такомъ видѣ она могла быть безъ особаго труда усвоена, ибо въ существѣ своемъ была недалека отъ циркулировавшихъ въ то время идей о способности единаго законодателя какимъ-то таинственнымъ путемъ улавливать народный духъ, съ необычайной чуткостью постигать народную волю и т. д.

II.

ОГ. КОНТЪ.

Къ этому теченію мыслей былъ близокъ въ своихъ политическихъ построеніяхъ и знаменитый Огюсть Контъ.

Хотя О. Контъ публично отрекся отъ сен-симонизма и сурово осудилъ Сен-Симона, какъ писателя и мыслителя, — однако въ его политическомъ ученіи много общаго съ сен-симонизмомъ. Его отношеніе къ власти—то же, что у сен-симонистовъ: для него власть есть вѣрнѣйшее орудіе соціальнаго прогресса. Поэтому надо освободить власть отъ всѣхъ сдержекъ и помѣхъ. И прежде всего слѣдуетъ отвергнуть систему политическихъ правъ. Самое слово «право» должно быть упразднено, какъ безнравственное и анархическое. дѣйствительныя права могли существовать, по утвержденію Конта, лишь въ то время, когда власть почиталась исходящей отъ сверхъестественной воли. Въ новомъ строѣ нѣтъ мѣста правамъ, а только обязанностямъ. Каждый имѣетъ лишь одно право: выполнять свою обязанность. Всякое иное право—антисоціально, ибо оно отстаиваетъ индивидуальность, а надо личность всецѣло подчинить общественности. Всѣ граждане должны разсматриваться не какъ отдѣльныя существа, а какъ различные органы единаго Великаго Существа (d'un seul Grand Etre), и каждый изъ нихъ долженъ почитаться должностнымъ лицомъ (un fonctionnaire public) на службѣ цѣлаго. Это было забыто въ революціонный періодъ. Но революціонная догма была хороша лишь для низверженія стараго строя, но совершенно не годится для воздвиженія новаго строя, ибо она въ сущности проповѣдуетъ отрицаніе всякаго истиннаго правительства.

Такъ въ частности только къ анархіи можетъ привести провозглашенный ею принципъ равенства. На самомъ дѣлѣ люди вовсе не равны и не равноцѣнны и поэтому не могутъ имѣть одинаковыхъ правъ. И прогрессъ постоянно увеличиваетъ различіе между людьми. Поэтому менѣе всего можно признать, будто власть должна принадлежать всему народу. Догматъ народнаго суверенитета, по убѣжденію Конта,—чисто анархическое ученіе. Его можно признать только въ томъ смыслѣ, что власть должна быть направлена на благо

народа. Но о принадлежности власти всему народу не можетъ быть и рѣчи. Люди рождаются съ спеціальными склонностями—одни къ власти, другіе—къ подчиненію. И послѣднихъ гораздо больше По словамъ Конта, почти каждый чувствуетъ, какъ сладко повиноваться, какое счастье быть освобожденнымъ мудрыми и достойными вождями отъ тяжкой отвѣтственности за свободу выбора своего поведенія.

Естественно, что при такомъ отношеніи къ политическимъ правамъ, О. Контъ долженъ былъ отрицательно относиться и къ народному представительству. И дѣйствительно, для него парламентъ только «мѣстная» власть, вѣчно творящая помѣхи власти центральной. Онъ убѣжденъ, что, когда возстановится довѣріе къ центральной власти, парламентъ будетъ ограниченъ, если не вовсе упраздненъ. Народное представительство,—это англійское изобрѣтеніе,—совершенно несвойственно Франціи. Здѣсь оно приводитъ только къ отрицательнымъ результатамъ. Разсѣивая отвѣтственность, оно вмѣсто свободы водворяетъ насиліе и произволъ. Кромѣ того, лежащій въ основѣ его революціонный принципъ избранія низшими высшихъ способствуетъ лишь разложенію общества: его примѣненіе приводитъ къ тому, что власть передается въ наименѣе способныя руки. И Контъ съ неменьшимъ жаромъ, чѣмъ Сен-Симонъ, возмущается господствомъ адвокатовъ и литераторовъ. По его утвержденію, наиболѣе здоровые общественные элементы—рабочіе совершенно равнодушны къ политикѣ, къ смѣнѣ министровъ и королей. Для нихъ важно лишь, чтобы имъ были обезпечены трудъ и образованіе. Въ этомъ и заключается задача истинно народной политики.

И такую народную политику лучше всего можетъ осуществить диктаторская власть. Диктатура, по утвержденію О. Конта, вполнѣ соотвѣтствуетъ давней французской традиціи, выдвигавшей центральную власть надъ мѣстной. Ея оправданіемъ служитъ то, что она является энергичнѣйшимъ средствомъ соціальнаго прогресса. Поэтому диктатура, не выполняющая этого своего назначенія, не можетъ быть терпима. Такова, напр., была ретроградная диктатура Робеспьера или Наполеона I. Образцомъ же прогрессивной диктатуры Контъ считаетъ правленіе Конвента подъ главенствомъ Дантона. Ея сущность составляло примиреніе полной свободы слова съ преобладаніемъ центральной власти. Это и дало возможность Конвенту покончить съ королевской властью и осуществить рядъ глубокихъ соціальныхъ реформъ. Для завершенія дѣла великой революціи должна быть вновь создана диктатура, подобная власти Конвента. Диктатура должна быть вручена тремъ вождямъ пролета-

ріата, ибо рабочій классъ является наиболѣе достойнымъ власти Этотъ тріумвиратъ долженъ осуществлять власть, какъ правительственную, такъ и законодательную. Роль парламента ограничивается установленіемъ бюджета и провѣркой отчетовъ по расходованію суммъ за предшествующій годъ. Члены его избираются на 3 года всеобщимъ голосованіемъ, но непремѣнно при условіи открытой подачи голосовъ. Диктаторская власть, при всей своей неограниченности, необходимо должна быть соединена съ полной свободой обсужденія любого правительственнаго мѣропріятія въ печати и въ народныхъ собраніяхъ.

Такимъ образомъ, основнымъ политическимъ постулатомъ О. Конта была сильная правительственная власть, направленная на соціальное служеніе сознаніемъ своей отвѣтственности. Но та отвѣтственность, которую Контъ считалъ необходимымъ аттрибутомъ власти, была исключительно моральная. Контъ не вѣрилъ въ силу правовыхъ гарантій. Онъ относился съ презрѣніемъ къ праву; можетъ быть, потому, что, какъ и Сен-Симонъ, онъ вовсе не понималъ истинной сущности права. Только при полномъ непониманіи права, какъ соціальнаго явленія, можно говорить, какъ-то дѣлалъ Контъ, объ антисоціальной природѣ права. Для него право, укрѣпляя индивидуальность, только разъединяетъ людей и разрушаетъ общественность. Наоборотъ, началомъ, создающимъ и укрѣпляющимъ общественность, Контъ признавалъ мораль и въ этомъ смыслѣ провозглашалъ, что супрематія принадлежитъ не силѣ и не разуму, а морали. Поэтому онъ и считалъ возможнымъ власть, просвѣтленную нравственной отвѣтственностью, сдѣлать неограниченной, диктаторской. Въ силу своего нравственнаго содержанія такая власть не можетъ не явиться крупнымъ соціальнымъ благомъ. Какъ сторонники божественнаго права оправдывали абсолютную власть ссылкой на ея божественную просвѣтленность, такъ и О. Контъ стремился примирить съ диктатурой указаніемъ на ея нравственное направленіе. Мысль въ сущности была одна и та же; власть Божьяго ставленника или дѣятеля, проникнутаго высокимъ нравственнымъ сознаніемъ, не нуждается во внѣшнихъ сдержкахъ и контролѣ; она сама по себѣ, по внутреннему своему впеченію необходимо направится къ общему благу. Недаромъ Контъ, при всемъ своемъ разногласіи съ Боссюэ, нерѣдко охотно ссылался на него и признавалъ правильность его разсужденій.

Однако основная ошибка подобныхъ построеній заключается въ томъ, что въ то время, какъ отвѣтственность передъ Богомъ или внутренній голосъ совѣсти далеко не всегда были реальными сила-

ми, власть и безъ нихъ оставалась несомнѣннымъ фактомъ. И защитники неограниченной власти всегда принуждены были мириться со всѣми ея проявленіями, хотя бы и явно идущими вразрѣзъ съ божественными завѣтами или нравственными требованіями. Такъ и Контъ, проповѣдывавшій республиканскую, рабочую диктатуру, привѣтствовалъ и государственный переворотъ 1852 г., ибо для него прежде всего былъ дорогъ самый фактъ установленія неограниченной власти, и уже на второмъ планѣ стояли ея внутреннія качества.

Другая не менѣе крупная ошибка политической системы О. Конта, ошибка, которую онъ раздѣлялъ съ Сен-Симономъ и другими французскими соціалистами первой половины XIX в., состоитъ въ томъ, что онъ факторомъ соціальнаго прогресса считалъ только власть и совершенно обезцѣнивалъ соціальное значеніе политической свободы и индивидуальной и общественной самодѣятельности. Это была точка зрѣнія, унаслѣдованная отъ просвѣщеннаго абсолютизма и вытекавшая, главнымъ образомъ, изъ неправильной концепціи существа права.

III.

ФУРЬЕ. КОНСИДЕРАНЪ.

Фурье, какъ и Сен-Симонъ, направлялъ свою критику на пороки общественнаго строя. Его печалило и заботило колоссальное соціальное неравенство, при которомъ лѣнивое и праздное меньшинство эксплуатируетъ и угнетаетъ трудящееся и страдающее большинство. Государственный строй лишь отраженіе этой основной и первоначальной соціальной несправедливости. И разныя усовершенствованія государственнаго порядка, разъ остается неизмѣннымъ прежній несправедливый соціальный укладъ, не имѣютъ, въ глазахъ Фурье, никакого значенія. «Люди угнетенные въ современномъ обществѣ—пишетъ онъ,—вовсе не пользуются свободами, которыя за ними лицемѣрно признаны. Они имѣютъ только одну свободу: жить, которая часто есть не что иное, какъ свобода страдать. Они могутъ располагать своимъ тѣломъ и это все. Подобная свобода, абстрактная и пустая, лишенная всѣхъ гарантій, только каррикатура, только ложь свободы». При такихъ условіяхъ и народный суверенитетъ звучитъ только горькой насмѣшкой. «Трудно понять, что такое суверенъ безъ хлѣба, безъ одежды въ странѣ, гдѣ все въ изобиліи, въ странѣ, гдѣ его представители, его приказчики не желаютъ позаботиться обезпечить ему право на плодотворной трудъ и на минимумъ приличнаго существованія». Въ такой странѣ народный суверенитетъ, осуществляемый черезъ всеобщее голосованіе можетъ имѣть только тотъ результатъ, что народъ продастъ свой голосъ за экю.

Выходъ изъ этого состоянія не можетъ быть открытъ насильственнымъ переворотомъ. Подобно Сен-Симону, Фурье противъ революціи. Онъ порицаетъ революціонную доктрину, которая умѣетъ лишь разрушать. Съ его точки зрѣнія, революціонеры стремятся только къ одному: «ограбить богачей, чтобъ обогатить интригановъ». Даже либеральная оппозиція вызываетъ его осужденіе: сѣять постоянный раздоръ между принцами и народами, это, по его мнѣнію, значитъ двигаться назадъ. И вообще дѣло вовсе не въ политическихъ реформахъ. «Политики не видятъ, что Франція чувствуетъ настоятельную нужду бросить всякую политику. Самый методъ ихъ порочень: они

желаютъ дѣйствовать политическими и административными мѣрами, т. е. властью и принужденіемъ, а между тѣмъ властью и принужденіемъ ничего нельзя создать ничего нельзя организовать».

Въ послѣднихъ словахъ Фурье главный пунктъ отличія отъ Сен-Симона. Сен-Симонъ расчитывалъ на возможность осуществленія своихъ плановъ соціальнаго переустройства дѣйствіемъ сильной центральной власти. Тогда какъ Фурье относится съ ненавистью ко всякому принужденію и поэтому съ недовѣріемъ ко всякой власти. Въ этомъ смыслѣ онъ близокъ къ анархизму. И въ своихъ соціальныхъ преобразованіяхъ, въ организаціи измышленнаго имъ соціетарнаго режима онъ расчитываетъ исключительно на свободный индивидуальный починъ. Онъ ждетъ «candididature individuelle», какъ онъ выражается, и старается лишь убѣдить всѣхъ и каждаго, въ особенности богатыхъ и властныхъ людей и въ особенности монарховъ, въ выгодности и полезности для всѣхъ своихъ «фаланстеръ».

Это равнодушіе Фурье къ политическимъ формамъ осталось въ наслѣдіе и его школѣ и позволяло фурьеристамъ примирять съ іюльской монархіей и съ республикой и съ имперіей. Всѣ формы правленія—безразличны, ибо ни одна изъ нихъ не обезпечиваетъ сама по себѣ соціальной гармоніи и, съ другой стороны, при каждой изъ нихъ можетъ быть положено начало къ созданію такой гармоніи проявленіемъ благородной энергіи отдѣльнаго лица или лицъ. На этой точкѣ зрѣнія первоначально стоялъ и главарь школы—послѣ смерти Фурье—Викторъ Консидеранъ.

Консидеранъ вообще слѣдовалъ почти съ буквальной точностью ученію Фурье. Его главный трудъ «Destinée sociale» есть не что иное, какъ изложеніе—въ болѣе доступной и ясной формѣ—доктрины Фурье. И въ политическомъ отношеніи онъ шелъ за своимъ учителемъ. Для него также вопросы политической организаціи отступали на задній планъ передъ вопросами соціальными. Признавая въ корнѣ порочнымъ существовавшій общественный строй съ его дисгармоніей интересовъ и эксплуатаціей сильнѣйшими слабѣйшихъ, онъ считалъ чисто политическія комбинаціи—смѣну партій и ихъ программъ—пустой игрой. Вмѣстѣ съ Фурье онъ нападалъ на либераловъ, упрекая этихъ «противниковъ власти» въ полной соціальной неспособности и еще съ большимъ жаромъ онъ набрасывался на революціонеровъ, считая ихъ цѣль—республику—донкихотствомъ, а средство—насильственный переворотъ—безумiемъ. Онъ стоялъ за наличный государственный строй: конституціонную монархію съ ограниченнымъ голосованіемъ, и критиковалъ лишь направленіе, которое приняла эта

монархія, поддерживавшая во внутреннемъ управленіи промышленный феодализмъ, а во внѣшнемъ—антинаціональную политику Но онъ критиковалъ мягко, почти дружественно, оставаясь на сторонѣ монархіи Людовика-Филиппа почти до самаго ея конца. Еще въ 1847 г. онъ писалъ въ своемъ «Манифестѣ мирной демократіи»: «Конституціонная форма съ наслѣдственнымъ монархомъ и выборной палатой намъ кажется болѣе передовой, болѣе совершенной и болѣе прочной, чѣмъ всѣ другія формы правленія, включая и республиканскую». Одновременно онъ высказывался и противъ всеобщаго голосованія. По его мнѣнію, слѣдуетъ снабжать гражданъ избирательнымъ правомъ лишь въ мѣру ихъ «способности пользоваться столь возвышеннымъ и столь страшнымъ правомъ» безъ опасности для другихъ. «Эта доктрина—прибавлялъ Консидеранъ:—не лишаетъ массы ихъ правъ, какъ то дѣлаютъ политическіе матеріалисты (Гизо, Тьеръ), а только откладываетъ ихъ осуществленіе».

При внѣшнемъ сходствѣ отношенія Консидерана къ политикѣ съ Фурье есть однако и весьма существенное отличіе. Фурье въ осуществленіи своихъ соціальныхъ проектовъ расчитывалъ только на индивидуальный починъ и частную предпріимчивость. Власть въ его глазахъ скорѣе служила препятствіемъ. Если онъ и желалъ подвинуть на организацію своихъ фаланстеръ и монарховъ, то лишь въ качествѣ частныхъ лицъ, настолько значительныхъ и вліятельныхъ, что примѣръ ихъ легко могъ соблазнить и другихъ. Консидеранъ же, разочарованный, быть можетъ, безрезультатностью ожиданій Фурье, прямо стремился опереться на власть въ соціальномъ переустройствѣ. Традиціонный соблазнъ идеи просвѣщеннаго абсолютизма все сильнѣе овладѣвалъ имъ и онъ все болѣе склонялся къ властному вмѣшательству государства въ соціальныя отношенія, къ «насилію сверху».

Онъ стоялъ за власть, ибо онъ вѣритъ, что она можетъ проявить «искусство комбинировать силы, творящія богатство и благосостояніе», умѣніе направить основныя свойства человѣческой натуры такъ, чтобы въ результатѣ была достигнута основная задача соціальной экономіи—гармонія интересовъ.

Онъ полагалъ, что эта задача можетъ быть достигнута путемъ мудраго законодательства. Какъ всѣ сторонники просвѣщеннаго абсолютизма, онъ вѣрилъ въ почти безграничную мощь законодателя. Положимъ, онъ признавалъ право *раціональное* или естественное, подъ которымъ онъ разумѣлъ, согласно еще съ концепціей Гуго Гроція, неизмѣнныя требованія, вытекающія изъ существа человѣческаго разума. Но наряду съ нимъ онъ признавалъ и право *легальное*, raison

d'être, котораго заключается въ постоянно измѣнчивой волѣ законодателя. Въ зависимости отъ степени просвѣщенности этой воли опредѣляется степень его совершенства или, иначе говоря, степень его приближенія къ праву естественному. Однако полное совпаденіе этихъ двухъ системъ права невозможно, ибо общественныя условія постоянно измѣняются и слѣдовательно, постоянно остается на лицо широкій просторъ власти законодателя.

Отсюда старанія Консидерана создать сильную, просвѣщенную власть. Отсюда его оппозиція всеобщему избирательному праву и желаніе отдать массы подъ «разумную опеку» съ возложеніемъ лишь «огромной отвѣтственности на опекуновъ». Отсюда, наконецъ, и его приверженность къ монархіи, этой искони излюбленной формѣ сторонниковъ просвѣщеннаго абсолютизма. Но въ особенности ясно сказался этотъ расчетъ на власть у Консидерана послѣ февральской революціи.

Революціонный строй внушилъ ему пылкія надежды на немедленное осуществленіе его соціальныхъ грезъ. «Старый міръ»—писалъ онъ въ 1848 г.: «міръ рабства, феодализма, пролетаріата, нищеты, борьбы, эксплуатаціи человѣкомъ человѣка, потрясенъ въ своихъ основахъ. Онъ трещитъ по всѣмъ частямъ... Я провозглашаю смерть стараго общества». Разочаровавшись въ монархіи, о которой онъ еще въ 1847 г. писалъ, что ея интересы a priori тожественны съ интересами народа, онъ всю силу своихъ упованій перенесъ на республиканское правительство, которое въ его представленіи признано было создать новый міръ на смѣну изжившаго себя стараго. Но эти надежды, естественно, разбились еще скорѣе. Власть оказалась, по его выраженію, въ рукахъ «голубыхъ буржуа, республиканцевъ-доктринеровъ, невѣждъ и формалистовъ», которые и не помышляли объ общей эмансипаціи пролетаріевъ, и Консидеранъ въ номерѣ отъ 12 іюня 1849 г. своей «Democratie pacifique» помѣстилъ воззваніе къ возстанію, въ яркое противорѣчіе со своимъ прежнимъ осужденіемъ насильственныхъ переворотовъ.

Эта вѣра во власть, какъ рычагъ, могущій при надлежащемъ управленіи имъ перевернуть весь соціальный строй, сближала Консидерана съ сенсимонистами и отдаляла отъ Фурье. Не внутренними силами самого общества, постепенно усваивающаго и осуществляющаго идеи соціальной справедливости, а дѣйствіемъ энергичной власти можетъ быть открыта новая эра въ общественномъ укладѣ. И чѣмъ колоссальнѣе была та задача, которую Консидеранъ вмѣстѣ съ сенсимонистами возлагалъ на власть, тѣмъ сильнѣе и безусловнѣе

должна была быть эта власть. Съ другой стороны, чѣмъ настоятельнѣе и скорѣе желалъ Консидеранъ вмѣстѣ съ сенсимонистами осуществленія своихъ ожиданій отъ власти, тѣмъ менѣе разборчивъ былъ онъ въ вопросахъ конструкціи власти и условіяхъ ея дѣятельности. Все равно, какая власть—монархическая или республиканская, ограниченная или абсолютная,—лишь бы она взялась за соціальное переустройство, и тогда ей заранѣе все прощалось и она освобождалась отъ необходимости считаться съ политическими гарантіями свободы гражданъ. Какъ утопающему смѣшно настаивать на неприкосновенности своей личности, такъ и обществу—до его спасенія отъ гибельныхъ тисковъ старинной несправедливости—не слѣдуетъ быть щепетильнымъ къ самымъ пріемамъ его спасенія. Вопросъ о политической свободѣ, о самоуправленіи гражданъ откладывался до выполненія соціальной революціи сверху, ибо этотъ вопросъ не долженъ былъ мѣшать власти выступить въ роли общественной спасительницы. При такомъ отношеніи къ власти, Консидеранъ естественно былъ склоненъ и къ оправданію диктатуры и поэтому, хотя онъ лично былъ противникомъ Наполеона, тѣмъ не менѣе его ученіе создавало настроеніе, благопріятствующее перевороту 2 декабря.

IV.

ЛУИ БЛАНЪ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ ученіи Луи Блана. Его система государственнаго соціализма чрезмѣрно преувеличивала цѣнность власти, какъ орудія соціальнаго прогресса,и соотвѣтственно этому слишкомъ обезцѣнивала значеніе политической свободы. Положимъ, онъ во время іюльской монархіи былъ ревностнымъ борцомъ за избирательную реформу. Но онъ настаивалъ на введеніи всеобщаго голосованія не въ силу его самодовлѣющей цѣнности, а въ виду того, что оно приведетъ къ захвату власти тѣмъ классомъ, который можетъ произвести радикальныя соціальныя реформы, осуществить организацію труда, превратить государство въ «банкира бѣдныхъ», открыть «соціальныя мастерскія» и т. д.

Вопреки Фурье, онъ не расчитывалъ на творческую силу свободнаго индивидуальнаго почина и не вѣрилъ въ преобразовательныя способности самого общества. Только дѣйствіемъ власти можетъ быть достигнуть крупный соціальный успѣхъ. «Не забрать въ свои руки власти, какъ орудія, значитъ встрѣтить ее, какъ препятствіе», — писалъ онъ. Для него свобода заключается не столько въ предоставленныхъ правахъ, сколько въ данной человѣку власти упражнять и развивать свои способности. Безъ этой власти свобода—мифъ. И государство обязано поставить гражданъ въ условія, при которыхъ они могли бы обладать такой властью, и для этого прежде всего снабдить ихъ надлежащимъ образованіемъ и орудіями труда. Такимъ образомъ, требованія истинной свободы должны приводить къ необходимости сильной власти. Пока низшіе классы населенія не станутъ окончательно прочно на собственныя ноги, пока они не перестанутъ быть «несовершеннолѣтними», какъ выражается Л. Бланъ, до тѣхъ поръ такая опекающая роль власти представляется совершенной необходимостью. И. Л. Бланъ вмѣнялъ въ заслугу сенсимонистамъ, что они въ опроверженіе ученія либераловъ подняли значеніе власти.

Но онъ не соглашался съ сенсимонистами въ томъ, что любое правительство можетъ взять на себя осуществленіе соціальной ре-

волюціи. Отъ буржуазной монархіи онъ ничего не ждалъ. По его убѣжденію, іюльскій режимъ порождалъ лишь внутренюю войну во всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ, нарушалъ необходимое единство политическое, экономическое и моральное и въ конечномъ счетѣ долженъ былъ привести къ полной анархіи.

Такіе результаты, по его мнѣнію, неизбѣжно вытекаютъ изъ того индивидуализма, который проповѣдывала либеральная идеологія. Въ своей исторіи французской революціи Л. Бланъ прослѣдилъ зарожденіе и сложеніе этой идеологіи и противпоставилъ ученіе Вольтера, Кондорсе, Дидро и другихъ, восторжествовавшее при Конституантѣ, полузадушенное Конвентомъ и вновь окрѣпшее послѣ 9 термидора, построенному на принципѣ братства ученію Морелли, Руссо и Мабли, которое нашло себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ дѣятельности Робеспьера. Всѣ симпатіи Л. Блана были на сторонѣ второго ученія, ибо онъ предпочиталъ равенство свободѣ. По его словамъ, безъ равенства, являющагося связью сердецъ, свобода не что иное, какъ лицемѣрный деспотизмъ.

Но провозглашая равенство главнымъ основаніемъ общественности, Л. Бланъ въ самомъ пониманіи общественнаго равенства далекъ былъ отъ требованія полнаго торжества въ соціальномъ положеніи всѣхъ гражданъ. Онъ смягчалъ равенство началомъ *пропорціональности* способностямъ, различіе которыхъ онъ признавалъ неустранимымъ фактомъ. Государство обязано лишь обезпечить равное право развитія неравныхъ способностей. Болѣе способные естественно становятся во главѣ общества и государства. И представительная система лучше всего способствуетъ такому отбору способнѣйшихъ и призыву ихъ къ власти. Остальные призваны лишь повиноваться. Положимъ, Л. Бланъ стремился ослабить рѣзкое различіе въ положеніи гражданъ властвующихъ и повинующихся указаніемъ, что властвовать въ возвышенномъ смыслѣ слова значитъ жертвовать собой, что высшее въ государствѣ положеніе налагаетъ лишь новыя обязанности, что государственная власть всегда должна быть слугой, а не господиномъ. Однако эти старанія въ духѣ Сен-Жюста и Робеспьера умалить соблазнъ власти во имя демократическихъ чувствъ не могли достигать своей цѣли. Л. Бланъ считалъ власть слишкомъ крупной общественной силой, чтобы искренно вѣрить, что обладаніе ею не ставитъ властителей высоко надъ другими гражданами. Раздѣляя вѣру сенсимонистовъ въ почти безграничную мощь законодателя, онъ былъ убѣжденъ, что энергичная и просвѣщенная власть можетъ сразу замѣнить дѣйствующую систему законодательства совершенно

новой, ей противуположной. Вся задача лишь въ томъ, чтобы власть попала въ надежныя руки. Въ сущности Л. Бланъ былъ сторонникомъ умственной аристократіи. Большинство населенія онъ считалъ совершенно неспособнымъ къ активной государственной дѣятельности вслѣдствіе его невѣжества и склонности къ предразсудкамъ. Во имя прогресса властвовать должно лишь просвѣщенное меньшинство. «Развѣ уже насталъ свѣтлый день въ умахъ? Развѣ уже стали безполезны факелы на пути человѣчества впередъ?»—восклицалъ онъ. Поэтому онъ былъ естественно противникомъ прямой демократіи, которую стали пропагандировать нѣкоторые публицисты во время второй республики, и еще большимъ противникомъ анархіи, проповѣдуемой Прудономъ.

При такомъ недовѣріи Л. Блана къ политическимъ способностямъ народныхъ массъ было скорѣе непослѣдовательностью съ его стороны настаивать на всеобщемъ голосованіи. Онъ однако снималъ съ себя этотъ упрекъ, соглашаясь съ Монтескье въ томъ, что народъ обладаетъ удивительнымъ умѣніемъ избирать надлежащихъ людей. Но уже безусловнымъ противорѣчіемъ, неустраненнымъ имъ и неустранимымъ, была защищаемая имъ система представительства. Дѣло въ томъ, что Л. Бланъ былъ сторонникомъ отвѣтственнаго представительства по схемѣ Робеспьера. Онъ шелъ даже дальше Робеспьера, ибо высказывался за досрочное отозваніе депутатовъ и даже признавалъ—съ нѣкоторыми оговорками—императивный мандатъ.

Между тѣмъ, какъ то разъяснилъ еще Сійесъ, такое зависимое отъ избирателей представительство есть лишь видъ непосредственной демократіи. При немъ избиратели являются руководителями депутатовъ, судьями надъ ними и часто вершителями важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Все это, разумѣется, несвязуемо съ той низкой оцѣнкой политическаго разумѣнія народа, которую дѣлаетъ Л. Бланъ. При его склонности къ умственной аристократіи, при его взглядѣ на миссію законодателя, близкомъ ко взгляду просвѣщеннаго абсолютизма, онъ долженъ былъ ограничивать роль избирателей лишь выборами, имѣющими задачей селекцію способнѣйшихъ, и отнюдь не допускать ихъ вмѣшательства въ самую дѣятельность депутатовъ.

Концепція власти, какъ прогрессивной силы, призванной поднять культурный уровень народныхъ массъ, требуетъ отрѣшенія отъ распоряженія властью некультурныхъ и малокультурныхъ слоевъ населенія и не вяжется съ демократизаціей представительства. Обыкновенно такая концепція относится враждебно даже и къ всеобщему голосованію. И самъ Луи Бланъ нѣкоторое время раздѣлялъ такое

отношеніе. Я уже писалъ, что на собраніи рабочихъ делегатовъ въ Люксембургскомъ дворцѣ въ 1848 г. онъ заявлялъ, что всеобщее голосованіе далеко не всегда служитъ выраженіемъ народной воли. И вскорѣ послѣ своего изгнанія, разочарованный, какъ и многіе другіе тогдашніе радикалы и соціалисты, результатами примѣненія всеобщаго голосованія, онъ писалъ, что оно не можетъ достигать своей цѣли до того времени, пока соціальныя реформы не избавятъ народъ отъ невѣжества и нищеты. Его интимнѣйшей въ это время мыслью была необходимость радикальной диктатуры, какъ предварительной стадіи для господства истинной демократіи.

Такая мысль въ сущности всегда сродни тому нетерпѣливому этатизму, какой исповѣдывалъ Л. Бланъ. Разъ нѣтъ вѣры въ силы народа, въ способности къ самодѣятельности общества, разъ всѣ надежды возлагаются лишь на власть, то легко и естественно рождается желаніе освободить власть отъ разныхъ препонъ и преній, которыя могли бы помѣшать ея просвѣтительной, культурной работѣ. А Луи Бланъ могъ еще тѣмъ легче вѣрить въ спасительность диктатуры, что у него были весьма своеобразныя воззрѣнія на внутреннее единство, свойственное истинной демократіи. По его ученію, всякое государство есть «реализованное коллективное существо» и всегда «думаютъ не индивиды, а общества: изобрѣтаютъ не люди, а столѣтія», а въ демократіяхъ это духовное единство народа пріобрѣтаетъ еще большую интенсивность: здѣсь стирается противуположность между индивидомъ и государствомъ; здѣсь «государство—то же общество, дѣйствующее, какъ государство, во всемъ, что имѣетъ ясный соціальный характеръ».

Такое вѣрованіе въ сплоченное внутреннее единство, свойственное демократіи, предрасполагало Л. Блана къ склонности къ диктатурѣ: разъ всѣ граждане связаны прочнымъ духовнымъ сродствомъ, то одинъ изъ нихъ можетъ дѣйствовать и властвовать вмѣсто всѣхъ и на благо всѣхъ. Однако самое понятіе этого единства у Луи Блана далеко не выяснено. Подъ нимъ онъ отнюдь не разумѣлъ единства интересовъ. Возражая Консидерану, онъ указывалъ, что любому народу свойственно противорѣчіе интересовъ, желаній, вѣрованій и страстей. И отсюда онъ выводилъ невозможность понятія единой народной воли. Скорѣе всего онъ, поддаваясь вліянію Пьера Леру, разумѣлъ какое то органическое или психологическое единство. Быть можетъ, даже онъ намѣренно не подвергалъ анализу это неясное, полу-мистическое представленіе, столь идущее вразрѣзъ съ его обычнымъ позитивнымъ методомъ мышленія, чтобы не разру-

шить той философской базы, на которой онъ воздвигалъ свой постулатъ единства власти. Ибо внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго единства народа было, по его ученію, именно единство власти. А единство государственной власти было его главнѣйшимъ политическимъ требованіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ раздѣлялъ ученіе Робеспьера и другихъ монтаньяровъ и былъ ревностнымъ противникомъ политической децентрализаціи, сторонникомъ гегемоніи Парижа и вообще сосредоточенія власти.

Въ сущности послѣдовательное служеніе идеи сильной, сосредоточенной власти обязывало относиться отрицательно ко всякой демократизаціи власти, въ частности и къ организаціи представительства на широкой демократической базѣ. Поэтому можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, какъ это я выше сдѣлалъ, что Л. Бланъ выдвигалъ требованіе всеобщаго голосанія въ цѣляхъ борьбы за власть. Когда же власть досталась той политической группѣ, которой онъ вѣрилъ и въ частности ему самому, какъ члену временнаго правительства, онъ чуть ли не первый высказался противъ всеобщаго избирательнаго права. Для производства тѣхъ радикальныхъ соціальныхъ реформъ, въ которыхъ Л. Бланъ видѣлъ все благо для народа, была нужна—на его взглядъ—*демократическая* власть, т. е. власть, исшедшая изъ народа и обрекшая себя на служеніе народу, а не *демократизація* власти съ ея неизбѣжными треніями и замедленіями. И лишь тогда, когда разбились надежды сосредоточить власть въ своихъ рукахъ и въ рукахъ своихъ единомышленниковъ, когда появилась на горизонтѣ враждебная его планамъ диктатура Наполеона III, Луи Бланъ сталъ вновь настаивать на соучастіи народа во власти и развилъ тѣ требованія демократизаціи представительства, о которыхъ я выше писалъ: отвѣтственность депутатовъ передъ избирателями, право досрочнаго отозванія, императивный мандатъ, а также и представительство меньшиства.

Л. Бланъ болѣе, чѣмъ другіе соціалистическіе писатели того времени, останавливался на вопросахъ народнаго представительства. Однако и онъ былъ далекъ отъ пониманія самодовлѣющаго значенія этого института и подлинной природы его. Онъ не шелъ дальше признанія въ немъ наилучшаго способа выдѣленія изъ народной среды способнѣйшихъ къ правленію. Цѣнность представительной системы, какъ канала народнаго правосознанія, для него не существовали, ибо онъ, какъ и другіе соціалисты и радикалы того времени, смотрѣлъ на право, какъ на измышленіе законодателя, и почиталъ законодателя властнымъ произвести любой соціальный перево-

ротъ. Все зависѣло лишь отъ просвѣщенной воли и энергіи законодателя. И демократическая представительная система была, въ его глазахъ, только способомъ получить такого просвѣщеннаго законодателя, убѣжденнаго въ необходимости коренныхъ соціальныхъ реформъ. Разъ такой законодатель былъ полученъ, народное представительство, въ сущности, являлось излишнимъ. Оно скорѣе мѣшало энергіи власти, ея единству, которое Л. Блапъ считалъ столь необходимымъ для государства. Въ сущности культъ сильной «единой» государственной власти находился у Л. Блана въ противорѣчіи съ его демократическими построеніями. Прудонъ былъ правъ, упрекая его въ томъ, что онъ демократію приносилъ въ жертву единству власти. Духъ его ученія благопріятствовалъ отнюдь не развитію народоправства, а единоличной власти во имя и на благо народа—народной диктатурѣ.

V.

КАБЕ. ПРУДОНЪ.

То же самое слѣдуетъ сказать и объ ученіи Кабе. Проповѣдникъ коммунизма Кабе еще болѣе Л. Блана настаивалъ на равенствѣ и еще менѣе дорожилъ свободой. Въ сущности въ его политической концепціи вовсе нѣтъ мѣста индивидуальной свободѣ. Характерно, что, опредѣляя въ своей исторіи Французской революціи демократію, какъ властвованіе всего народа на началахъ братства и равенства, онъ даже и не упомянулъ о свободѣ. Для него свобода какъ бы входитъ въ составъ понятія равенства. «Равенство можетъ царить только въ свободномъ государствѣ»,—пишетъ онъ. «Тамъ, гдѣ народъ создаетъ самъ свои законы, господствуетъ общая воля; а общая воля стремится непосредственно къ равенству, ибо каждый вотируетъ въ свою пользу, вотируя въ пользу всѣхъ». И только эту активную часть понятія политической свободы: соучастіе во власти—Кабе и признаетъ. Другая сторона свободы: личная независимость отъ вмѣшательства какой бы то ни было власти—для него не существуетъ. Предѣлы власти онъ расширяетъ до крайности. По его убѣжденію, суверенный народъ имѣетъ право опредѣлять законами всѣ мелочи жизни, даже пищу, одежду и развлеченія.

Такое возвращеніе къ идеямъ полицейскаго государства—чрезвычайно характерно для Кабе. Болѣе, чѣмъ другіе соціалисты того времени, онъ вѣрилъ въ спасительность власти, въ ея способность водворить полное благоденствіе народа и установить необходимѣйшее для того благоденствія условіе—равенство. По фанатической преданности своей идеѣ равенства Кабе весьма близокъ къ бабувизму. Недаромъ онъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Буонаротти. Несомнѣнно подъ вліяніемъ Буонаротти сложился и политическій его идеалъ, который онъ изобразилъ въ «Voyage en Icarie» Икарійскій государственный строй съ его многолюднымъ представительнымъ собраніемъ въ центрѣ и вѣчевыми коммунальными собраніями на мѣстахъ, имѣющими право законодательнаго почина и санкціи законовъ, очень напоминаетъ планъ государственнаго устройства бабувистовъ, какъ онъ, по крайней мѣрѣ, изложенъ у Буонаротти.

Да и во взглядахъ на способы осуществленія своего политическаго и соціальнаго идеала Кабе сходился съ Бабефомъ и его единомышленниками. Подчиняя свободу равенству, онъ не могъ особенно дорожить тѣмъ, чтобы равенство было достигнуто непремѣнно въ условіяхъ свободы. Правда, онъ предпочелъ бы, чтобы коммунистическій строй установился по свободному почину людей, проникнутыхъ убѣжденіемъ въ его справедливости. Однако онъ не придавалъ, подобно Фурье, этому пути исключительнаго значенія, а въ нетерпѣніи скорѣе увидѣть осуществленнымъ свой идеалъ готовъ былъ, подобно Бабефу, обратиться къ помощи диктаторской власти. Недаромъ онъ всегда былъ горячимъ поклонникомъ Робеспьера, а въ 1848 г. одобрялъ въ общемъ политику Ледрю-Роллена и Луи Блана и вмѣстѣ съ ними стоялъ за необходимость возстанія 13 іюня.

Даже и Прудонъ при всемъ своемъ отвращеніи къ «благодѣяніямъ» власти, отстаиваніи самопомощи населенія и проповѣди политическаго аморфизма,—тѣмъ не менѣе способствовалъ успѣхамъ идеи диктатуры. И это прежде всего потому, что Прудонъ, духъ по преимуществу критическій, былъ силенъ только въ разрушеніи и не давалъ ничего положительнаго. На смѣну высмѣиваемыхъ имъ режимовъ и низвергаемыхъ политическихъ системъ онъ не выработалъ хоть сколько нибудь осуществимаго плана новой общественной организаціи, и даже не выяснилъ точно свои конечныя политическія стремленія. Онъ звалъ въ обѣтованную землю царства совершенной справедливости, но не указывалъ, какъ въ нее придти. И самъ не разъ сбивался съ пути, мѣнялъ свои планы и хватался за случайную и ненадежную помощь.

Никто съ такой силой и съ такимъ ядомъ не нападалъ на іюльскую монархію, какъ Прудонъ. Его возмущалъ не только ея глава, царствовавшій «par le mépris» и благодаря сознательной коррупціи, не только установившаяся «банкократія», но и вся система «juste-milieu», самый духъ господствовавшаго близорукаго и безпринципнаго либеразизма или доктринаризма, характеръ котораго, по его утвержденію, состоялъ въ софистикѣ и произволѣ. Но, отвергая съ негодованіемъ либерализмъ и іюльскій строй, Прудонъ съ неменьшимъ жаромъ нападалъ и на радикализмъ или, какъ онъ его называлъ,—якобинизмъ и на режимъ, установившійся непосредственно вслѣдъ за февральской революціей. Онъ называлъ якобинизмъ—демагогіей и утверждалъ, что это—таже «juste-milieu», лишь прикрытая маской насилія и революціонныхъ влеченій. По его словамъ, якобинизмъ гонится за мѣстами и обвиняетъ людей, а не принципы, стремясь измѣнить лишь имена и оставить въ неприкосновенности идеи и учреж.

денія. Прудонъ одинаково отвергаетъ какъ хартію 1830 г., такъ и конституціи 1791 г. и 1793 г. всѣ декларацій правъ будь то Лафайета, Кондорсе или Робеспьера. Для него не только Сійесъ и Гизо, но и Руссо и Робеспьеръ были «знаменосцами реакціи». Ибо онъ въ равной степени отвергалъ какъ ограниченное цензомъ избирательное право, такъ и всеобщее голосованіе, какъ представительную систему, такъ и непосредственную демократію.

Еще при іюльской монархіи Прудонъ высказывался противъ всеобщаго голосованія. Считая его вѣрнымъ въ принципѣ, онъ однако находилъ его неосуществимымъ во Франціи вслѣдствіе непросвѣщенности народа. И въ этихъ мысляхъ онъ еще болѣе укрѣпился послѣ 1848 г. Опытъ примѣненія всеобщаго голосованія далъ, по его мнѣнію, самые отрицательные результаты. Это изобрѣтеніе Ледрю-Роллена и Луи Блана, по его выраженію, является «прекраснымъ учрежденіемъ, чтобы заставить говорить народъ не то, что онъ думаетъ а то, что отъ него желаютъ»... Народъ всегда за того, кто къ нему обращается. Поэтому всеобщее голосованіе легко можетъ стать орудіемъ контръ-революціи. «Это—политическій атеизмъ въ худшемъ значеніи слова». Отрицательное отношеніе Прудона къ всеобщему голосованію объясняется прежде всего тѣмъ, что онъ, въ противуположность Монтескье, не признаетъ умѣнья народа выбирать достойныхъ людей... «Я нисколько не вѣрю,—пишетъ онъ: — въ эту божественную интуицію толпы, которая будто бы заставляетъ ее съ перваго взгляда распознавать достоинства и почтенность кандидатовъ». Этому препятствуетъ, во первыхъ, обстановка выборовъ: «въ своихъ комиссіяхъ народъ на десять подлецовъ едва встрѣтитъ одного честнаго человѣка»,—утверждаетъ Прудонъ. А во вторыхъ—и это главное,—мѣшаютъ неустранимыя качества всякой толпы «de la vile multitude»—какъ выражается Прудонъ. Для него не подлежитъ сомнѣнію, что «классъ самый бѣдный и самый многочисленный, именно потому, что онъ самый бѣдный, является въ то же время и самымъ неблагодарнымъ, самымъ завистливымъ, самымъ безнравственнымъ и самымъ трусливымъ». Онъ считаетъ безсмыслицей въ вѣкъ, девизомъ котораго служитъ прогрессъ, основывать правительство на инстинктахъ пролетаріевъ и вдохновеніяхъ самыхъ непросвѣщенныхъ классовъ.

Наконецъ, помимо этого чисто Платоновскаго презрѣнія къ демократіи, Прудона настраиваютъ противъ всеобщаго голосованія и его своеобразныя соціологическія воззрѣнія. Для него общество есть живое существо, обладающее собственнымъ разумомъ и волей, управляемое спеціальными законами, которые проявляются въ фак-

тѣ тѣсной солидарности всѣхъ его членовъ. Коллективный разумъ онъ считаетъ безусловной реальностью. Трудно лишь раскрыть его дѣйствительныя требованія. Заставить народъ высказать подлинную свою мысль представляется Прудону труднѣйшей и въ то же время важнѣйшей задачей организаціи демократіи. Всеобщее голосованіе въ лучшемъ случаѣ есть лишь «гипотетическій способъ предположить согласіе массъ». И чаще всего эта гипотеза не подтверждается. Ибо всякій вотумъ атомизируетъ народъ и разрываетъ его мысль. «Какимъ образомъ можно повѣрить,—спрашиваетъ Прудонъ,—чтобы мысль, въ одно и то же время частная и общая, коллективная и индивидуальная, словомъ—синтетическая, могла получаться путемъ голосованія, т. е. именно черезъ офиціальную формулу ея разнообразія». «Я признаю въ принципѣ—писалъ Прудонъ въ другомъ сочиненіи,—что народъ существуетъ, что онъ суверененъ... Но ничто до сихъ поръ не доказало мнѣ, что онъ можетъ во внѣ совершить актъ суверенитета, что возможно внѣшнее проявленіе народа. Ибо при господствѣ предразсудковъ, при противорѣчіяхъ идей и интересовъ, при увлеченіяхъ толпы, я буду всегда спрашивать, что устанавливаетъ аутентичность и законность подобнаго проявленія, и демократія не въ состояніи дать на это отвѣтъ».

Отвергая самую основу современной демократіи—всеобщее голосованіе, Прудонъ отвергалъ и обѣ формы демократіи:—и представительную и непосредственную. Отрицаніе народнаго представительства покоится у Прудона на томъ же основаніи, какъ и у Руссо: народная воля не представляема. Лишь аргументація Прудона иная. Въ разрѣзъ съ господствовавшимъ во времена Сійеса признаніемъ внутренняго единства націи Прудонъ доказывалъ, что народъ заключаетъ въ себѣ безконечное разнообразіе интересовъ, идей и стремленій. Вслѣдствіе этого совершенно неосуществимо обычное требованіе представительной системы, чтобы каждый депутатъ представлялъ всю страну. Это требованіе и вытекающая изъ него независимость депутатовъ отъ избирателей превращаютъ, по утвержденію Прудона, депутатовъ въ сенаторовъ и вмѣсто представительной демократіи создаютъ избирательную олигархію. Подлинная демократія возможна лишь при зависимомъ и отвѣтственномъ представительствѣ. Непосредственными и неоспоримыми слѣдствіями избирательнаго принципа, по мнѣнію Прудона, являются императивный мандатъ и постоянная отзываемость депутатовъ. Прудонъ утверждаетъ даже, что понятіе мандата никогда не было принимаемо въ серьезъ ни въ одной демократіи именно вслѣдствіе отрицанія зависимости депутатовъ. И въ результатѣ монтаньяры

Конвента и члены Комитета общественнаго спасенія были такими же деспотами въ силу мандата, какъ Наполеонъ I или Наполеонъ III. Если бы парламентъ іюльской монархіи былъ составленъ изъ депутатовъ, имѣвшихъ императивный мандатъ и отзываемыхъ по волѣ избирателей, буржуазія быстро потеряла бы свои привилегіи, и королевская власть, которая ее олицетворяла, была бы сведена на нуль.

Въ этомъ признаніи лишь зависимаго представительства соотвѣтствующимъ идеѣ народнаго суверенитета Прудонъ вполнѣ сходится съ Руссо. Но онъ тотчасъ же діаметрально съ нимъ расходится, ибо вслѣдствіе своего недовѣрія къ политическимъ способностямъ народныхъ массъ онъ не можетъ примириться и съ зависимымъ представительствомъ. «Десять милліоновъ нищихъ духомъ»,—восклицаетъ онъ:—«которые преклонялись передъ всѣми идолами, апплодировали всѣмъ программамъ и попадались въ сѣти всѣхъ интригъ, эти десять милліоновъ развѣ могутъ безошибочно рѣшить проблему революціи, редактируя свои наказы и назначая ad hoc своихъ представителей?».

Для него, при его низкой оцѣнкѣ народа, какъ активнаго дѣятеля въ государствѣ, прямая демократія была еще менѣе пріемлема, чѣмъ представительная. Поэтому проекты организаціи такой демократіи встрѣчали съ его стороны суровый отпоръ. И въ первую голову онъ подвергъ жестокой критикѣ ученіе Руссо. Съ его точки зрѣнія, Руссо предлагаетъ «легализацію соціальнаго хаоса» и «кодексъ капиталистической тираніи». Въ той же мѣрѣ онъ отвергаетъ и проекты Риттингаузена, Ледрю-Роллена и Консидерана. Они прежде всего неосуществимы. Но еслибы даже они были и осуществимы, ихъ слѣдуетъ отвергнуть, ибо они всѣ санкціонируютъ произволъ и грубую силу, такъ какъ законъ, полученный путемъ народнаго голосованія, есть неизбѣжно законъ случайныхъ и такъ какъ власть народа, основанная на числѣ, есть неизбѣжно власть грубой силы. Въ непосредственной демократіи также, какъ и при представительной системѣ, рѣшаетъ большинство. А «законъ большинства—разсуждаетъ Прудонъ не есть мой законъ: это законъ силы; слѣдовательно, и правительство, которое изъ него вытекаетъ, не есть мое правительство, а правительство силы. Чтобы я оставался свободнымъ, чтобы я не подчинялся никакому иному закону, кромѣ моего собственнаго, и правилъ самъ надъ собою, надо отказаться отъ власти голосованія и сказать прости какъ вотуму, такъ и представительству и монархіи».

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Прудона, всякая демократія, разъ въ ней дѣйствуетъ законъ большинства, есть организо-

ванное насиліе нѣкоторыхъ и нѣсколькихъ надъ остальными. Такая демократія не есть подлинная демократія: въ ней властвуетъ не весь народъ, а лишь часть его и, слѣдовательно, демократія въ этомъ смыслѣ есть лишь «замаскированная аристократія» и «отрицаніе народнаго суверенитета». И именно вслѣдствіе того, что еще нигдѣ и никогда не властвовалъ весь народъ, какъ одинъ человѣкъ,—опытъ показываетъ, что всюду и всегда правительство, сколь народнымъ ни было его происхожденіе, становилось на сторону класса наиболѣе просвѣщеннаго и богатаго и противъ класса самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго. «Исторія правительства,—утверждаетъ Прудонъ, есть мартирологъ пролетаріата».

Поэтому истинное царство свободы можетъ быть достигнуто только путемъ упраздненія всякаго представительства. И въ этомъ и видитъ Прудонъ задачу революціи 1848 г. Она, по его мысли, должна быть отрицаніемъ представительства и неразлучнаго съ нимъ суверенитета большинства и утвержденіемъ истинной республики, гдѣ нѣтъ никакой власти, гдѣ господствуетъ полная анархія.

БИБЛІОТЕКА
„Революція и культура".

БИБЛІОТЕКА «РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА» имѣетъ цѣлью выдвинуть передъ читателемъ цѣлый рядъ острѣйшихъ и задѣвающихъ каждаго живого и мыслящаго человѣка вопросовъ, имѣющихъ глубокую связь съ переживаемыми событіями.

Возможность **иллюстрировать выводы и идеи запретнымъ прежде историческимъ и бытовымъ матеріаломъ**—заставляетъ пересмотрѣть всѣ острые и существенные вопросы нашей жизни и исторіи при СВѢТѢ СВОБОДЫ и ПРАВА.

БИБЛІОТЕКА «РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА» заключаетъ въ себѣ **12 ИЗЯЩНО ИЗДАННЫХЪ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ СЪ ГРАВЮРАМИ, ПОРТРЕТАМИ, ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ, ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ МНОГОКРАСОЧНЫХЪ ОБЛОЖКАХЪ.**

Въ БИБЛІОТЕКѢ «РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА» принимаютъ участіе: **Проф. В. М. Устиновъ, проф. В. Ѳ. Тотоміанцъ, Ю. И. Айхенвальдъ, пр.-доц. А. А. Боровой, прив.-доц. Л. В. Успенскій, прив.-доц. Н. В. Устряловъ, А. И. Топорковъ, Н. Я. Абрамовичъ и другія историческія, философскія и критическія силы.**

Соціальный рай на землѣ.

Содержаніе:—Утопіи, ученія и системы о конечныхъ цѣляхъ коллективнаго устроительства. — Соціалисты, моралисты, проповѣдники, мистики. — Попытки практическихъ устроеній: фаланстеріи, общежитія, колоніи и пр.

Книга «СОЦІАЛЬНЫЙ РАЙ НА ЗЕМЛѢ» исчерпываетъ матеріалъ всѣхъ системъ и попытокъ устроенія соціальнаго рая и является исторіей человѣческаго стремленія къ справедливости и соціальному счастью.

Растлѣнныя души.

Содержаніе:—Русская интеллигенція и охранное отдѣленіе. — Самодержавный строй и революціонное подполье. Какъ созидалась и функціонировала охранка. — Знаменитые предатели. — Психологія человѣческой продажности. Рѣдкіе документы человѣческой совѣсти. — Геніи предательства.—Пятна гангрены на тѣлѣ русскаго общества—и пр.

Идеалы современной демократіи.

Содержаніе:— **Что такое свобода?—Что такое равенство? — Что такое братство?** И пр.

Возможно-ли то равенство, о которомъ мечтаютъ теоретики утопическаго соціализма, достижимо ли вообще уравненіе людей въ границахъ ихъ жизненной борьбы и достиженій, **какъ понимать подлинное равенство и какъ понимать подлинную свободу?**

Вожди революціонной Россіи.

Содержаніе: Декабристы.—Первые вожди революціи. — Главари движенія.—Черный передѣлъ и Земля и Воля.—Современники: — Плехановъ, Черновъ, Керенскій и др.

Являясь страницей изъ Великой Исторіи русской Революціи, книга «ВОЖДИ РЕВОЛЮЦІОННОЙ РОССІИ» даетъ портреты крупныхъ дѣятелей освободительнаго движенія, характеристику личности, очеркъ ихъ жизни, сводку взглядовъ, идей, оцѣнку трудовъ и пр.

Революціонный терроръ и свобода.

Содержаніе:—Робеспьеръ и его знаменитыя рѣчи о террорѣ. — Кровь и убійство во имя свободы.—Духовные правнуки Робеспьера у насъ на Руси.— И пр.

Въ книгѣ «РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ТЕРРОРЪ И СВОБОДА» —кровавыя страницы исторіи французской революціи приводятся въ связь съ нѣкоторыми характерными послѣдствіями русской революціи.

Крестьянскіе бунты въ Россіи.

Содержаніе:—Стихія разрушеній, пожарищъ и разгромовъ. — Пугачевъ.—Стенька Разинъ.—Платовъ.—Идеи крестьянскихъ возстаній. — Звѣриное въ человѣкѣ.—И пр.

Въ условіяхъ самодержавія и безправнаго слова оставалось не освѣщеннымъ одно изъ грандіознѣйшихъ **явленій русской жизни: — стихійные народные бунты,** проявлявшіеся при стимулахъ—ЗЕМЛИ и ВОЛИ.—Самые глубокіе черты русской психологіи сказались въ этихъ историческихъ страницахъ.

Низверженныя династіи.

Содержаніе:—Вѣнчанные изгнанники, лишенные троновъ: Франц Англіи, Португаліи, Турціи, Персіи.—Послѣдній Романовъ.—Психологія св женнаго царизма.—И пр.

Женщина въ революціонномъ народоправ ствѣ.

Содержаніе:—I.—Вѣчно-женственное и революція.—2.—Какое долж быть подлинное освобожденіе женщины.—3.—Омужчиненная женщина.—4.—С бода женскаго начала и его проявленій.—5. —Женщина и мужскія иллюзіи. Какъ добивалась женщина свободы.—6.—Тайна гармоніи отношеній.—И пр.

Борьба женщины за свободу создала не мало уродствъ и ненормальност съ другой же стороны чрезвычайно ОБОСТРИЛА вопросъ о женско-мужски отношеніяхъ. Въ этомъ вопросѣ много скопилось яда, гнили и болѣзненности

Въ книгѣ «ЖЕНЩИНА ВЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ НАРОДОПРАВСТВѢ авторъ признаетъ за женщиной безграничное право на полноту всѣхъ достиже въ жизни, но въ то же время ратуетъ за вѣчное и прекрасное НАЧАЛО ЖЕ СТВЕННОСТИ.

Революціонный пролетаріатъ и русская интеллигенція.

Содержаніе:—I.—Лозунги вражды къ интеллигентству. 2.—Недораз мѣнія нашей революціонной эпохи. 3. — Классовая вражда и надъ-классов сознаніе. 4.—Льстецы и угодники пролетаріата. 5. — Каменная стѣна разъед ненія. 6.—Подлинный идеалъ все-человѣческаго единенія.—И пр.

Въ настоящій моментъ, когда броженіе революціонныхъ силъ еще улеглось въ свои берега, когда раздаются голоса, натравливающіе рабочій клас и низы населенія на трудовую интеллигенцію, мозгъ и душу страны,—

книга «РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ и РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕ ЦІЯ» ставитъ задачей борьбу съ этой враждой и разъясненіе истинныхъ взаим отношеній народа и интеллигенціи.

Свобода религіозныхъ исканій и религія земли и тѣла.

Содержаніе:—1.—Великій духъ внутреннихъ исканій въ русском народѣ.—Тѣло и духъ въ этихъ исканіяхъ.—Чувственность и религіозность. — Откровенія народной религіозности. — Сладострастіе и красота. — Человѣкобо жество.—Религіозно-эротическія теченія современности.—И пр.

Книга «СВОБОДА РЕЛИГІОЗНЫХЪ ИСКАНІЙ и РЕЛИГІЯ ЗЕМЛИ ТѢЛА»—посвящена вопросу о связи двухъ началъ—чувственнаго и духовнаго въ человѣческой жизни.

Анархія и анархизмъ.

Содержаніе:—Бакунинъ. — Теоретики внѣшняго анархизма. — Анар хизмъ внутренній и дисциплина внутренняго единства. — Толстой. — Поножов щина и лозунги смуты и хищенія. — ЛЕНИНСТВО и ЛЕНИНЪ. — Идеологія хищничества и грубой силы.—Подлинный анархизмъ.—И пр.

Сладострастіе палачей.

Содержаніе:—Кошмары царизма.—Пытки и казни.—Русскіе цари на конкурсѣ палачей и садистовъ.—Грозный, Петръ, Екатерина, Николай, Але ксандръ 3-й, Николай Послѣдній.

«СЛАДОСТРАСТІЕ ПАЛАЧЕЙ»,—книга крови и человѣческихъ мукъ раскрываетъ кошмарную страницу насилій и необузданнаго произвола злой воли, которую внесъ въ міръ институтъ самодержавнаго единовластія.

Подписная цѣна на всѣ 12 томовъ безъ пересылки—36 рублей Допускается разсрочка: при подпискѣ 3 рубля и при полученіи каждаго тома—2 рубля 75 коп. Въ виду затруднительныхъ условій бумажнаго рынка и типографскихъ работъ изданіе печатается въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. По выходѣ въ свѣтъ перваго тома цѣна бу детъ по

МОСК 9-41.

ее «РЕВОЛЮЦІЯ и КУЛЬТУРА».

00071125
ЮФ СПбГУ